

Рудольф Штейнер

Смысл преждевременной смерти. Случайность, необходимость и предвидение

*8 лекций, прочитанных в Дорнахе
с 23 августа по 06 сентября 1915 г.*

GA 163

Пер. с нем. С. Шнитцера

Настоящий курс лекций прочитан в разгар трагических событий Первой мировой войны, когда слушатели духовных дисциплин мучительно искали ответы на вопросы: случайна ли смерть близких людей, чем заслужили погибшие такую судьбу, насколько необходимы все эти жертвы, в чем их смысл и каковы личные последствия преждевременной смерти?

Р. Штейнер рассматривает и личные, и космические аспекты преждевременной смерти, жертвенной смерти и смерти в преклонном возрасте. В этой связи он производит подробный анализ понятий «случайность», «необходимость» и «предвидение», увязывая их с оккультными особенностями мышления и реалиями духовного мира.

СОДЕРЖАНИЕ.

1-я лекция, 23/08/1915 г.

Как остроумие и смысленность способны увести от реальности на примере изыскания Фрица Маутнера о маловероятности случайного возникновения «Фауста» Гёте из произвольной комбинации букв и возникновения мира из случайного сочетания исходных элементов. Утверждение Маутнера, что понятия «случай» и «провидение» — чисто человеческие словесные конструкции. Понятие «майский жук» как контраргумент Маутнеру. Опасность смерти для души в случае отсутствия трудностей на пути поиска истины.

2-я лекция, 27/08/1915 г.

Интерес человека к внешнему миру во время бодрствования как состояние сознания настоящего времени; интерес человека во сне только к собственной персоне как проявление «древнего солнечного» состояния сознания. Восприятие материи во сне в виде полого пространства, обрамленного аурой. Искушение Люцифера, разрушение восприятия ауры и появление чувства наготы как предпосылки к возникновению одежды. Различные градации уровня сознания в бодрственном состоянии. Открытость в общении с людьми, застенчивость и скрытность. Различные состояния сознания Гегеля при написании предисловий к первому и второму изданию «Энциклопедии философских наук».

3-я лекция, 28/08/1915 г.

Выводы Фрица Маутнера о равнозначной исторической обусловленности двух событий: русской кампании Наполеона и того, что он, Маутнер, выкурил одной сигарой

больше обычного. Сравнение такого подхода с духовными устремлениями Гёте и Гегеля. Фауст и Спиноза. Случайность и необходимость как потребности души. Бодрствование как сознательное созерцание внешнего мира; сон как бессознательное созерцание внутреннего мира; память как сознательное созерцание внутреннего мира. Концентрация сил памяти и познание предыдущих инкарнаций. Движения эфирного тела при конструировании понятий. Воспоминание как привычка эфирного тела к соответствующему роду движения. Трансформация привычных движений эфирного тела в мимику и пантомимику в следующей инкарнации.

4-я лекция, 29/08/1915 г.

Различие между мнимыми и действительными понятиями Маутнера, понятие необходимости как якобы субъективное человеческое измышление. Необходимость — производная былой субъективности. Справедливость этого в отношении и людей, и космических существ.

5-я лекция, 30/08/1915 г.

Разница между необходимым и свершившимся. Необходимость как отражение прошлого в настоящем; отображение внешнего мира в нашем познании. Пересечение природных и душевных процессов как область случайного. Правильное переживание настоящего времени. Соотношение понятий свободы и случайности. Как случайное событие, порождая карму, становится необходимостью. Понятие предвидения и душевное переживание эманаций духовного мира. Образчик современной богооставленности: согласно Маутнеру, христианство — это просто сумма имплантированных слов. Пример действия Гения языка.

6-я лекция, 04/09/1915 г.

Невозможность применения научных познаний к познанию окружающего мира на душевном уровне. Эфирное тело как инструмент при имажинативном познании. Мысли как живые существа. Мир мыслей и гномы. Человек и ундины в подвижно-изменчивом мире; человек как составная часть организма Земли. Движение мозговой жидкости как связующее звено между внешним воздухом и процессом мышления; движение мозговой жидкости как реликт старой Луны.

7-я лекция, 05/09/1915 г.

Связь физического тела с физическим миром, а эфирного — с космосом. Молодение эфирного тела в ходе жизни. Эфирное тело как питательная почва для тела астрального, зародыша следующего земного воплощения. Посмертный панорамный обзор прожитой жизни как процесс извлечения астральным телом итога минувшей жизни, запечатленного в теле эфирном. Последствия смерти в глубокой старости для будущей инкарнации. Ранние смерти как источник воли и силы любви и, как следствие, разнообразия и дистанции между живущими на земле. Гении.

8-я лекция, 06/09/1915 г.

Желание вернуться в физическое тело, постоянно появляющееся после засыпания. «Замурованность» в физическом теле и обретение самосознания. Появление идеи физического тела в период между смертью и новым рождением. Растворение физического тела после смерти. Скрепление эфирного тела с эфирным миром и признательность со стороны духовного мира. Переживание духовного мира и духовных существ как наши собственные мысли и чувства. Положение Беркли «существовать — значит быть воспринятым». Объективный мир как продуманное богами, вытесненное за пределы собственного состава и вычеркнутое из памяти. Связь самосознания и способности вспоминать забытое. Внешний мир как механизм сохранения собственного сознания богов. Интерес к удивительному строению человеческого тела со стороны умерших в юности. Интерес к космосу со стороны умерших в старости.

Приложение. 1 лекция, Эльберфельд, 13/07/15 г. GA 159.

1 лекция
23 августа 1915 г.

Сегодня мы поговорим о том, насколько трудно человеку придерживаться путеводной нити истины в

спутанном клубке наших повседневных мыслей. Мне хотелось бы, чтобы вы вникли, насколько это затруднительно — отдаться потоку мыслей и не упускать из виду сумму факторов, позволяющих нам не уклоняться от определенного эталона; а также чтобы вы учли, с какой легкостью утрачиваются критерии правильности, когда бесконтрольно отдаешься течению мыслей. Вне сомнения, такой подход к мышлению наиболее трудный. Однако, помимо всего прочего, он представляет для нас также определенную моральную ценность, поскольку мы уясняем, что поиск истины — предприятие трудное и что от него отклониться легко, когда продолжаешь какую-нибудь мысль только с тем, чтобы прийти к истине на основе строго логического умозаключения. Вы увидите, что то, о чем я сегодня собираюсь вам сказать, поможет нам легче разобраться в определенных вещах, о которых мы поговорим в следующей лекции. Тогда мы коснемся таких важных понятий, как случайность, необходимость и предвидение. Сегодня мне хотелось бы предложить вам что-то вроде введения, которое, хотя и может показаться трудным, способно не только дать нам нечто важное и значимое с теоретической точки зрения, но и вызвать предчувствие того, как осуществляется поиск истины.

Я уже по разным поводам упоминал одного современного философа — Фрица Маутнера, автора «Критики языка». Этой «Критикой языка» предполагалось ужесточить в нашу эпоху критерий правильности по сравнению с тем, чего в свое время добился Кант своей «Критикой чистого разума». Ибо Маутнер убежден, что людям не следует искать познания при помощи понятий: в сущности, люди сплетают ткань познания только с помощью нитей языка, то есть в своем мышлении опираются не на реальные понятия, а всего лишь пользуются словами, лишь указывающими на то или другое. По мнению Маутнера, слова связаны с определенными внутренними переживаниями, а люди, веря в силу слов, всего лишь соединяют слова, играют их корнями и в итоге извлекают свои познания из игры слов. Перед нами полнейшее отрицание всего процесса познания, но это-то как раз и должно было неизбежно проявиться в эпоху, подобную нашей, когда мы наблюдаем

наихудшие последствия материализма.

Мотив возникновения подобных воззрений у Фрица Маутнера станет вам в какой-то степени ясным, если я прочту следующий отрывок из его «Философского словаря» — работы, написанной уже после «Критики языка», — и это будет фрагмент из статьи о слове «Случайность», ибо мы как раз и собираемся поговорить о случайности, необходимости и предвидении. Из цитируемого отрывка вы можете уяснить, как в эпоху материализма люди постепенно начинают выражать свои суждения относительно некоторых вещей. Мне хотелось бы, чтобы отрывок, который я вам сначала прочитаю, затронул не столько те или иные ваши теоретические предпочтения, сколько ваши чувства, чтобы вы ощутили то, что приходится испытывать, когда встречаешься с такого рода высказываниями какого-нибудь современного философа-материалиста. Хотелось бы, чтобы вы эмоционально откликнулись на самый его подход к предмету. В статье «Случайность» он пишет: «Надо поистине быть ребенком, чтобы радоваться сказочным сюрпризам из мешка с подарками от Санта-Клауса — продукции доброго фабриканта». Он имеет в виду, что подразумеваемый подход к случайному — признак инфантильности, когда продукция доброго фабриканта игрушек вызывает в ком-то чувство сказочного изумления! «И если есть еще охота после Спинозы, Юма, Канта и Шопенгауэра затруднять доброго боженьку», то есть если хочется привлечь доброго боженьку к объяснению мира — ты уподобляешься ребенку, который радуется чудесным сюрпризам Санта-Клауса — продукции доброго фабриканта. И тогда твоим радостям нет предела. Итак, по мнению Маутнера, привлечь доброго боженьку к объяснению феноменов нашего мира означает предаваться лжемудрости. И дальше у него так: «И если еще не пропала охота после Спинозы, Юма, Канта и Шопенгауэра привлечь доброго боженьку, шопенгауэровского Старого еврея, то не миновать заблуждений касательно случайности или провиденциальности». Заметим, «доброго боженьку» Маутнер вдобавок зовет «шопенгауэровским Старым евреем», ибо термин «христианский Бог» представляется

ему уже неверным.

Вы видите, в каком тоне постепенно начинает высказываться материалист, если он серьезно принимает сам себя. Ведь очевидно, что многих материалистов и конечно же атеистов надо принимать в духе фразы: «Я — атеист, и это так же верно, как то, что есть Бог на небесах!», не серьезнее. Однако те, кто всерьез относятся к своему атеизму, неизбежно должны в наше время зубоскалить по поводу предвидения и тому подобных вещей, ибо тому, кто стоит на почве материализма, вряд ли доступно что-либо иное.

Я выбрал Фрица Маутнера по той причине, что он хотя и в высшей степени задевает наши чувства и ощущения, все же является с точки зрения современного материалистического подхода к миру честным и искренним мыслителем. Мне нужен был для примера не профессиональный присяжный ниспровергатель от философии, а человек, сделавшийся философом, очевидно, по внутреннему призванию, то есть не узко профессиональный философ, а человек достаточно образованный в других областях знания. Ибо те, кто в наше время формируют мировоззрение, менее всего учитывают серьезность, требующую подлинного углубления в результаты, к которым ныне пришли различные отрасли научного познания. И Фриц Маутнер действительно сделался самым настоящим ученым; вот что дает мне возможность, опираясь на его пример, отобразить вам трудности, связанные с поисками истины, так как перед нами случай духовного развития весьма образованного человека. Итак, мне хотелось взять не первый встречный пример и выбрать не просто ученого, а именно человека образованного.

Намереваясь на особом примере Фрица Маутнера продемонстрировать вам трудности поиска истины, я хотел бы оттолкнуться от одного простого понятия. Вам хорошо известно, что долгое время в науке учитывается принцип вероятности. Этот принцип можно усвоить вполне элементарным способом. Допустим, что у вас в руках кубик, то есть игральная кость. Только не сочтите это рекомендацией играть в кости. Как известно, на одной стороне кубика есть одно пятнышко, на другой — два, и так

до шести, поскольку у кубика шесть сторон. Когда бросаешь такой кубик, он может выпасть любой стороной, то есть возможны шесть вариантов. Теперь можно задаться вопросом: какова вероятность того, что выпадет, допустим, шестерка. Можно со всей серьезностью задуматься над тем, насколько велика вероятность того, что выпадет шестерка, если я встряхну стаканчик и брошу кубик? Математик вам скажет: возможны шесть вариантов. Поскольку кубик имеет шесть сторон, то вероятность составляет одну шестую.

Вы можете удостовериться, насколько мала вероятность по сравнению с определенностью, то есть однозначностью. Для полной определенности такого рода должны быть реально предусмотрены шесть вариантов, так как числитель должен равняться знаменателю. Тогда определенность будет равняться единице 1; шесть делить на шесть равняется единице. Иными словами, определенность при простом бросании кубика в шесть раз больше вероятности. Теперь можно задать следующий вопрос: если в стаканчике два кубика и я их оба брошу, то насколько велика вероятность, что выпадут две шестерки? И в этом случае вероятность может быть подсчитана. Она равна $1/36$ (единице, деленной на шестью шесть). Итак, вероятность равняется $1/36$, ибо возможны 36 вариантов. Получается ровно 36 вариантов, когда вы учтете следующее: при бросании одного кубика может выпасть 1, в следующий раз может выпасть 2, 3, 4, 5 или 6 — это уже дает шесть вариантов. Теперь при бросании второго кубика тоже может получиться 1, 2, 3, 4, 5, 6; всего возможны 36 вариантов. Вероятность того, что у вас выпадет какой-то определенный вариант, равняется $1/36$. Если вы захотите вычислить вероятность определенного варианта с тремя кубиками, у вас получится: $1/6 \times 1/6 \times 1/6 = 1/216$.

А это уже совсем маленькая вероятность. Вероятность будет убывать по мере возрастания количества вариантов; вероятность реализации какого-то одного варианта уменьшается пропорционально росту количества вариантов.

Итак, вы видите, что степень вероятности какого-нибудь события можно выразить математической формулой. И тогда эту формулу можно применять к самым

разнообразным случаям. Для наших целей достаточно только указать на сам принцип, и сразу станет ясно, что наши чувства могут быть выражены математической формулой. Можно постоянно ощущать, что у нас вряд ли выпадет именно шестерка, так как вероятность этого равна $1/6$, а если взять два кубика, то она равна $1/36$ и так далее. Выходит, что такого рода чувства, такого рода ощущения можно выразить математически.

Существует одна идея, связанная с Божественным провидением, или провиденциальностью. Материалисты говорят примерно так: рассмотрим идею провидения, столь популярную среди верующих в Бога. В чем ее суть? Чаще всего по отношению к миру она представляет собой следующее. Верующие в провидение говорят: возьмем, к примеру, «Фауста» Гёте, либо же поэмы Гомера — неважно, что именно. Что же в конечном счете представляет собой «Фауст»? Материалист — приверженец того воззрения, что мир состоит из атомов и молекул, — не может думать о «Фаусте» иначе, как о тексте, сплошь составленном из букв, ведь ничего другого, кроме букв, не признается. И тогда такого рода верующие в провидение, они же приверженцы атомных и молекулярных структур мира, выдвигают такой тезис: вот «Фауст», он состоит из букв. Теперь представим себе огромную наборную кассу, содержащую все буквы, которыми написан «Фауст». А теперь представьте себе определенное устройство (но это обязательно должна быть некая неразумная машина), которое выдает случайный набор букв. И тогда верующий в провидение вопрошает: если машина выдает эти литеры в произвольном порядке, насколько велика вероятность, что она выдаст именно «Фауста»? В этом суть вопроса. Упомянутая вероятность — говорят они — исчезающе мала. Трудно себе представить, что при произвольной комбинации литер по милости случая (здесь как раз, говоря словами Вольтера, имеет место «Его величество случай») может возникнуть текст гётевского «Фауста». Итак, с гётевским «Фаустом» этого не получится, ибо мир устроен гораздо сложнее, и из бездумно составленного набора букв так просто ничего не получится. А значит, должно существовать что-то вроде провидения или провиденциальности.

Так современный приверженец атомизма приходит к идее необходимости предвидения как раз в виду невозможности того, что из хаоса сам по себе возникает космос, то есть разумная структура мира.

Фриц Маутнер, человек основательный, отнюдь не склонен к простым решениям, и ему захотелось точно вычислить, насколько мала вероятность того, что текст «Фауста» возникнет из случайного сочетания букв. И он действительно предпринял такое вычисление, — я ознакомлю вас с его результатами, — причем отнесся к этой задаче со всей основательностью. Он говорит: «Доказательство бытия Божия вытекает из того, что красота мира и порядок мироздания без намерения Творца, то есть исключительно благодаря случайности, столь же в высшей степени маловероятны, как возникновение „Фауста“ из беспорядочного выпадания литер, которые случайно сложатся в строчки драматической поэмы. Вероятность этого поистине чрезвычайно мала — просто невообразимо мала. Но даже если отвергнуть безумное предположение, что буквы могут сами сложиться в строки, приходится думать о бесконечно благоприятной сверхслучайности. Это напоминает вот что: допустим, пишущая машинка с немецким шрифтом попадает в руки китайца, который не знает немецкого языка и не имеет никакого представления о немецких буквах. И он неделями или месяцами просто стучит по клавишам, а в результате получается гётевский «Фауст»! И Маутнер продолжает: «Я поддался искушению поточнее вычислить вероятность такого случая, когда из слепого нажимания на клавиши возникает гётевский „Фауст“. Такая вероятность будет на много порядков ниже ожидаемого. Я не поленился еще и повысить уровень вероятности благодаря тому, что готов был бы принять за „Фауста“ даже текст, содержащий сотни опечаток, иными словами, согласен признать правильными самые разные отклонения от эталонного текста. Для набора „Фауста“ требуется примерно 300000 литер. В нашем случае возможность прямого попадания литеры в цель в данном фрагменте текста не так уж и мала, — примерно 1/100, — ибо количество разных наборных знаков не превышает сотни». Итак, за один раз может выпасть один из сотни

знаков. Когда бьешь вслепую по клавишам, вероятность того, что нажмешь нужную, равна $1/100$, — здесь работает тот же самый принцип, о котором шла речь в случае бросания кубика. Выходит, вероятность того, что китаец, не знающий языка оригинала, вслепую наберет требуемую букву из «Фауста», равняется $1/100$. «Тогда — с учетом элементарных правил теории вероятности — возможность случайного набора текста всего „Фауста“, содержащего 300000 букв, равняется произведению 300000 отдельных случайностей; следовательно, вероятность случайного возникновения текста „Фауста“ равняется $1 : 100$ в степени 300000».

Очевидно, что вероятность случайного возникновения текста «Фауста» уже равняется не $1/6$ или $1/36$ — она равняется дроби, в числителе которой единица, а в знаменателе — $100 \times 100 \times 100 \times 100$ и так 300 000 раз. Возникает дробь с невообразимо высоким знаменателем, а сие означает, что искомая вероятность исчезающе мала. Далее Маутнер говорит: «Это дробь, в числителе которой единица, а в знаменателе число, состоящее из 600 000 цифр. И не то что индейцу, — чьи умственные способности Маутнер признает очень высокими, — а самому Архимеду с его математическим гением не вообразить такого огромного знаменателя. Такому знаменателю нет названия. Выходит, что греки и римляне по праву считали случайное возникновение структурированного Космоса в высшей степени маловероятным. Здесь прямо-таки подступаешь к самым границам невозможного». Но это относится только к человеческим представлениям, считает Маутнер. Человек не может себе представить, чтобы «Фауст» возник подобным образом. «Греки и римляне также пришли к заключению, что с высокой вероятностью осмысленный текст, вроде „Фауста“, возник при участии Творца, а это косвенно может быть перенесено на проблему существования Творца, если только сама постановка такого вопроса — будь то реальный перенос или же просто метафора — не является чистейшим вздором. Для меня нет ничего более чуждого, нежели вера материалистов в случайное возникновение даже простой мухи с ее удивительным строением. Возникновение мухи в результате простой материальной случайности столь же

маловероятно, как и случайное возникновение „Фауста“. И дарвинизм мало что изменил в непостижимости этого феномена. Однако умственные труды любимого боженки, который должен был при помощи повторного употребления исходных элементов или букв упорядочить не какие-то жалкие 300000 сочетаний, а проделать бесчисленное количество осмысленных операций по перекомпоновке одних и тех же изначальных строительных элементов мира, для человеческого разума (а ничем другим мы не располагаем) представляется чем-то еще гораздо более невероятным, чем случайное возникновение „Фауста“. Мои скромные калькуляции не способны даже приблизительно передать степень маловероятности существования некоего мирового управления с его возможностями провидения».

Вы видите, что можно предаваться необыкновенно ученым размышлениям (я думаю, вышеприведенный фрагмент представляется вам достаточно ученым), а это ведет к логическому заключению: что же должно быть в голове «любимого боженки», когда он хочет из суммы изначальных элементов сотворить мир, хотя и знает, что даже вероятность случайного сотворения «Фауста» граничит с невозможностью. По мнению Маутнера, понятие случайности, равно как и понятие Божественного провидения-предвидения, является чем-то невозможным, ибо как можно всерьез поверить в случайное возникновение мира, когда даже случайное возникновение «Фауста» отмечено столь малой степенью вероятности; однако еще менее вероятным представляется и Божье вмешательство, ибо какой же мудростью должен располагать Бог, если из набора исходных элементов Он сумел скомпоновать весь мир!

Выходит, невозможно принять ни Бога, ни его величество Случай. Вот почему Маутнер не придает всему этому никакой ценности — для него это всего лишь слова, терминология, которой люди манипулируют на словесном уровне, это своего рода переводы с одного языка на другой. И это он называет «Критикой языка»!

Итак, перед нами (и это не приходится оспаривать) поистине хитроумная мыслительная модель, потребовавшая серьезных умственных усилий, и она

приводит только к альтернативе: либо надо принять случайное возникновение мира (вероятность этого, разумеется, бесконечно мала), либо приходится признать, что «любимый боженька» обладал величайшей премудростью, благодаря которой и сотворил из хаоса все разумное устройство мира, а это еще менее приемлемо.

Теперь, памятуя о том, что Духовная Наука не просто несет нам информацию, но и учит нас правильно мыслить, попробуем сосредоточиться на том, что споспешествует правильному направлению мыслей; это отражает серьезность подхода Духовной Науки к процессу ментального поиска. Рассмотрим еще раз вышеприведенное положение: вероятность случайного набора букв, составляющих гётевский «Фауст», настолько мала, что выражается дробью, где в числителе единица, а в знаменателе число, состоящее из 600000 цифр. Вероятность же возникновения всего мира по милости аналогичного случая, само собой, несказанно меньше. И все же «Фауст» перед нами! Но возник ли он таким образом, что Гёте (если хотите, вместо «любимый боженька» можно еще употребить «один из олимпийских богов», этаким «олимпиец Гёте») повиновался закону случайного отбора 300000 букв, которые, как солдаты, выстроились в строчки «Фауста»? Думал ли он о закономерности, позволяющей в каждый момент отбирать нужную букву? Нет! Происхождение «Фауста» не имеет ничего общего со случайным набором букв! Для возникновения «Фауста» Гёте делал что-то принципиально другое! Ему и в голову не приходило скомпоновать текст «Фауста» из 300000 букв! Гёте ни в малейшей степени не было нужды знать, как из 300000 букв komponуется текст «Фауста», и тем не менее он создал этот текст! Таким образом, мы можем (и должны), с одной стороны, представить себе некий хаос, где в диком беспорядке пребывают все вещи, а с другой — «любимого боженьку», голова которого преисполнена разных законов, если он создал мир по тому же принципу, по какому в результате случайного сочетания букв возникает текст «Фауста»! Но если Гёте не компоновал текст «Фауста» из случайного сочетания букв, то уж тем более этого не делал «любимый боженька»! То, что мы полагаем помыслами Бога, столь же

далеко от идеи случайности, как возникновение «Фауста» — от описанной необычайно ученой модели, подразумевающей игру случая. Сие означает: описанное направление мысли приводит к абсолютной невозможности сочинить «Фауст»! Направление это весьма остроумно и хитроумно, оно правильно, оно отвечает научной совести, оно содержит в себе все, однако же приводит к невозможности! Это связано с тем, что совестливый человек, следуя такому направлению мысли, запутывается в ходе самого размышления и теряет из вида те реальные факторы, которые позволяют прийти к правильному, весомому результату.

Сказанное гораздо важнее, чем может поначалу показаться, ибо ясно как день, насколько подчас бывает трудно, — особенно если придержишься научных принципов исследования, — не отступить, следуя определенному направлению мысли, от правильного мышления. Это мы должны усвоить на уровне ощущений, на уровне чувств. Как раз на этом примере можно многому научиться и такого рода пример нужно рассматривать с двух сторон. Во-первых, столь наглядный пример учит нас тому, что поиск истины — занятие многотрудное и что не любая произвольная мысль, которая при первом приближении покажется нам правильной, действительно такова. Чем сильнее мы проникнемся ощущением того, что способны заблуждаться, что даже при всей нашей научной совестливости способны впасть в заблуждение, тем с большей вероятностью нам удастся избежать широко распространенного ныне упорства в отстаивании собственного мнения — можно сказать, ослиного упорства — в отношении того, что мы признаем правильным. В наши дни нередко можно встретить человека, который утверждает: вот это или это я считаю истинным! При встрече с таким человеком чаще всего в голову приходит: насколько же он счастлив и в то же время ограничен и глуп! Он счастлив, поскольку не имеет даже представления о том, что такое на самом деле верить в собственное измышление; и он же наивен и глуп, ибо понятия не имеет о том, насколько при этом можно оторваться от реальной действительности. С другой стороны, нам должно быть ясно, что познание этого

явления не должно нас сильно удручать: это должно воспитывать в нас скромность, не вгоняя при этом в депрессию, вызванную пониманием тщеты человеческих стремлений ввиду трудностей познания истины. Ведь мы знаем, что жизнь человеческой души не имеет пределов и что она должна проходить в постоянном поиске, так что трудность познания истины — это прямой результат доброго и мудрого мироустройства. И мы убедимся, что на этом строится вся жизнь. Будь поиск истины менее трудным, будь мир устроен так, что истина достигалась бы столь легко, как хочется многим, — нашу душу сразу же настигла бы смерть. Если бы все было так просто, как считают многие, провозглашая: «Теперь я понял, что жизнь должна быть устроена так-то и так-то, и я могу осчастливить весь мир», — если бы в этом мире разнообразия можно было найти истинный общий знаменатель столь же легко, как это кажется большинству, то душа оказалась бы во власти смерти, ибо жизнь души как раз и опирается на то, что истину невозможно обрести во всей полноте, — напротив, человеку надлежит искать истину медленно и постепенно, и в ходе этой нескорой, фрагментарной погони за истиной ему надлежит оставаться в высшей степени скромным. Ведь возможность заблуждения пропорциональна полноте искомой истины. Вот почему наиученейшие мужи допускают такие, можно сказать, детские ошибки при обсуждении мировой проблемы случайности и предвидения.

Однако мы избежим депрессии и подавленности, связанных с трудностями поиска истины, если учтем, что жизнь как раз и состоит в ее поиске. Все сводится к исканиям, к усилиям поиска. Можно сказать: если отказ от поиска истины приводит к душевной смерти, то сейчас для нее самое время, ибо недооценка этого поиска достигла теперь кульминации в истории развития человечества. Никогда не было такого количества стандартизированных, запрограммированных людей, таких, кто верит, что все мировые загадки можно разгадать в два счета. Как раз в наше время уже налицо воззрения, о которых можно сказать, что они означают душевную смерть. Если бы воззрения этих материалистически запрограммированных людей были правильными, это означало бы смерть души.

Но именно эти воззрения далеки от истины; по счастью, эти воззрения совершенно ложны!

Направление мыслей Фрица Маутнера — а в наше время очень многие мыслят в его духе — типичнее, чем может показаться на первый взгляд. В отношении господствующего в наше время направления мыслей его «Философский словарь» — нечто образцовое. Эта книга действительно отображает направление мыслей многих наших современников, которые не желают уклониться от него в сторону духовной науки. Люди, подобные Фрицу Маутнеру, утверждают: с одной стороны, мы считаем, что мир не мог возникнуть по воле случая, так как вероятность этого ничтожно мала. Но и мир как творение премудрого Бога тоже невозможен, ибо в человеческую голову не вмещается представление о существовании Бога — «любимого боженьки», — который сотворил все, что надо, в своей голове, дабы из хаоса скомпоновать мир на основе отдельных «букв». По мнению Маутнера, люди прежде оперировали такими понятиями, как «случай» и «необходимость». Но теперь, по его мнению, мы выше этого, поскольку знаем, что такого рода понятия вообще не имеют никакого значения, не содержат в себе ничего объективного, а всего лишь сидят в головах людей и только для этих людей и имеют какое-то значение. Именно в этом критики языка усматривают причину неприменимости такого рода понятий к миру феноменов. Эти господа постоянно твердят: раньше люди были очень инфантильны — с одной стороны, они говорили о «Божественном провидении», а с другой — вводили понятие «случайности»; нам же понятие «случайность», равно как и понятие «Божественное провидение», следует отнести исключительно к работе механизма человеческого мышления — к миру эти понятия не применимы! На чем же основываются эти критики? Они говорят: «Обозревая всю историю философского развития, анализируя подход большинства философов к жизни, мы убеждаемся, что все они трудились над созданием понятий. Но это всего лишь человеческие, слишком человеческие понятия, они неприложимы к реальности! Понятию „Божественного провидения“ не соответствует ничего реального». А Маутнер, автор «Критики языка» достаточно глубоко

внедрился в философскую среду, изучив, насколько это доступно человеку за его короткую жизнь, всю мировую философию. И в статье «Случайность» он утверждает: «Раньше Божественное предвидение, мироустройство, мировая гармония, красота мира и так далее признавались понятиями, смысл которых расшифровывался примерно так: в мире существует что-то вроде случайности, но мир являет также порядок, в мире присутствует красота» и так далее. Заканчивается статья следующими словами: «Но нам-то прекрасно известно, что понятие случайности — человеческий артефакт. Равным образом и понятие красоты, и понятие миропорядка. Понятие Бога — тоже человеческая конструкция. Понятие причинности — также чисто человеческий артефакт». Сие означает: нам прекрасно известно, что все наиважнейшие понятия — просто измышления человеческого ума и не обладают ни малейшей объективностью. «Сама постановка вопроса и детские ответы на него, идет ли речь о случайности, или о Боге как причине мироустройства и красоты мира, — для нас просто предел суеверного культа слов». Каким же образом Фриц Маутнер пришел к выводам, что понятие случайности, а также понятие миропорядка, — всего лишь человеческие артефакты, а на самом деле во внешнем мире не существует никакого порядка, человек только создает себе представление о существовании порядка, красоты и так далее? Каким образом Маутнер и другие мыслители и эрудиты приходят к подобным умозаключениям? Поверьте, они на самом деле доказали, доказали со всей философской основательностью и остротой ума, какого напряжения человеческого рассудка потребовало сотворение этих понятий, а стало быть, эти понятия действительно являют собой чисто человеческие конструкции; это представлено вполне доказательно! Итак, вполне доказательно Маутнер говорит: «Но нам-то прекрасно известно...» и так далее. Все это вполне обосновано и это впечатляет! Но когда вникаешь, каким образом это доказывается, приходится возразить. Да, ты совершенно прав, дражайший Фриц Маутнер. И нам прекрасно известно, что понятие случайности — просто конструкция; понятие красоты, а также понятие Бога, причинности, понятие майского жука

— тоже всего лишь измышления человеческого рассудка! Именно так обстоит дело, пока не представишь его в истинном свете! И если всю благоприобретенную остроту ума — а это неподдельная острота ума, приобретенная ценой многолетних трудов и исследований, — направлять на доказательство того, что понятия Бога, причинности, случайности, красоты и так далее — всего лишь конструкции человеческого рассудка, то надо отдавать себе отчет, что в русле того же самого направления мыслей заложено и утверждение, что понятие майского жука — тоже чисто человеческая словесная конструкция. Разумеется, понятие майского жука — человеческий артефакт, словесная конструкция, но разве оно влияет на то, что там — во внешнем мире — летают майские жуки, разве оно меняет что-то в их реальности?

Берём понятие майского жука как выдуманную человеком словесную конструкцию, и все обвинения в наивности и инфантильности самого подхода к проблеме рассыпаются на глазах! Можно подойти к проблеме со всей остротой ума и надеяться установить что-то необыкновенно правильное, но все же упустить из виду те нити, на которых, образно говоря, подвешены все вещи. Вся сумма доказательств того, что эти понятия всего лишь человеческий артефакт, не может ничего решить в проблеме объективного содержания понятия, равно как понятие майского жука мало что решает в проблеме существования самого майского жука, того самого майского жука, который реально и объективно летает где-то там, в природе.

Как видите, современный естественно-научный образ мысли приносит с собой приятное ощущение уверенности и надежности. Это и можно выразить в форме вышеприведенного тезиса: «Но мы-то знаем, что понятие случайности — чисто человеческий артефакт. Понятие красоты и порядка — тоже всего лишь чисто человеческая словесная конструкция. Понятие Бога — тоже человеческий артефакт. И понятие причинности — тоже. Сама постановка вопроса о том, случайность или Бог — причина миропорядка и красоты мира, для нас просто предел суеверного культа слов».

Однако мне могут и возразить. Дескать, с чего ты взял,

что после того, как доказал, будто понятие майского жука — всего лишь человеческая словесная конструкция, было бы детской наивностью или проявлением суеверного культа слов применять понятие майского жука к тому, что летает где-то там? А ведь во всех случаях это одно и то же, совершенно один и тот же принцип применения. Просто многие не замечают, что это абсолютно одна и та же процедура.

К чему же мы приходим в результате? В конечном счете наша цель указать, сколь труден путь к истине, когда ее ищут на базе логически сконструированных понятий, а также указать, что всякое может случиться, даже если ищешь истину со всей остротой ума. Необходимо проникнуться ощущением, что поиск истины — дело трудное как в целом, так и в частностях. И чем острее вы будете испытывать это ощущение, которое я сегодня пытался вам передать, тем лучше.

На основе этой предпосылки в следующий раз, 27/08, в день рождения Гегеля, мы поговорим о понятиях случайности, предвидения и необходимости с Духовно-научной точки зрения.

2 лекция **27 августа 1915 г.**

В ходе последних лекций я часто касался одной проблемы, о которой можно много говорить, хотя она уже и обсуждалась с разных сторон. Речь идет о проблеме перемежающихся состояний сознания человека — о бодрствовании и сне. Всякий раз, касаясь этой проблемы, я обращал внимание слушателей — в том числе и в своих публичных лекциях — на подход к проблеме сна со стороны нынешней науки с ее материалистически направленным физиологическим уклоном. Я указывал на различные научные попытки интерпретации феномена сна. При этом я выделял так называемую теорию утомляемости. Среди многочисленных толкований проблемы перемежающихся состояний сна и бодрствования на первый план выступает теория о том, что

человек в результате дневных трудов и вообще своих занятий во время дневного бодрствования выделяет некие ферменты утомляемости, так что предназначение сна — удалить эти ферменты и при помощи определенных процессов привести человека к исходному состоянию бодрствования, которое, в свою очередь, опять - таки ведет к накоплению ферментов усталости.

Нам никогда не следует упускать из виду, что такого рода теория — я имею ввиду фактологическую основу этой теории, — сугубо материалистическая по своему духу, не должна ложно восприниматься со стороны Духовной Науки. Я не стану сейчас распространяться относительно правомерности и обоснованности такой теории. Как было сказано, существуют и другого рода интерпретации феномена сна. Духовная Наука со своей стороны не должна поначалу ставить под сомнение, что такого рода процессы происходят в реальности, то есть что во время дневного бодрствования выделяются ферменты утомляемости, а во время ночного сна эти ферменты каким-то образом устраняются. Этот фактически происходящий процесс не является предметом дискуссии, тут больше нечего и обсуждать. Принципиальный подход Духовной Науки к загадкам жизни заключается в том, чтобы поначалу рассматривать неясные феномены именно такими, какими они предстают благодаря познаниям, доступным людям данной, вполне определенной эпохи. Обретение правильной точки зрения на такого рода феномены, как выделение ферментов усталости, — вот что позволяет взглянуть на них под нужным углом. В большинстве жизненных вопросов — да, собственно, во всех случаях — речь идет о том, чтобы представить в истинном свете то, что изначально было исковеркано, то есть сам вопрос должен быть поставлен правильно.

Итак, по вопросу перемежающихся состояний сна и бодрствования в первую очередь необходимо обрести правильный взгляд на эти два состояния человеческого сознания — на бодрствующее дневное сознание и ночное состояние сна. Некоторые явления жизни вообще не могут получить правильного освещения без учета того, что изучалось нами на заре становления духовной науки. Уже в те стародавние времена я указывал на то, что существует

семь состояний сознания — они конкретно были мной перечислены, — а также семь состояний жизни и семь состояний формы. Бывают такие жизненные проблемы, которые могут решаться, когда принимают во внимание не только изменения форм: попадают вопросы, ответы на которые связаны с метаморфозами состояний жизни. Но встречаются и такие явления действительности, такие жизненные феномены, когда необходимо потрудиться учесть и различные состояния сознания.

Теперь сам собой напрашивается переход от проблемы сна и бодрствования к вопросу о различных состояниях сознания в пределах сна и бодрствования. Ибо мы давно уже успели себе уяснить, что в пределах сна и бодрствования наличествуют различные состояния сознания. Так что этот вопрос мы должны рассматривать с точки зрения состояний сознания. Мы должны понять, что самое главное — уяснить себе этот вопрос с точки зрения сознания. Надо задуматься над тем, чем отличаются состояния сознания во время бодрствования и во время сна. И тогда вырисовывается следующее.

Во время бодрствования — поначалу нам потребуется только то, в чем каждый запросто может убедиться путем обычного наблюдения, — мы воспринимаем окружающий нас мир, наш взгляд направлен на него. И каждый подтвердит, что во время дневного бодрствования он не способен воспринимать себя самого, или, вернее, свой внутренний мир, столь же отчетливо, как мир внешний. Я часто обращал ваше внимание на то, что было бы грубым заблуждением считать, будто анатомическое исследование ведет к познанию внутреннего устройства человека; само собой разумеется, что сугубо материальная анатомия рассматривает только нашу внешнюю составляющую, ограниченную кожным покровом. В обычном бодрственном сознании невозможно рассматривать внутреннюю конституцию человека. А то, что человек узнает о своем строении при бодрственном сознании, равным образом всего лишь часть внешнего мира, вернее, та составляющая человеческого устройства, благодаря которой он относится к внешнему миру и принадлежит ему.

Когда же мы говорим о состоянии сна, то самое главное в нем — и это следует из различных изысканий,

которые проводились нами раньше, — что во время сна человек интересуется самим собой. Во время сна предметом его интереса является он сам. Его сознание в первую очередь направлено на себя самого. Стоит с этой точки зрения взглянуть на самые будничные явления нашей жизни, и они станут для вас совершенно очевидными и прозрачными.

Если относительно сна и бодрствования рассуждать в духе материалистической науки, это будет коренным образом противоречить тому — я уже однажды приводил этот пример, — что рантье, который не слишком-то привык утруждать себя, подчас легче засыпает во время лекции, чем человек трудящийся. Это явление плохо согласуется с версией о том, что причина сна кроется в простом утомлении. Нам следует взглянуть на это явление с той точки зрения, что рантье, присутствующий на лекции, весьма неохотно направляет интерес своего бодрственного сознания на содержание лекции, она его мало интересуется, а может быть, и вообще не способна заинтересовать, ведь не исключено, что он в ней ничего не понимает и, стало быть, не может проявить никакого интереса. Ему гораздо более интересен он сам. Поэтому он переключается с содержания лекции на собственную персону. Теперь можно задаться вопросом: почему же, собственно, он занят своей персоной? И это легко объяснимо. Для интереса к лекции у него нет особых оснований. Отсутствие этих оснований по большей части объясняется тем, что в жизни его гораздо больше интересуют другие вещи, а не то, что обсуждается в данной лекции. По крайней мере, в том контексте, в каком они представлены в лекции, эти вещи его не интересуют. Однако лекция сама по себе мешает ему проявлять интерес к тому, что способно его по-настоящему заинтересовать. Тот, у кого лекция не вызывает никакого интереса, охотнее потратил бы это время на то, чтобы, к примеру, полакомиться устрицами. Возможно, смакование устриц вызывает в нем гораздо более жгучий интерес, чем содержание лекции. А лекция препятствует ему в этом. Если он хочет присутствовать на лекции, ему придется поступиться устрицами. Он делает вид, что хочет слушать лекцию, но это препятствует смакованию устриц. Он не может в данное время

лакомиться устрицами и тогда направляет свой интерес на то единственное, что доступно ему помимо лекции, которая ему попросту мешает. Целый час для него заполнен только тем, что можно воспринимать на слух, а это ему не интересно, и в результате он направляет свое внимание на то, что доступно ему в данный момент: на свой внутренний мир, на свою собственную персону! Он наслаждается самим собой. И его погружение в дремотное состояние — не что иное, как наслаждение собственной персоной.

Из этого вы можете заключить, что и в наше время сознание сна все еще находится на той ступени, которая была присуща человеческим существам еще во времена старого Солнца. Такого рода сознанием располагают также и современные растения. Все это вам прекрасно известно из моих лекций. Разумеется, в дремотном состоянии добропорядочный обыватель обладает измененным сознанием по сравнению с тем, в котором он наслаждается внешним миром. Он как бы эволюционно отступает назад, возвращаясь к «солнечному» состоянию сознания. Но объектом его внимания все равно является он сам, а это результат его заинтересованности в собственной персоне. Возникновение сна становится для нас прозрачным, когда мы устанавливаем, что его источник отнюдь не внутреннее утомление, а перемещение интереса от происходящего во внешнем мире — это может быть какая-нибудь лекция, или игра музыкантов, или что-то иное — в сторону того, на что направлен подлинный интерес. И вообще, когда основательно и заинтересованно изучаешь смену сна и бодрствования, убеждаешься, что теперь ты как раз коснулся сути дела.

Состояние бодрствования можно изобразить следующим образом: в своем дневном сознании мы направляем внимание на внешний мир, а то, что я рисую этими расплывчатыми штрихами (рисунок на доске), наоборот, отображает отход нашего интереса от внешней действительности. Направление этой стрелки означает, что человек удаляется от заинтересованности в собственной персоне и направляет свой интерес на внешний мир.

В состоянии сна происходит противоположное.

Человек устремляет свое внимание на себя самого вот в этом направлении и отводит свое внимание от окружающего мира. Поскольку при этом он выступает за пределы себя самого, то во время сна поле его зрения, в сущности, заполнено его собственным телом.

Итак, во время сна люди в первую очередь видят собственное тело. Теперь вы видите, что смену сна и бодрствования можно привязать к чему-то другому, если учесть следующее: человек живет в поступательно сменяющихся друг друга циклах времени, причем в одном из них его интерес направлен на созерцание внешнего мира, а в другом — на собственный внутренний мир. И эта смена направленности интереса то на внешний мир, то на внутренний относится к числу реальных жизненных феноменов, как и чередование дня и ночи на Земле, которая днем освещена Солнцем, а после заката Солнце больше ее не освещает. Смена освещения ночной тьмой зависит от расположения Земли и Солнца в пространстве. В результате возникают два цикла времени — дневной и ночной.

Легко убедиться, насколько ошибочно считать, что день — это причина ночи, а ночь — причина дня. Это было бы, как мне уже доводилось вам говорить, «философией червяка». Припомните, что я говорил об этом раньше*. Ведь попросту нет никакого смысла утверждать, что день вызывает ночь, а ночь вызывает день, оба они — результат циклического изменения пространственного расположения Земли и Солнца. Равным образом, нет ни малейшего смысла утверждать, что сон — это причина бодрствования, а бодрствование — причина сна. Одно только имеет смысл: как во внешнем мире Земля пространственно подчинена сменяющимся друг друга состояниям дня и ночи, так и наша внутренняя жизнь обусловлена переменчивостью вектора нашего интереса, направленного то на внешний мир, то на мир внутренний. Эти состояния должны поступательно сменять друг друга. По-другому и быть не может. Сама жизнь устроена так, что человеку надлежит в определенный период времени направлять свой интерес на внешний мир, а затем направлять его на мир внутренний, — как Солнцу не приходится решать, заходить ли ему на западе или

возвращаться назад. Здесь перед нами та область, вступая в которую необходимо постоянно учитывать следующее.

* См. лекцию от 07/08/1915г. в GA 162 («Вопросы искусства и жизни»), где Р. Штейнер описывает мир с точки зрения червяка, живущего под землей среди корней растений.

Солнце в течение суток должно строго определенное время освещать Землю, и тогда будет день, а оставшееся количество времени оно должно удерживать ее во тьме, и тогда будет ночь. Но человеку дарована восхитительная возможность ломать этот распорядок — будь то рантье, который погружается в дремоту, даже когда не устал (наоборот, по собственной прихоти он может направлять свой интерес на себя самого, наслаждаясь своим телом, и это подлинно соматическое наслаждение), либо же студент, которому перед экзаменом надо много зубрить, и тогда ему приходится искусственно преодолевать сонливость. Ведь многим студентам и в самом деле приходится почти не спать перед экзаменом. Но в целом это связано с великими вопросами бытия, которыми нам предстоит теперь снова заниматься, с вопросами необходимости, которую мы наблюдаем во внешней природе, с насущными проблемами случайности — как во внешней природе, так и в человеческой жизни, — а также с проблемой предвидения, затрагивающей весь мир.

Касаясь человеческой жизни, мы как бы вступаем в область необходимости, мы сталкиваемся с требованиями необходимости, без соблюдения которых человеку вообще не сохранить свое существование в этом мире. Этим мы займемся подробно.

Все сказанное имело целью указать на необходимость поиска правильной точки зрения на смену сна и бодрствования (хотя это и не единственный повод). Правильный подход — это когда спрашивают: как устроено сознание в бодрственном состоянии? Ответом будет: дневное сознание устроено так, что в первую очередь его объектом является не сам человек, а внешний мир, человек забывает себя и воспринимает внешний мир; а сознание во время сна устроено так, что человек забывает внешний мир и занят своей персоной. Однако главное состоит в том, что во время сна человек вступает в

«солнечное» состояние сознания. Наслаждаться собственной персоной — это только отдельная подробность, но я не случайно привожу эту точку зрения, она дает мне дополнительный повод вообще обратить ваше внимание на разнообразие состояний сознания в мире, а также на то, что проникнуть в сущность некоторых явлений можно только при наличии интереса ко всему спектру состояний сознания. Например, совершенно невозможно узнать что-то существенное относительно иерархической субординации высших духовных существ, не вникая в структуру их сознания. Припомните различные циклы моих лекций, и вы удостоверитесь, скольких трудов мне стоило разъяснить что-то, относящееся к сознанию Ангелов, Архангелов и так далее. Ибо самое важное — не упускать из виду, под каким углом зрения человек рассматривает предмет. Кому-нибудь может показаться, что он прекрасно усвоил структуру иерархической лестницы: сначала идет человек, выше него Ангел, еще выше Архангел, затем Архай и так далее. Человек может перечислить их друг за другом и сказать: «Я прекрасно понимаю, каждый из них выше предыдущего». Однако когда знаешь только, что каждое из упомянутых существ, стоит ступенью выше, то об иерархической лестнице знаешь не больше, чем о расположении этажей в каком-нибудь доме; ибо в отношении этажей какого-нибудь дома человек тоже знает, что они расположены один над другим. В обоих случаях можно обойтись одной и той же схемой. А самое главное — учитывать суть явления. Об этих высших существах узнаешь что-то реальное, когда знаешь, какое состояние сознания присуще данному существу, то есть когда пытаешься представить себе его сознание. Вот чего никогда не следует упускать из виду.

И с самим человеком дело обстоит точно также. Он мало знает о внутреннем мире, если, к примеру, относительно состояния сна может сказать лишь то, что при этом «Я» человека и его астральное тело покидают его физическое и эфирное тела. Разумеется, так оно и есть, но само по себе такое знание — совершеннейшая абстракция. Ведь о различии между сном и бодрствованием этот человек знает не больше, чем о пустой и полной кружке

пива: в одном случае пиво внутри кружки, а в другом где-то снаружи! Конечно, верно, что у спящего его «Я» и астральное тело находятся вне физического и эфирного тел, но тем не менее надо не покладая рук пробиваться к другим, конкретным подробностям. Вот и мы пытались обрести конкретные представления, когда, к примеру, в вышеприведенном случае вникали в то, как во сне и бодрствовании меняется направление интереса.

Сначала я на схеме изобразил этот процесс красной стрелкой, а затем — синей. Это связано с тем, что во сне человек пребывает в полном пространстве. И когда человек засыпает и обретает высшее сознание, поначалу это сознание еле теплится; и все же, начиная осмысливать свое положение, человек реально видит пустое пространство и воспринимает это ничем не заполненное пространство. Тогда-то он и убеждается в ложности того мнения, будто человек состоит из компактной материи. Ведь он же видит: то, что его дневному сознанию представляется чем-то материальным, на самом деле является, по существу, пустым пространством. Необходимо только учитывать, что человек во время сна реально находится вне своего тела. Вот почему пустое пространство предстает его взору обрамленным аурой. Ведь человек находится не в себе самом — он находится вовне и вглядывается в пустое пространство.

Итак, он видит, что посреди этого пространства в той или иной степени находится пустота. Но это не просто пустое пространство: оно заполнено, причем именно тогда, когда созерцаешь его извне. Так что человек натуральным образом имеет вполне структурированный вид, такой же, в каком он предстает, когда мы смотрим на него извне при обычном дневном сознании. Но при этом он окружен своеобразным аурическим туманом. Он предстает не таким, как обычно, а как бы окруженным своего рода аурическим туманом. Все выглядит не вполне отчетливо, ибо сначала приходится пробиваться взором сквозь этот аурический туман.

Итак, зришь на некий аурический туман, и в нем обрисовывается что-то вроде фигуры; однако и она, в свою очередь, окружена таким туманом. Это выглядит так, как если бы вы созерцали человека внутри более или менее

прозрачной ауры. Он обрисовывается внутри нее, когда созерцаешь человека извне. Мне хотелось бы для ясности, раз уж мы обсуждаем феномен пробуждения сознания во время сна, привести банальнейшее сравнение. Кому не случалось плутать по городу во время тумана? Фонари тогда кажутся утратившими четкие контуры, кажутся погруженными в некую радужную ауру. Такое всем доводилось видеть... Видишь не сами фонари, а окружающий их туман, в который, собственно, эти фонари погружены. И это действительно весьма напоминает вышеописанный процесс. Имагинативное поле зрения выглядит размытым, как в тумане, а внутри него темным пятном предстают очертания человеческого существа.

Учитывая это, можно сказать: видеть во сне — значит смотреть на человека сквозь его ауру. Материалистом становишься, когда обретаешь навык видеть напрямую, в обход созерцания ауры. Возможность видеть человека таким, каким мы воспринимаем его в дневном сознании, — это результат люциферического искушения. И тогда становится понятным одно важное место в начале Ветхого Завета, где говорится о том, что до наступления люциферического искушения люди были нагими. Эту наготу не следует понимать в том смысле, что люди осознавали себя нагими, — просто до того момента они созерцали окружающую человека ауру. Вот почему они не видели того, что считается в наше время наготой, — они воспринимали человека как бы в некоем духовном облачении. Аура была своего рода одеянием. А когда люди утратили состояние невинности, когда они были осуждены вести материалистический образ жизни — иными словами, когда они перестали видеть ауру, — они стали видеть то, чего не воспринимали прежде, пока видели ауру; и тогда взамен ауры они стали пользоваться одеждой. Таково происхождение одежды — замена ауры внешним облачением. И в нашу материалистическую эпоху неплохо было бы знать, что в первую очередь именно это, а не какие-то другие причины, послужили возникновению одежды в качестве замены ауры. Это относится и к культовым одеяниям, ибо каждая его составляющая — подражание определенной части человеческой ауры. Еще Рафаэль облачал Марию, Иосифа, Магдалину в разные

одеяния: у одного персонажа снизу одеяние красное, а сверху — голубое; у другого — снизу голубое, а сверху красное. Очень часто Магдалина — по традиции или в результате ясновидческого прозрения художника — носит желтые одежды. Художники издревле стремились к тому, чтобы аура соответствовала индивидуальности персонажа, ибо еще не было утрачено сознание того, что одежда подражает ауре, что это попытка отображения ауры. И господствующее в определенных кругах заблуждение — видеть свой идеал в отказе от одежды (ибо материализм всегда все доводит до крайностей) — вполне в духе нашего материалистического времени; вот почему то, что получило название «нудизм», рассматривается как модель здорового образа жизни. Такого рода направление, в частности, поддерживает популярный журнал под названием «Красота». В основе всего этого лежит полное недоразумение. Участники этого движения считают, что устремляются навстречу чему-то иному, нежели самый закоренелый, заматерелый материализм. Однако невозможно приблизиться ни к чему другому, если полезное и благотворное усматривать исключительно во внешних, чувственно природных проявлениях. А ведь одежда произошла благодаря тому, что в нашей обычной жизни некоторым образом удержалось то состояние сознания, когда человек еще воспринимал ауру. Так откуда же берется это стремление нашей эпохи освободиться от одежд?

Об этом надо сказать открыто! Это результат нашего фантастического неумения одеваться, полного упадка воображения в области моды! Речь вовсе не идет о каком-то стремлении к идеалу — это попросту проявление ущербности нашей фантазии там, где господствует принцип красоты. Ведь искусство одежды исходит, собственно, из желания украсить человека. А стремление видеть красоту только в обнаженном теле означает в наше время инстинктивный уклон в сторону материализма. О том, как это связано с греческим представлением о красоте, мы еще поговорим. Однако именно на примере Греции можно изучить поставленную сегодня проблему. Надо сказать, что проблема в действительности сводится главным образом к тому, чтобы научиться в гуще жизни

находить определенную точку зрения на разнообразные состояния сознания. Сон и бодрствование — это смена различных состояний сознания. Но и внутри состояний сна и бодрствования существует огромная градация самих этих состояний, да и вообще в жизни полно мельчайших модификаций сознания. Можно сказать: наше обычное дневное сознание отмечено определенными нюансами — случается, что обыденное сознание скорее тяготеет к состоянию сна, а бывает, что оно скорее направлено в сторону бодрствования. Каждый знает: встречаются люди, которым нравится не то чтобы спать наяву, но проводить большую часть жизни в мечтательно-сонливом состоянии. О таких говорят, что это грезящие натуры, хотя не подразумевается реальный сон; такое впечатление, что они спят на ходу; когда к ним обращаешься с чем-то, они сразу это забывают. Конечно, это не сон, но все пролетает мимо них со скоростью сновидения, которое тут же забывается. Согласитесь, что такие натуры, такие мечтатели по части интенсивности сознания скорее приближаются к состоянию сна. А вот когда кто-то колотит другого, то это выходит за рамки привычной сонливости, это уж никак не просто умственное представление. Когда кто-то кого-то колотит — это выходит за рамки простого представления, то есть обычного уровня сознания.

Итак, наше сознание в жизни отмечено такими вот нюансами, модификациями. Можно обрисовать целый набор, целый спектр таких состояний. Однако все эти состояния чем-то обусловлены. И многое зависит от нашей способности развить в себе восприимчивость к подобным вещам. Случается, что такая восприимчивость просто природное свойство здорового и нормально образованного человека. Очень важно обладать определенной восприимчивостью к нюансам, позволяющим понять, насколько вам свойственно отзываться на определенные явления (то есть активно реагировать на них или же не обращать на них внимания), а также понять, открыты ли вы внешнему миру или привыкли удерживать многое внутри себя. Все это градации работы сознания. Проявления сознания связаны с такого рода градациями. И очень важно подходить к различным жизненным ситуациям, спрашивая себя:

насколько я уделяю внимание какому-то предмету? Либо же: насколько в пределах своего сознания я подчеркиваю и выделяю для себя какой-либо объект? Для нас привычка обращать внимание на то, сколь сильно мы связываем свое сознание с тем или иным явлением, может стать важным приобретением, открывающим возможности для общего оздоровления жизни и упорядочения нашего окружения. Следует отличать состояние сознания, в котором мы пребываем, когда вращаемся среди людей и бесконтрольно говорим с ними о разных предметах, от того состояния, когда мы, повинувшись определенному чувству стыдливости, умалчиваем о каких-то вещах. Надо понимать, что когда мы в обиходе говорим на любые темы, состояние нашего сознания представляет собой все же определенную градацию по сравнению с тем состоянием, которое возникает, когда мы избегаем касаться каких-то щекотливых вещей, повинувшись чувству стыдливости. Уже само присутствие чувства стыдливости указывает на другое состояние сознания, и бесконечно многое зависит от того, умеем ли мы разбираться в подобных вещах. Мне хотелось бы для начала пояснить это на примере того, что в жизни еще не перевелись люди, знающие толк в таких градациях сознания.

Сегодня — 27/08 — день рождения Гегеля. А завтра — 28/08 — день рождения Гёте. Их дни рождения непосредственно следуют друг за другом. Среди трудов Гегеля есть сочинение, названное «Энциклопедия философских наук в форме очерка». Выборочные места, читаемые вне контекста этого сочинения, не имеют ни малейшего смысла. Кажется, что они написаны по-китайски. Какой-нибудь тезис, вырванный из «Энциклопедии», не будет иметь ни малейшего смысла. В одной берлинской лекции этой зимой* я уже подчеркивал, насколько бессмысленным делом было бы вырывать из контекста гегелевской «Энциклопедии» какой-нибудь тезис. Ибо такой тезис в его «Энциклопедии» получает смысл только тогда, когда начинаешь (само собой, предварительно надо отбросить в сторону все темное и загадочное в душе человека) читать с того места, где Гегель говорит: «Бытие — это всего лишь представление — в — себе...» и так далее. Только если начинаешь читать

с этих слов, все остальное встает на свои места, и каждое последующее утверждение получает смысл. Каждое утверждение обусловлено своим расположением в тексте. В таком виде Гегель выпустил первое издание своей «Энциклопедии». Предисловие к первому изданию не содержит ничего особенного, там говорится только о внешней форме сочинения. Когда возникла нужда во втором издании, Гегель написал к нему предисловие. Но в промежутке между первым и вторым изданиями жизненный опыт Гегеля обогатился. Если автор знает людей и чувствует себя внутренне настроенным не принимать за чистую монету все, за что они себя подчас выдают, то сам подход его к собственному сочинению бывает в этом смысле весьма красноречив. Вот и с Гегелем было ровно то же самое. Он написал еще и второе предисловие к новому изданию своей книги, и там попадаются весьма многозначительные места. Я прочту их вам, а именно первый же абзац на первой странице и его продолжение — первый абзац на второй странице. Предисловие ко второму изданию начинается так: «Благосклонный читатель увидит, что в этом новом издании многие части переработаны и развиты более точно и подробно; при этом я старался смягчить и сжать формальную составляющую изложения; я стремился также посредством более обширных экзотерических примечаний приблизить абстрактные понятия к обычному пониманию и более конкретным представлениям о них». Итак, он взял на себя труд экзотерическое объяснять при помощи экзотерического. «Но необходимая в очерке сжатость изложения, а помимо этого и трудности трактуемого здесь предмета приводят к тому, что и это второе издание сохраняет то же назначение, которое имело первое: оно должно служить книгой для предварительного чтения, необходимые разъяснения к которой должны быть даны в устных лекциях. Название „Энциклопедия“ по первоначальному своему смыслу допускает, по-видимому, меньшую строгость научного метода и внешнего расположения материала, но характер трактуемого предмета требует, чтобы основой изложения оставалась логическая связь.

* Лекция от 04/03/1915 г. в ГА 64 («Из судьбоносного

времени»).

Есть даже слишком много поводов и побуждений, заставляющих меня высказаться о позиции моей философии по отношению к духовным и лишенным духа веяниям современного образования, а это можно сделать лишь экзотерически, например, в предисловии. Хотя эти веяния и считают необходимым занять определенную позицию по отношению к философии, в них нет и следа научного философствования, — они не философствуют, а подходят к философии со стороны, так и оставаясь вне ее. Неприятно и даже рискованно становиться на такую чуждую науке почву, ибо подобные заявления и объяснения не способствуют тому пониманию, которое единственно только и может быть целью истинного познания. Однако коснуться некоторых явлений все же, пожалуй, полезно и даже необходимо».

Перед нами свидетельство из первых уст о том, что Гегель пытался придать первому изданию эзотерическую форму, а то, что он считал экзотерическим, впервые добавил во втором издании, в том числе и в предисловии, имеющем экзотерический характер. В наше время мало кто разбирается в экзотерическом и эзотерическом. Ибо теперь не так-то легко ощутить то, что еще было понятно Гегелю. А он хотел удержать в себе все, что касалось его собственного субъективного подхода к предмету, хотел, чтобы вся конструкция была автономной, то есть чтобы содержание книги было очищено от субъективного элемента. Ибо он считал, что не следует говорить о том, как он лично пришел к содержанию данной книги! Тем самым он проявил определенный такт по части различения двух состояний сознания: того состояния сознания, в котором ты пребываешь, когда обращаешься к публике, и другого — в котором обращаешься к самому себе. И вот сама жизнь принудила его (ведь когда мы делаем что-то, чего делать не следует, причиной чаще всего является сама жизнь) поступиться на некоторое время чувством стыдливости. Ибо что же, в сущности, произошло? Сам Гегель постыдился бы публично распространяться о том, каким образом он пришел к своим представлениям! Обычно в физической реальности человек от стыда краснеет. И можно сказать в метафизическом смысле:

Гегелю на духовном уровне как бы бросилась краска в лицо, когда ему пришлось писать что-то вроде предисловия ко второму изданию.

Итак, перед нами образчик модификации состояния сознания, связанного с чувством стыдливости. Мне хотелось наглядно продемонстрировать вам, как в жизненной активности человека — то есть в его волеизъявлении, в его поступках — проявляются определенные градации сознания. Важно как можно лучше уяснить себе, что ареной таких проявлений служит реальная жизнь и что во всех жизненных явлениях присутствуют модификации сознания. Резкий перепад сна и бодрствования — только крайний образец такой модификации. Однако модификации сознания улавливаешь, например, когда знаешь: вот эта тема не является каким-то твоим персональным духовным достоянием — об этом разглагольствует всяк, кому не лень; если же в общении касаешься другой темы, то надо соблюдать определенные правила, держаться в известных рамках; а бывает и такое, о чем говорят только себе самому либо же в самом узком кругу.

Понятия и идеи, почерпнутые из Духовной Науки, можно сказать, реально вгрызаются в жизнь — мы учимся познавать тонкие субъективные различия в рамках своей собственной жизненной практики (причем делаем это не столь инстинктивно, как это происходит в обычной жизни), убеждаясь на опыте, что серьезные занятия духовной наукой награждают нас определенным жизненным тактом. Но для этого требуется ее серьезное изучение. А этого как раз и не происходит, если все те ощущения, побуждения, инстинкты, которые и так присутствуют в жизненной практике, привносишь и в Духовную Науку. Тогда она приносит не больше пользы, чем любая другая научная информация. Может быть и так (ведь я уже говорил, что существуют модификации сознания и что даже в рамках бодрствования имеются определенные градации, которые в той или иной степени приближаются к состоянию сна), что вы изучаете Духовную Науку, но не имеете подлинной склонности вникать в определенные частности и тонкости, так как ваш интерес не превышает активности упомянутого рантье на лекции.

Кто-то охотно проглатывает циклы лекций или книги, но при этом в определенных местах его сознание погружается в дремоту, он начинает клевать носом. Он не настроен заранее на преодоление трудностей текста. Вот что всегда побуждало меня не стараться облегчать вхождение в Духовную Науку. Мне постоянно говорят, что надо писать популярные книги, а моя «Теософия», например, далеко не общедоступна! На самом деле необходимо, чтобы как раз на основе персональной заинтересованности в предмете можно было потеснить те чувства и ощущения, которые еще присутствуют в читателе по инерции; в противном случае то, что в Духовной Науке призвано вызывать повышенный интерес, как раз чрезмерно погружает читающего в дремоту, и в остатке усваивается только то, что доходит легче всего. И тогда натуральным образом случается то, что всегда бывает при отсутствии достаточно объективного интереса: не правда ли, рантье, отправляясь на лекцию, чувствует себя обязанным побывать на ней в надежде вынести из нее много полезного; однако лекция вызывает в нем скорее негативную реакцию, не пробуждает в нем ни малейшего интереса. Но поскольку интерес не затронут, рантье наслаждается собственной персоной, а случается, и засыпает в буквальном смысле слова, хотя это не всегда бросается в глаза, если сон не сопровождается храпом. Согласитесь, это вполне естественный процесс.

Попробуйте теперь применить эти наблюдения к другому случаю. Тогда у вас получится следующее: кому-то не хватает должного интереса к отдельным частностям, конкретным подробностям Духовной Науки — ему скорее нравится пропускать их мимо ушей. Я уже упоминал, что раздаются голоса: ах, все, что он говорит, не так уж и важно, это всего лишь сотрясение воздуха, сплошные вариации на одну тему! Таков пассивный, клюющий носом слушатель, и это часто заметно по тому, как он слушает лекцию. Ведь на душевном уровне это то же самое, что и дремлющий рантье во внешней жизни. Ибо в нашем примере слушатель не внимает тому, что доносится через «сотрясение воздуха», а направляет свой интерес на собственный внутренний мир — точно как рантье, наслаждающийся своей особой. А в перерыве между

лекциями не пользуются случаем, чтобы поговорить об услышанном, а предаются привычной пустопорожней болтовне о том, что этот был тем-то в прежнем воплощении, а вот я был в прошлой инкарнации тем-то. Иными словами, все сводится к собственной персоне. Но ведь это совершенно тот же самый процесс. То, что происходит с рантье, который в обычной жизни засыпает на всех лекциях, случается и с теми, кто претендует на интерес к Духовной Науке, а она их на самом деле вовсе не интересуется, и потому они постоянно твердят, что дело не в подробностях! И они пропускают все подробности мимо ушей, а в результате весь их интерес сосредотачивается на их собственной персоне. Если бы полностью отдавали себе в этом отчет, не случилось бы многого из того, что происходит сейчас!

Мне хотелось, чтобы на приведенных примерах вы представили себе в общих чертах возможные модификации сознания. Последний пример не следует толковать превратно — нечего обижаться на то, что многое в нашем духовно-научном движении проходит мимо нашего внимания, а тяга к наслаждению собственной персоной нередко перевешивает все остальное и Духовная Наука превращается в средство такого наслаждения. Нам важно вникнуть в определенные нюансы сознания, ибо без этого невозможно приблизиться к представлениям о необходимости, случайности и предвидении.

3 лекция

28 августа 1915 г.

Я уже упоминал, что предварительно надо собрать воедино все необходимое, чтобы понятия предвидения, необходимости и случайности предстали нам в истинном свете. Так что как раз сегодня нам потребуется подготовить некоторые предварительные абстрактные понятия, столь контрастирующие с теми прекрасными и конкретными образами, зрителями которых мы явились. И если мы хотим основательно подойти к нашему предмету, нам не миновать того, чтобы к сегодняшней лекции

присоединить еще одну на ту же тему.

В глазах тех, кто придерживается взглядов, постепенно созревающих в ходе нашей эпохи и сильно окрашенных материалистическими представлениями, понятия необходимости и случайности в некотором роде совпадают и подменяют друг друга. Я хочу подчеркнуть, что многие, чьи взгляды сложились под влиянием материалистических представлений, больше уже не способны в наше время различать понятие необходимости и понятие случайности.

Однако имеется определенное количество фактов, необходимость которых признают даже свихнувшиеся на материализме умы. Даже страдающие материалистической ограниченностью не могут не признавать, что Солнце с определенной необходимостью завтра взойдет снова. Вероятность того, что Солнце взойдет завтра, с точки зрения этой публики столь велика, что вероятность можно признать необходимостью. Бесчисленные природные явления такого рода принуждают к этому многих материалистов. Но эти материалистически ориентированные умы с их представлениями о необходимости чувствуют себя несколько ущемленными, когда сталкиваются с тем, что происходит в истории, то есть с историческими фактами. И весьма знаменательно, что именно такой мыслитель, как уже упомянутый мною Фриц Маутнер, не только написал свою «Критику языка», дабы «перекантовать» Канта, но и сочинил «Философский словарь». В этом словаре имеется статья «История». И в высшей степени любопытно, как Маутнер обходится с историческими фактами. Он говорит примерно так: «Когда восходит Солнце, я созерцаю некий факт. Допустим, сегодня, то есть 28/08/1915 г., можно было стать свидетелем того факта, что Солнце взошло. Это свершившийся факт». А вот то, что в основании этого факта лежит некий закон и определенная необходимость, можно, по мнению Фрица Маутнера, установить благодаря тому, что Солнце всходило и вчера, и позавчера, и вообще всходило с того момента, как люди стали наблюдать это явление. Таким образом, если перед нами не единичный факт, если в природе существует целая цепочка однотипных или сходных фактов, то благодаря

этому можно прийти к прозрению о существовании некоей необходимости. Однако в отношении истории Фриц Маутнер рассуждает следующим образом: если Цезарь существовал один-единственный раз, то здесь и невозможно говорить о необходимости. О необходимости прихода Цезаря можно говорить только в случае повторяемости такого факта. Но ведь исторические факты не повторяются, а стало быть, о необходимости не может быть и речи. Сие означает, что вся история представляется сплошной игрой случайности. Я говорил уже, что Маутнер — честный исследователь, и так оно и есть. Не в пример другим, менее честным исследователям, он последовательно делает выводы из определенных предпосылок. И вот как он, к примеру, высказывается относительно исторической необходимости: «Факт того, что Наполеон мобилизовал свои войска и двинул их на Россию, и факт того, что за этот час я выкурил одной сигарой больше обычного, — они оба реально произошли, оба были необходимы и оба не обошлись без последствий, хотя один из них по праву может считаться великим историческим событием, а другой — смехотворной мелочью». Таким образом, оба факта, произошедшие по необходимости, — исторически значимая русская кампания Наполеона (с тем же успехом он мог бы привести другое историческое событие) и событие, ознаменовавшееся лишь тем, что за час было выкурено одной сигарой больше обычного, — представляют собой для Маутнера два равноценных по необходимости, то есть обусловленности, факта, если вообще можно говорить об исторической необходимости.

Вас может удивить, что я ссылаюсь именно на этот фрагмент статьи Фрица Маутнера «История». Я привожу его по причине того, что он вышел из под пера честного человека, наделенного исследовательской совестью, чего не наблюдается у других, менее честных, опирающихся на современный научный подход. Маутнер установил: средства, которыми располагает современная наука, не позволяют нам провести качественное различие между тем фактом, что Цезарь некогда существовал, и фактом того, что за час было выкурено одной сигарой больше обычного. На уровне применяемых в современной

науке средств не видно никаких различий! И поскольку Маутнер опирается на принципиальный отказ от подобных различий, он и не желает опускаться до глупости, позволяющей считать историю наукой, ибо нет научных предпосылок к тому, чтобы признавать историю наукой. И здесь Маутнер вполне честен. Он говорит, к примеру, — причем с определенным правом, — что Вундт начертил свою «Сводную таблицу распределения научных отраслей», включив в нее, разумеется, и историю; однако не существует, собственно, никаких оснований к тому, чтобы вводить историю в таблицу научных дисциплин — просто так уж принято по случайно уцелевшей традиции, что при университетах существует штатный профессор истории. Если бы потребовалось учредить кафедру верховой езды, — продолжает вполне правомерно Маутнер, — то ученые типа Вундта в свою схему включили бы и верховую езду в ранге научной отрасли, причем не из потребности современной научной систематики, а по совершенно другим причинам.

Надо заметить, что наши современники весьма далеко ушли от того, что было заложено в гётевском «Фаусте», а ведь при серьезном подходе к нему это могло бы поистине глубоко нас потрясти. В «Фаусте» содержится много такого, что указывает на глубочайшие загадки человеческого духа. А в наше время все это попросту не принимается всерьез. Что говорит Фауст в самом начале трагедии, когда осознает тщетность всего того, что может ему преподнести философия, юриспруденция, медицина и теология его времени (а ведь за плечами у него уже упомянутые четыре факультета)? Он говорит, что все эти науки, а также все, чем жизнь обогатила его душу, привело его к сознанию:

И пес с такой бы жизни взвыл!
И к магии я обратился,
Чтоб дух по зову мне явился
И тайну бытия открыл.
Чтоб я, невежда, без конца
Не корчил больше мудреца,
А понял бы, уединясь,
Вселенной внутреннюю связь,

Постиг все сущее в основе
И не вдавался в суесловье.

Итак, что же хочет познать Фауст? «Движущие силы и зародыши»! Тем самым из потаенных глубин человеческого сердца также встает вопрос о необходимости и случайности в жизни.

Необходимость! Представьте себе, что личность типа Фауста поставлена перед загадкой необходимости в исторической жизни человечества. — Почему же, — вопрошает Фауст, — я вписан именно в данный момент исторического развития? Что толкнуло меня в этот мир, какая историческая необходимость призвала меня именно в этот момент исторического становления?

Этот вопрос исходит из потаенных глубин души Фауста. И Фауст убежден, что ответ будет найден, если он узрит, в «движущих силах и зародышах» — иными словами, в том, что встречает нас во внешнем мире, — сокровенно пребывающую там возможность познания того, каким образом вся ткань бытия прошита нитями необходимости.

Представьте себе только, что человек типа Фауста по каким-либо причинам приходит к воззрениям, чем-то напоминающим воззрения Фрица Маутнера. Само собой, у Маутнера не хватит духа, не хватит силы порыва, чтобы сделать те выводы, к которым пришел бы Фауст, если бы в один прекрасный день не увидел никакой разницы между фактом того, что Цезарю принадлежит его место в истории, и тем фактом, что он выкурил за час одной сигарой больше, чем обычно. Представьте себе только, что тот самый вопрос, который, с точки зрения Фрица Маутнера, приложим как раз к историческому становлению человечества, вырвался бы из души Фауста. — Выходит, — сказал бы Фауст, — мое присутствие в мировом развитии обусловлено той же самой необходимостью, которая некогда понудила Фрица Маутнера выкурить за час одной сигарой больше обычного?

Сейчас не принято всерьез подходить к таким вещам, иначе обнаружилось их огромное значение для человеческой жизни. Сейчас человек, наделенный всей современной научной совестью, утверждает:

современные научные средства познания не позволяют отличить тот факт, что Цезарь некогда существовал, от того факта, что Маутнер за час выкурил лишнюю сигару; выходит, невозможно провести различие между этими двумя видами необходимости.

Когда научатся подходить к этой теме со всей силой Фаустова порыва, тогда созреет понимание того, насколько важно постигать исторические факты в их необходимости именно так, как это уже сделано нами в рамках Духовной Науки по отношению ко многим историческим событиям.

Ибо благодаря Духовной Науке нам стало ясно, что в великом духовном становлении мира поступательный ход исторических эпох как бы «вмонтирован» в мир внешней действительности. И когда говорится о том, что в определенный момент времени происходит то или иное событие, — это качественно отличается от того факта, что Фриц Маутнер за час выкурил одной сигарой больше.

Мы часто упоминали о взаимосвязи Ветхого и Нового Завета, иными словами о том, что происходило во времена, предшествовавшие Мистерии Голгофы, и тем, что за ними последовало, а кроме того, говорили об отдельных сменяющих друг друга культурных периодах постатлантического времени, говорили о том, что отдельные события, происходившие в те культурные периоды, имели духовную подоснову. Так впервые возникает возможность исторического исследования.

Бесконечно многое зависит от самого подхода к этому предмету. Наш подход позволяет проследить, к чему приводят те предпосылки, которые в настоящее время единственно считаются научно обоснованными.

Каждая годовщина, вроде вчерашней или сегодняшней — день рождения Гегеля и день рождения Гёте соответственно, — своей праздничной атмосферой должна с необходимостью напоминать нам о великих требованиях минувших времен, о глубочайших стимулах минувших времен, дабы мы могли удостовериться, насколько далеко с тех пор нас отнесло в сторону от них, — нас, плывущих в материалистическом фарватере. Знаете ли, тупицы, если тут уместно такое слово, существовали всегда. И разница, например, между гётевской эпохой и нашей состоит не в том, что во времена Гёте или Гегеля вообще не водилось

тупиц, — разница только в том, что тогда не тупицы задавали тон. Тогда дела обстояли иначе.

Вчера был день рождения Гегеля, который родился 27/09/1770 г. в Штутгарте. Гегель, — поскольку в его времена еще не существовало возможности проникнуться подлинно духовной жизнью, как это мы пытаемся осуществить сегодня при помощи Духовной Науки, — пытался по-своему обрести духовное начало в идеях, в понятиях, он пытался исходить из идеи, отталкиваться от понятия. Как мы, он искал в феноменах внешней жизни скрытую духовную жизнь, живую жизнь в духе. Ибо он мог прийти только к тому, что за всем внешним скрываются незримые идеи, ткань идей. Сначала он пришел к идейной ткани чистой логики, затем — к идейной ткани, вскрывающей духовную сторону природы, а затем к тому, что в качестве духовного скрывается за всеми историческими свершениями. В поисках незримых движущих сил истории Гегель попутно внес много важного в исторические изыскания, только не в виде конкретного спиритуального исследования, а в форме абстрактных идей.

Чем, собственно, занимается тот, кто, честно придерживаясь сегодня позиции Фрица Маутнера, описывает, допустим, развитие искусства со времен Древнего Египта и до наших дней, включая греческое искусство? Он заимствует сведения, содержащиеся в дошедших до нас памятниках культуры, и думает, манипулируя этими данными, что тем скорее будет соответствовать научному идеалу, чем меньше ему придет в голову собственных идей, то есть насколько он является объективным и беспристрастным, придерживаясь чисто внешнего фактического материала. Но Гегель еще пытался писать историю искусства по — другому, и он, в частности, уже тогда высказал то, что в наше время мы, разумеется, можем сформулировать гораздо более спиритуальным образом: когда за внешним развитием искусств полагают летучий мир бытия идей, то идеи, еще покоясь в самих себе, все же начинают как-то проявляться во внешнем материале и сокровенным образом раскрывают себя в нем. Сие означает, что идеи поначалу еще не полностью овладели материалом, они получают в нем всего лишь

символическое выражение; по мнению Гегеля, они вызывают к разгадке, как загадка Сфинкса. Затем, по ходу развития, идеи сильнее овладевают материалом. Наступает гармоническое равновесие между внешним материальным выражением и самой идеей, которая овладевает материалом: это классическая форма выражения! Затем, когда идеи продвинулись дальше, завладели материалом, наступает тот момент, когда как бы от переполнения, от собственной избыточности мир идей выплескивается за пределы материала. При символическом выражении идеи еще не могут как следует пробиться через материал. В классическом искусстве они наконец пробиваются, соединяясь с материалом, а романтические формы выражения способствуют тому, чтобы идеи выплескивались за пределы материала. Так происходит переполнение идеями. И вот теперь, полагает Гегель, надо определить, где же во внешнем мире реализовались эти представления, воплотились эти идеи. Символическое искусство, загадочное, как Сфинкс, в Древнем Египте. Классическое искусство — в Древней Греции. Романтическое искусство стало доминировать в Новое время. Итак, Гегель исходит из того, что человеческий дух пребывает в мировом духе. Мировой дух управляет развитием нашего мышления, и этот процесс сродни развитию искусств. Поэтому во внешнем мире нам надлежит заново открыть то, что мировой дух предварительно уже вложил в наши мысли.

Именно так Гегель, можно сказать, «конструирует» и внешнюю историю. В первую очередь он направляет внимание на становление идей, из которых закономерно вытекают внешние свершения. И как раз это оказалось не по уму обывателям, — я имею в виду тупиц — именно это они ставили Гегелю в упрек, это было главным обвинением. Как в нашем духовно-научном движении можно повстречать тупицу, которого превыше всего интересуется собственная прежняя инкарнация, так, разумеется, и во времена Гегеля водились своеобразные тупицы. Это подтверждается, например, одним примечанием, которое делает Гегель. Видите ли, главным принципом Гегеля было сначала нащупать движущую идею, а затем уже разыскивать ее воплощение во внешнем

мире. Естественно, нашлись критически настроенные тупицы, и Гегель вынужден был заметить следующее: «Господин Круг на этой и на следующей странице весьма наивно потребовал, чтобы натурфилософия продемонстрировала такой трюк — дедуцировала, то есть вывела из мира идей, хотя бы вот это гусиное перо, которым он пишет». Дедукцией называют обретение во внешнем мире всего того, что предварительно было найдено в мире идей, и это примечание было адресовано преподававшему тогда в Лейпциге Вильгельму Трауготту Кругу. Забавно, что этот Вильгельм Трауготт Круг так же, как и Фриц Маутнер, тоже написал «Философский словарь», поэтому он являлся своего рода предшественником Маутнера. Но Вильгельму Трауготту Кругу в те времена не суждено было задавать тон — он не сделался властителем дум. Однако он сказал, что если люди, подобные Гегелю, в первую очередь хотят обрести нечто реальное в мире идей, а затем, опираясь на необходимость идеи присутствия, указать на соответствующую внешнюю реальность, то должен явиться новый Гегель и продемонстрировать, каким образом в идее может содержаться то гусиное перо, которым пишет Круг. — Гегель с его идеями, изображающий, как развивалось искусство со времен Древнего Египта и Древней Греции вплоть до наших дней, совершенно не убеждает меня, — говорит Круг. — Вот если бы он смог из своей идеи дедуцировать гусиное перо, которым я пишу, — вот это бы мне понравилось!

На этот счет Гегель говорит в упомянутом примечании: «Однажды в порядке приоритетности дойдет дело и до столь любезного вашему сердцу гусиного пера, но никак не раньше, чем наука продвинется настолько, что на небе и на Земле исследователю не останется ничего более важного». Но на самом деле в современном миропонимании тон задает именно миропонимание тупицы. И Фриц Маутнер должен был совершенно искренне заявить: нет никакой возможности отличить историческую необходимость того, что в определенный момент времени возникло греческое искусство, от бытовой необходимости гусиного пера господина Круга либо же бытовой необходимости того, что Маутнер за час выкурил

лишнюю сигару.

Я уже обращал ваше внимание на то, что прежде чем приступить к этим возвышенным представлениям о человеческой жизни, необходимо обрести правильную отправную точку, правильный угол зрения, дабы понятия такого рода предстали в подобающем освещении. Итак, все сводится к тому, чтобы занять правильную позицию в отношении понятий необходимости, случайности и предвидения.

Мы уже пробовали представить себе Фауста, сомневающегося в возможности отыскать в мире связующую все необходимость. А теперь представим себе прямо противоположное: представьте себе Фауста в мире, где господствует одна только необходимость, так что в один прекрасный день ему придется осознать, что он пришел в такой мир, где все его действия, вплоть до мельчайших, осуществляются по необходимости. И тогда Фауст не сможет не возопить (и не по причине накопленного субъективного опыта, а из-за объективного мироустройства): «И пес с такой бы жизни взвыл!» — если нет ничего случайного, нет ничего, кроме необходимого. И что случилось бы с достоинством человека, если бы сбылось утверждение Спинозы о том, что все, что человек делает и переживает, происходит с той же необходимостью, с какой бильярдный шар, столкнувшись с другим шаром, отскакивает от него, повинувшись необходимости соответствующего физического закона. Будь такое на самом деле, человек не смог бы вынести подобного мироустройства. Особенно такое мироустройство невыносимо для тех натур, которые стремятся узреть «все движущие силы и зародыши»!

Случайность и необходимость разлиты в мире таким образом, что одновременно соответствуют и определенным человеческим запросам. Человек чувствует, что не может отбросить ни случайности, ни необходимости. Однако их нужно правильно понять, нужно найти правильную точку зрения, чтобы составить о них определенное суждение. Разумеется, необходимо стряхнуть с себя всякую предубежденность по отношению к понятию случайности. Это понятие взывает к четкой определенности, поскольку в повседневной жизни мы привыкли говорить, что то или

иное событие произошло случайно: ведь для серьезного подхода к проблеме требуется что-то качественно другое. Но правильную точку зрения еще надо потрудиться найти. А для этого нам потребуется продолжить исследование, предпринятое нами вчера.

Итак, человеку свойственна смена двух состояний сознания — сна и бодрствования. Но, как было уже сказано, в сущности, само бодрствующее сознание содержит в себе множество градаций — мы можем различать разные степени бодрствования. Однако мы можем пойти еще дальше в изучении бодрственного сознания. По существу, бодрствующее сознание позволяет нам от пробуждения до засыпания созерцать феномены внешнего мира, наблюдать их причины и следствия и создавать наши представления, понятия, идеи.

А состояние сна, относящееся еще к уровню растительного сознания, позволяет нам, как говорилось вчера, созерцать самих себя и, по сути дела, наслаждаться собственной персоной, поскольку это именно вегетативное сознание.

При основательном подходе к устройству душевной жизни человека вырисовывается нечто не относящееся ни к состоянию дневного сознания, ни к состоянию ночного, а именно — состояние отчетливого воспоминания о чем-то пережитом ранее. Обратите внимание: в состоянии сна вы можете ни о чем не вспоминать. Если бы вы непрерывно спали беспробудным сном, то не помнили бы ничего из пережитого ранее, по крайней мере, не испытывали бы в этом потребности. Во сне со сновидениями еще присутствуют кое-какие воспоминания, однако в вегетативном состоянии глубокого сна человек не вспоминает о прошлом. Очевидно, что в состоянии сна воспоминания не играют особой роли. Но и в отношении дневного сознания можно сказать: в нем мы воспринимаем окружающий нас мир, однако переживание того, что было уже нами пережито ранее, в сущности, означает повышение градуса обычного дневного сознания. В этом случае мы воспринимаем не только окружающий нас мир, но и минувшее, хотя мы видим всего лишь его отражение в нашем внутреннем мире. Так что можно сказать: если эта

линия изображает уровни человеческого сознания, то во время сна мы всматриваемся в самих себя, созерцаем собственный внутренний мир. Этот взгляд, направленный на свой внутренний мир, мы можем считать подсознательным. Дневное сознание можно схематически обозначить так: мы направляем свой взгляд на внешний мир, и это — сознательное созерцание внешнего мира. А третий вид внутреннего переживания, не укладывающийся в рамки сознательного созерцания внешнего мира, поистине представляет собой сознательное созерцание собственного внутреннего мира или же — воспоминание. Иными словами, сознательное созерцание собственного внутреннего мира — это и есть воспоминание (тогда как сознательное созерцание внешнего мира — это дневное состояние сознания, а подсознательное созерцание внутреннего мира — это сон).

Стало быть, перед нами не просто два резко обособленных состояния сознания, а целых три. Воспоминание — это поистине углубление, или, если хотите, концентрация состояния дневного сознания. Ибо в процессе воспоминания мы не просто что-то познаем, а многое узнаем повторно, и это самое главное. Воспоминание только тогда имеет смысл, когда мы что-то узнаем повторно. Допустим, я сегодня встречаю кого-то из вас, кого видел раньше, и только смотрю на него, но не знаю, что раньше с ним уже встречался, — так вот это, разумеется, не воспоминание. Воспоминание — это повторное узнавание. И Духовная Наука подтверждает, что наше обычное дневное сознание, то есть познание внешнего мира, уже достигло своего потолка, а память, собственно, находится еще в самом начале своего развития. Память должна постоянно развиваться. Память — еще сравнительно дремлющее свойство человеческого сознания, и когда сила памяти однажды поднимется на более высокую ступень, то к нынешнему опыту воспоминания добавится нечто иное: переживание — внутреннее переживание — предыдущих инкарнаций. Память о предыдущих инкарнациях зависит от усиления возможностей памяти, ибо во всех случаях должно иметь место повторное узнавание. И повторное узнавание указанного типа обязательно должно проложить себе

дорогу в наш внутренний мир. Воспоминание — это душевная сила, находящаяся еще в зародышевом состоянии.

Теперь уместно было бы составить понятие о природе этой душевной силы, то есть о силе памяти. Как, собственно, происходит воспоминание? Но сначала нужно ответить на вопрос: каким образом в настоящее время вообще можно прийти к правильному понятию? Считается, что представление о правильном понятии люди имеют и так, а на самом деле ничего подобного нет, ибо большинство из них пользуются не понятиями, а образными представлениями. Большинство людей убеждены, будто знают, что такое круг. Если же спросить их, что такое круг, то получишь ответ: круг — это что-то вроде этого (рисует на доске). Разумеется, это всего лишь представление о круге; но дело не в том. Кто знает всего лишь, что вот это круг, не имеет о нем никакого понятия — он видит только рисунок на доске. Понятие о круге имеет только тот, кто может сказать: круг — это кривая линия, каждая точка которой равно удалена от центра. Конечно, мне потребуется бесконечное количество точек, но в этом случае я могу получить внутреннее понятие круга. Вот это и хотел сказать Гегель. Сначала надо получить понятие (это относится и к внешним фактам) и только потом заново познать внешний факт, опираясь на понятие.

Попытайтесь уловить различие между расплывчатым представлением, которым довольствуются большинство людей, и активным владением понятиями. Понятие — это всегда внутреннее становление, внутренняя деятельная активность. Понятие стола невозможно сформулировать, если имеешь о нем одно только представление, — понятие возникает, только когда можешь сказать: стол — это доска, которая может служить подставкой для других предметов. Понятие — это подвижная и активная внутренняя жизнедеятельность, которая может быть спроецирована на внешнюю реальность.

Когда пытаешься объяснить такие вещи нашим современникам, хочется, если можно так выразиться, эти вещи «обтанцовывать». Ты предпочел бы скакать и прыгать, чтобы продемонстрировать, чем подлинное

понятие отличается от лениво-сонного представления. Хочется — чтобы хоть немного растормозить людей — привести в движение их страшно косный и консервативный механизм образования представлений, хочется, чтобы все понятия начали прыгать и кувыркаться, хочется, чтобы в глаза бросался контраст между привычными представлениями и тем, что действительно должно быть на острие внимания. Откуда же такое желание? Причина в том (и об этом мы узнаем из Духовной Науки), что для возникновения понятия эфирное тело на самом деле должно проделывать такого рода движения. Эфирное тело — арена подобных движений, а значит, размах подвижности эфирного тела, когда конструируешь понятие, не должен вызывать робости. Опасаться тут нечего.

Что же такое воспоминание? Что значит вспоминать? Если когда-то я выучил, что круг — это кривая линия, каждая точка которой равно удалена от центра, а теперь вспоминаю это понятие, то мне необходимо заново привести мое эфирное тело в соответствующее движение. В ракурсе эфирного тела воспоминание — это воспроизведение соответствующего движения, ставшего привычкой. Воспоминание — это привычка эфирного тела. Когда мы о чем-то вспоминаем, то привычно воспроизводим относящееся к данному предмету движение эфирного тела. Вы не вспоминаете ни о чем другом, кроме как о том, к чему привыкло эфирное тело. Если часто приводить его в движение и давать ему повторно вспоминать, ваше эфирное тело будет автоматически развивать привычку воспроизводить с каждым приближением к соответствующему предмету те же самые движения, которые оно произвело при первоначальном приближении к этому предмету. И поскольку привычка продолжает свивать себе гнездо, воспоминание становится тем тверже, чем чаще повторяется эта процедура.

Стало быть, в процессе подлинного мышления (не путать с простыми представлениями) эфирному телу прививаются самые разные привычки. Но ведь именно эфирное тело лежит в основе тела физического. Легко заметить, что, когда кто-то пытается объяснить какое-нибудь понятие, он часто имитирует это понятие при

помощи внешней жестикуляции, сопровождая слова такого рода жестами. Но и в целом человеку присущ определенный индивидуальный набор жестов. При достаточно всеобъемлющем подходе к феномену жестикуляции легко убедиться, что люди отличаются прирожденной манерой жестикулировать. Каждому свойствен собственный набор жестов (мимика и жест — явления одного порядка). При умении разбираться в особенностях жестикуляции можно узнать человека даже со спины по характеру его следов на земле. Ваша нынешняя манера мыслить, трансформируясь в воспоминание, становится привычкой вашего эфирного тела. Это эфирное тело всю жизнь «дрессирует» тело физическое — вернее, пытается его дрессировать, но это не вполне ему удается.

Так что можно сказать следующее. Допустим, это физическое тело — точнее, физическая рука. Мысля, мы непрестанно пытаемся привить эфирному телу соответствующие привычки. Но физическое тело создает ему определенные препоны. На самом деле эфирное тело не может делать с телом физическим все что угодно. Поэтому оно накапливает внутри себя те силы, проникновению которых мешает физическое тело, и проносит их через всю жизнь между смертью и новым рождением. Ваш нынешний образ мысли, — воспоминание о нем, привитое вашему эфирному телу, — проявится в вашей следующей инкарнации как прирожденные особенности жестикуляции, в индивидуальной мимике и жестах. И когда вы констатируете, что данному индивиду с самого детства свойственны определенные жесты, то причина заключается в привычках его эфирного тела, сформированных его образом мысли еще в предшествующей инкарнации. Образ мысли прививает совершенно определенные привычки эфирному телу. Сие означает, что прирожденные жесты — это письма, позволяющие узнать о подходе человека к мышлению в предыдущей инкарнации. Оцените значимость этого явления. Это означает: мысли как бы запечатлеваются в существе человека, проявляясь в прирожденной жестикуляции при его новом воплощении. Перед нами

картина коагуляции мыслительного элемента — вплоть до внешнего проявления. Мысль, составная часть внутреннего мира прежней инкарнации, становится внешней жестикуляцией в инкарнации нынешней.

На взгляд наших современников, историческая наука — это произвол случайностей, ибо она не различает необходимости и случая. В одном словаре 1482 года издания Фриц Маутнер обнаружил такое определение: «История — это регистрация (или фиксация) происшествий». Именно так в старые времена определяли историю. От всего этого уцелело только абстрактное слово «регистрация». Когда составляют исторические документы или летописи, это называется регистрацией. Почему же? Корень слова «ре - ГИСТ - рация» есть то же самое, что и ЖЕСТ (корень ГИСТ — это видоизмененное ЖЕСТ). Гений языка, творец слова «регистрация», еще знал, что написание истории — это фиксация определенных происшествий. Если в прирожденной жестикуляции человека видеть остаток его мыслей, продуманных в предшествующей инкарнации, видеть как бы их осадок, то просто нелепо было бы предполагать, что в исторических событиях отсутствует что-то вроде жестикуляции. Когда я иду, моя походка фактически составляет некую серию событий, и это — мимика и жесты моего мышления из предыдущей инкарнации.

Где же в таком случае следует искать движущие идеи истории? Мы вплотную приблизились к этому вопросу. Для отдельной человеческой жизни тайну жестикуляции следует искать в мыслях индивида, которые были свойственны ему в предыдущей инкарнации. А где же нам следует искать соответствующие идеи, когда мы всматриваемся в «жестикуляцию» исторических событий?

4 лекция **29 августа 1915 г.**

Рассматривая воззрения вроде тех, которых

придерживается Фриц Маутнер (мы о нем уже говорили), видишь, к каким крайностям может прийти тот, кто воспринимает всерьез, ведет господствующее ныне учение о материалистическом устройстве мира. А Маутнер принимает современное мировоззрение вполне серьезно. И он приходит к разным в высшей степени примечательным открытиям. Например, он пристегивает к понятию «запас» (ведь «критик языка»!) определение «словесный» и получает словосочетание «словесный запас», или набор философских терминов, причем делит их на мнимые, то есть дутые, и пригодные, то есть реальные, понятия. И в своем «Словаре» он пытается доказать, что большинство философских понятий относятся к числу непригодных. Читая аналитический разбор какого-нибудь философского понятия в его «Философском словаре», постоянно испытываешь такое ощущение (разумеется, вполне субъективное), как будто пытаешься обернуться вокруг себя, чтобы, как китаец, ухватить себя за собственную косу. Дочитывая какую-нибудь статью, не можешь отделаться от чувства, что ты все время пытаешься ухватить себя за косу, но сколько ни выкручивался, это тебе не удалось. Поистине, надо учинить насилие над здравым смыслом, пытаюсь вникнуть, к примеру, в статью «Христианство». И это относится почти ко всем статьям, входящим в «Словарь». Но Маутнер не пожалел сил, чтобы тщательно подметить все мнимые понятия и вставить их в свой Словарь исключительно ради их разоблачения. Чтобы вам стало ясно, что же Маутнер называет «мнимыми понятиями», я прочитаю несколько его типичных фраз из вступления к книге: «Что же такое мнимое понятие? В этом «Словаре» многие общепринятые понятия будут дезавуированы как мнимые. Примеров тому предостаточно. И все же нелегко создать всеобъемлющее определение того, чем пригодное понятие отличается от мнимого, правильное от ложного, живое от нежизнеспособного. Этими полярностями я уже обрисовал некоторые принципиальные трудности. Мнимость понятий не всегда проистекает из одного и того же источника. Равным образом ложность или нежизнеспособность какого-нибудь понятия не всегда бывает так уж просто установить. Случается, ложность изначально присуща

какому-нибудь понятию, а может возникнуть и в ходе исторического развития словоупотребления и ускользнуть от научно-критического взгляда современников; какое-нибудь понятие может быть мертворожденным с самого начала, а может незаметно отмереть и исчезнуть из словоупотребления через сравнительно продолжительный либо краткий период времени. Границы здесь размыты, ибо смысл понятий весьма относителен. Понятия Абсолюта и Флогистона были ложными с самого начала, хотя их расхождение с фактами опыта было обнаружено позднее».

Все это очень мило, не правда ли? Человечеству потребовались не то что столетия, а тысячелетия, чтобы отыскать замену понятию флогистона. И когда Лавуазье вместо «флогистона» ввел правильное понятие «горение», это было открытием первейшего ранга*. Но Фриц Маутнер добавляет от себя: «Это понятие было изначально ложным, хотя его расхождение с фактами опыта было обнаружено только позднее».

* Теория флогистона повсеместно признавалась научным фактом до ее опровержения французским химиком Антуаном Лавуазье (1743 — 1794).

Складывается впечатление, что, родись Фриц Маутнер достаточно рано, уж он позаботился бы о развенчании ложной теории флогистона! Далее Маутнер говорит: «Понятие „ведьма“ сделалось ложным со смертью понятия „дьявол“, ибо не могли же безбожницы вступать в телесное сношение с мнимым дьяволом. Понятие „дьявол“, в свою очередь, достаточное время было жизнеспособным, и умерло, лишь когда человеческое познание убедительно установило, что ни самого дьявола, ни его деяний в реальности не существует». Так и подмывает повторить слова Мефистофеля: Черт рядом, а на то нет сметки, Хоть прямо их хватай за глотки!

Вот что фактически должно бросаться в глаза при обсуждении подобных вопросов. В наши дни все скорее сводится к выбору подходящего угла зрения, вернее, угла освещения проблемы.

Вчера мы уже указывали на то, что углубленное познание душевной природы человека идет рука об руку с углублением смысла понятий — таких как понятие необходимости. И мы указывали на то, как ощущение

необходимости всего сущего, сковывающей, следовательно, и отдельного индивида, было бы для людей типа Фауста какой-то карой небесной. А Маутнер довольствуется тем, что необходимость — это всего лишь способ восприятия вещей. Он не видит никаких оснований для того, чтобы исследовать объективную сторону необходимости в самих вещах. Маутнер считает, что человек как бы погружен в поток мировых явлений. Люди заметили: Солнце взошло сегодня, и вчера оно всходило, и третьего дня. Это создает предпосылку того, что оно взойдет и завтра, и послезавтра, и так далее. На основании таких внешних размышлений о поступательной регулярной смене феноменов и строится понятие необходимости. «Солнце обязательно должно взойти», — говорят люди. Но эта необходимость есть нечто субъективное, это чисто человеческое понятие. И тут Маутнер премило высказывается по поводу Гуссерля — философа, считавшего, что необходимость объективно заложена внутри вещей: «Хотелось бы мне знать, каким образом необходимость, то есть сугубо человеческое осмысление действительности, становится объективной». «Хотелось бы мне знать...» — вздыхает Маутнер. Видите ли, Маутнеру напрочь отказано в способности прозрения того, как нечто субъективное может сделаться объективным. Если можно так выразиться, престранный эвритмист этот Маутнер; ну никак у него не «вытанцовывается» переход субъективное-объективное, потому что он совершенно утратил способность воспроизводить в себе то танцевальное движение, которое и переводит из субъективного в объективное. А в основе всего этого лежит неумение отыскать то место в жизненном раскладе, где субъективное действительно переходит в объективное. Мы хотим попытаться узреть такое место нашим духовным взором.

Когда в душе человека рождается вопрос, она стремится к ответу на него и будет субъективно воспроизводить все те процессы, то есть те внешние или внутренние манипуляции, которые могли бы привести к ответу на поставленный вопрос. Вы же понимаете, что постановка вопроса и поиск ответа действительно представляют собой субъективный процесс. Он настолько субъективен, что свободно допускает всевозможные

нюансы; у одних он протекает достаточно ловко и умело, у других — неуклюже. И на первых порах внутри нас происходит именно это. Однако учтем следующее. Допустим, кто-то действительно обуян стремлением к познанию, преисполнен жаждой знания и потому не может не задать в своей душе определенный вопрос. Но он не может получить никакого ответа. Не правда ли, это субъективный процесс. Однако учтите при этом следующее: время идет, и, как говорится, жизнь продолжается. Человек продолжает жить, хотя тот субъективный процесс и не получил должного завершения: вопрос был задан, а ответа не последовало. Может случиться, что позднее этот человек снова припомнит свой вопрос и подумает, что так и не получил на него ответа. Но может случиться и совсем другое. Может случиться, что этот человек попросту забудет о своем вопросе. Однако это забвение не означает, что вопрос и отсутствие ответа утратили свою актуальность, это просто значит, что человек так и не нашел ответа. И то, что было чисто субъективным, может впоследствии (надо только уметь проследивать взаимосвязи такого рода) проявиться как определенная неуверенность в поведении человека. При достаточно тонком наблюдении можно заметить: этому человеку присущи поразительно неуверенные жесты, в его взоре сквозит поразительная неуверенность. Такие взаимосвязи, относящиеся к отдельно взятой жизни, могут быть трудноуловимыми, но их можно обнаружить и установить, что многие неуверенные жесты, проглядывающая неуверенность во взоре и тому подобное восходят к тому периоду жизни человека, когда он не смог отыскать ответа на какой-то вопрос или круг вопросов. А ведь неуверенность в жестикуляции и во взоре — это нечто объективное, вполне объективное! Объективное действительно рождается из субъективного. Субъективно пережитое нами когда-то мы можем спустя много лет снова обнаружить в объективных проявлениях нашего человеческого существа.

Приняв эту точку зрения, вы обнаружите, что именно здесь пролегает путь к получению реальных ответов на вопросы, которые оказались не под силу Фрицу Маутнеру. Ведь просто от бессилия он говорит: «Хотелось бы мне

знать, каким образом необходимость, то есть чисто человеческое измышление, может сделаться чем-то объективным». Но субъективное очень даже может сделаться объективным! И вам следует особо принять во внимание сказанное мной вчера о том, что наша память, наша способность вспоминать прошлое — это, по существу, отдельное состояние сознания наряду с бодрствованием и сном. Наша память еще находится в зародышевом состоянии и, когда человечество шагнет к новому планетарному бытию, память станет играть гораздо более существенную роль, и это будет выражаться в повторном узнавании произошедшего ранее. Только это повторное узнавание прошлого примет другие формы по сравнению с нынешними. Когда мы, к примеру, что-то субъективно пережили, то в отдельно взятой человеческой жизни по прошествии времени остается едва заметный след от этого переживания. Но в следующем воплощении оно выступит более полнокровно. Прошедшее субъективное переживание трансформируется в определенные внешние характерные черты нашей наружности. И когда в отношении многого нами забытого мы спрашиваем: куда все это подевалось? — ответ мы получим, только если со всей серьезностью осмыслим данные Духовной Науки. Мы откроем следы забытого нами в нашей собственной жизни. То, что погрузилось в самые глубины души и вышло за пределы субъективного опыта, продолжает активно присутствовать в нашем подсознании. Субъективное всегда становится объективным!

Если действительно хочешь разбираться в жизни, надо со всей серьезностью, а также со смирением и честно принимать описанное положение вещей. Надо стараться реально, честно и бескомпромиссно следить за своим мышлением. Нужно, к примеру, следить за ошибками мышления, так как они находятся в опасной близости с жизненными ошибками. На каждом шагу встречаются люди, которые не упустят случая сказать: «Без ложной скромности, я не страдаю тщеславием»; и тем не менее они же постоянно твердят, что вся жизнь — это ярмарка тщеславия. Они настолько тщеславны, что не упустят случая дать понять, до какой степени им не свойственно тщеславие! Им не приходит в голову, что они напоминают

критянина, сказавшего: «Все критяне — лжецы»; если это правда и эта фраза слетает с уст критянина, то и он сам попадает в число лжецов! Выходит, выражение «все критяне лжецы» — неправда. Однако необходимо, чтоб такой подход к мышлению был включен в жизненную практику, чтобы определенную тонкость мышления люди действительно постарались сделать привычкой. И мне хотелось бы попутно обратить ваше внимание на одну типичную ошибку мышления, которая встречается и у Маутнера во многих его статьях. В «Словаре» Маутнера, в частности, есть статья «Необходимость». В ней он старается доказать, что необходимость — всего лишь человеческое измышление, то есть нечто совершенно не свойственное природе вещей. Как раз в этой статье по неведомым причинам он выделяет эти фортеля, всяческие выкрутасы — крутится в рискованном вихре вокруг собственной оси с целью ухватить свою ускользающую косу. Ибо единственное, что ему удастся уяснить, — это что нет никакой необходимости для того, чтобы в вещах господствовала необходимость; нет никакой необходимости для того, чтобы в природе вещей господствовала необходимость. Но ведь необходимость может господствовать, даже если в этом нет необходимости! Допустим, Маутнер установил, что нет необходимости, чтобы в вещах господствовала необходимость, однако это вовсе не исключает того, что в вещах она господствует; просто присутствие необходимости не обязательно необходимо; вот за такого рода ошибками надо постоянно следить.

Но возникает вопрос: как выявить необходимость? Сегодня мне хотелось бы только наметить нужное направление (завтра мы займемся этим более детально). Отправным пунктом здесь станет тезис: продуманное нами субъективно опускается в душевные глубины, становясь частицей нашей памяти, но не утрачивается в этих глубинах, а делается чем-то объективным. Нечто вполне объективное обнаруживается даже в пределах отдельно взятой жизни — в мимике и жестах данного индивида. Припомните только, что было сказано в конце вчерашней лекции: субъективное впоследствии становится в мире чем-то объективным. И тогда возникает вопрос: нет ли

возможности, наоборот, увязать это объективное с чем-то субъективным, существовавшим когда-то и превратившимся затем в это внешне объективное? И тут обнаружится, что всё, чему мы приписываем необходимость во внешнем мире, сделалось таковым благодаря тому, что некогда вышло за пределы субъективного и объективировалось.

Перенесемся от земного бытия к солнечному. Там нас встречают существа, управлявшие старым Солнцем. И так же, как нам присущи мысль, чувство и воля, так и эти существа несли в своей душе определенные переживания, что-то создавали, проявляли некую активность. И проделанное ими в период старого Солнца мы видим теперь во внешнем мире. Оно предстает нам как своего рода космическая жестикуляция и мимика, космическая физиогномика. Все объективировалось. В общих чертах можно сказать: существо старого Солнца вполне субъективно излучало свое волеизъявление, а затем объективировалось так же, как продуманное и прочувствованное нами погружается в пучины памяти, а затем объективируется. Равным образом воля — излучение существа старого Солнца — трансформировалась в память, и как раз её-то мы и созерцаем в своем окружении. Как с внешней стороны, то есть объективно, можно увидеть пережитое человеком когда-то, так и в сиянии Солнца мы видим волеизъявление существа старого Солнца, проявлявшееся в те стародавние времена субъективно. А теперь это доступно нашему взору.

Поистине можно сказать: когда я вижу человека, сделавшегося в старости злопыхателем, брюзгой с острым язычком, то не подлежит сомнению, что передо мной вполне объективное явление внешнего мира. Но если вникнуть, то обнаружится, что душевное состояние этого человека объясняется многочисленными горестными переживаниями в период его детства — переживаниями совершенно субъективного порядка. Субъективное сделалось объективным.

Когда я изучаю современный процесс горообразования — например, возникновение альпийской системы, — мне приходится возвращаться в стародавние времена. И, если мне удастся проследить этот процесс вплоть до старого

Сатурна, я обнаруживаю определенное душевно-духовное переживание (в ту пору переживание совершенно субъективное), протекавшее тогда, а ныне закрепленное в физическом облике Земли. В те времена оно могло бы протекать и по-другому, могло случиться, что боги, переживавшие то или иное на душевно-духовном уровне, приняли бы другое решение; и тогда, естественно, современные Альпы получили бы другой вид. Однако представьте себе, что на старом Сатурне боги внутренне решили сотворить нечто определенное, затем они пронесли это через период старого Солнца и старой Луны; а затем, когда Луна трансформировалась в Землю, у них уже больше не было возможности «переиграть» свое решение. Это похоже на то, как упущенное нами в процессе обучения в восемнадцатилетнем возрасте бывает сложно наверстать позднее. Наверстать, конечно, можно, но при этом нарушается что-то, чего не приходится нарушать, когда все делается своевременно. Из этого следует, что в период старого Сатурна божественно-духовные существа еще вольны были принимать определенное решение, но позднее — уже к периоду старой Луны — они утратили свободную возможность провести грядущие альпийские горы иначе, не с запада на восток. Продуманное вами раньше накладывает определенные обязательства, и от них невозможно отмахнуться. Невозможно сделать бывшее небывшим, если хочешь оставаться беспристрастным. Конечно, люди могут попытаться вычеркнуть из жизни что-то, пережитое ими ранее субъективно и ставшее впоследствии объективным; однако объективно то, что проистекает из этого субъективного, оно не может быть вычеркнуто. Если я, к примеру, сам в юности был неряхой и не запрещал этого своему младшему товарищу, то это соответствовало моему тогдашнему субъективному состоянию. Позднее, через пару десятков лет, я мог, конечно, измениться в лучшую сторону, перестать быть неряхой, но это ничего не меняет в объективности того, что проистекло из моего тогдашнего субъективного состояния: я не сумел повлиять на своего младшего товарища и упустил возможность направить его к лучшему. Объективное, проистекающее из нашего субъективного, отмечено чертами необходимости; элемент

необходимости невозможно вычеркнуть. По мере того как субъективное переходит в объективное, в последнее прокрадывается и необходимость. И отрицать необходимость — значит отречься от чего-то существенного.

Если строго логически проследить с этой точки зрения образование понятий, то обнаружится внутренняя взаимосвязь между всем тем, что называют необходимым, и всем тем, что представляет собой прошлое, то есть взаимосвязь необходимости и прошлого. И во всех современных событиях просвечивает минувшее. Прошлое присутствует в настоящем. И мера необходимости пропорциональна объему прошлого в настоящем. Прошлое — это инерция жизни, вот зачем требуется прошлое. Выражаясь еще конкретнее: допущение того, что привычный закономерный ход событий может быть прерван вмешательством какого-нибудь чудесного происшествия, считается суеверием. А, собственно, почему? По законам необходимости должно происходить ровно то, что определено грузом прошлого, которое присутствует в событиях настоящего. И если бы боги пожелали по неведомым причинам нарушить внутреннюю закономерность явлений, это было бы ложным шагом, было бы чем-то непоследовательным, ведь им пришлось бы отвергнуть то, что они сами же учредили на заре времен. Последующие декларации мало что меняют в прошлых событиях — равным образом вряд ли удастся изменить груз прошлого, заключенный в вещах в виде необходимости. Только одно невозможно изменить в природе вещей — груз прошлого. Понятие необходимости должно быть неотделимо от понятия прошлого. Это в высшей степени важно. Во всех вещах, во всех существах присутствует груз прошлого, а стало быть, и необходимость. И мера необходимости в природе вещей пропорциональна грузу прошлого. Необходимость в природе вещей потому и нужна, что это возвращение прошлого: случившееся раз не может быть просто так отвергнуто. Образ зеркального отражения поможет вам представить, как нынешняя необходимость восходит к стародавним временам.

Когда в зеркале отражается бородавка на вашем лице,

вы не сможете удалить ее, воздействуя на зеркальное изображение. Сначала надо удалить ее с лица. Равным образом вы не можете ничего изменить в том, что сегодня выглядит необходимым, ибо это — реалии минувших времен. Все это уже произошло. Оно предстает перед нами только в своем последующем зеркальном отражении. Необходимость — это, собственно, уже случившееся, и мы имеем дело только с его последующим отражением в зеркале. И когда люди постигнут, что события, произошедшие на старой Луне, на старом Солнце и на старом Сатурне, а теперь отражающиеся в нас, представляют собой всего лишь зеркальное отображение давно минувшего, только тогда станет ясным, что такое необходимость.

Мы обнаруживаем мир наших понятий в обратной перспективе на старой Луне. Я не раз уже говорил, что, если хочешь понять нынешний окружающий мир, надо смотреть на «экран» старой Луны, ибо все это взаимосвязано. Неверно, что многое, кажущееся происходящим сейчас, в действительности сейчас и происходит. Оно происходит только в зеркале. А на самом деле оно произошло на ранних стадиях земного развития. Я говорил уже в прошлых лекциях: пустоголовых тупиц полно. Почему развелось так много пустоголовых? Да потому, что содержательный компонент событий уже давно разыгран и в наших головах присутствует только зеркальное отражение минувшего. И если не усвоить этого понятия зеркального отражения, мы, сталкиваясь с майей, то есть внешней видимостью, будем постоянно допускать одну детскую ошибку (а ей подвержены не только малые дети, но и все современное естествознание): дети видят зеркальное отражение и начинают искать его позади зеркала. Однако на той стороне зеркала изображение пропадает. Необходимость — это груз прошлого. Источник необходимости лежит в области прошлого, а способность прошлого отражаться в зеркале — причина присутствия необходимости в настоящем. Прошлое не поддается изменению.

Завтра мы постараемся на свой манер расколоть этот крепкий орешек. А затем перейдем к понятиям случайности и предвидения и увяжем их с понятием

необходимости.

5 лекция

30 августа 1915 г.

Мы видели, что необходимость неотделима от прошлого, иными словами, мера необходимости в мировых событиях пропорциональна грузу прошлого в них, ибо, как мы убедились, прошлое отражается в настоящем. Выходит, что мы как бы ищем подмоги в тех понятиях, которые стараемся уяснить себе, — оснащенные ими, мы можем тогда подступиться к духовно-научным истинам. Есть что-то фатальное в том, что люди подчас испытывают глубокую потребность в сокровенных духовно-научных истинах, и при этом избегают чеканных и строгих понятий, с помощью которых они могли бы придать энергию и силу своим мыслям и представлениям; а ведь это способно дисциплинировать наш дух и нашу душу. И если мы не страшимся усваивать такие чеканные строгие понятия и оставаться при этом внутренне честными, то и воспринимая собственно духовно-научные понятия, мы никогда не подвергнемся опасности.

Мне доводилось уже говорить о том, что в целом у многих преобладает страстное стремление к духовно-научным истинам, а вот стремление к усвоению четких, чеканных понятий отнюдь не доминирует. Еще на заре наших трудов в духовно-научной сфере кое-кто уже жаловался на то, что не может высидеть на моих лекциях, так как в предчувствии работы над понятиями впадает в своего рода сонное состояние! А отдельные особо чувствительные натуры доходили до того, что вынуждены бывали выходить из зала, когда я читал лекции в Берлине, а одна дама даже рухнула пластом прямо в фойе — такой сон сморил ее от одной мысли о том, что предстоит усваивать ясные понятия.

Однажды Гёте упрекнули в том, что своими понятиями о метаморфозе растений и животных, своими понятиями о цвете в связи с прафеноменами и так далее он только умножает число абстракций — «бледных», как и любые

другие, понятий. Поэтому в его «Изречениях мудрости Бакиса» (об этом мне уже доводилось говорить) встречается одно место, направленное против тех, кто робеет перед «бледными, вялыми» понятиями. Да и само это четверостишие совершенно неправильно интерпретировалось комментаторами «Изречений». Гёте подразумевает понятие, идею: Ты предстаешь мне безжизненной, вялой и бледной. Как же ты внутренней силой возносишься к жизни святой?

Гёте говорит это в ответ тем, кто неохотно воспринимает четкие понятия, кого от них клонит в сон, кто склонен внимать приятным словесам на расплывчатые мистические темы, предаваться различным грезам — только бы не думать. Такие люди говорят: «Ты предстаешь мне безжизненной, вялой и бледной...» — обращаясь к тому, кто намерен говорить в четко очерченных понятиях. А затем вопрошают его: «Как же ты внутренней силой возносишься к жизни святой?».

И Гёте отвечает:

Все предстоящее взору можешь вкушать без опаски;
Только Нехватка одна возвышает тебя над собой.

Сие означает: нехватка, — недостаточность того, что предстает нашему взору, то есть того, что предоставляет нам чувственный мир, — вот что возвышает нас над собой. Если ты не стремишься воспринимать в чеканной форме то, что подчас называют «бледными понятиями», — значит, ты сам мертв в этом мире. И нам самим нередко доводится усваивать острые как бритва понятия, дабы сбросить с нашей духовной науки мистико-готический налет.

Я начал разговор с понятия необходимости. И в первую очередь возникает вопрос: верно ли, что все те понятия, которые в обычной жизни мы столь часто увязываем с понятием необходимости, действительно относятся к ней? Большинство утверждает: необходимое должно произойти. Однако верно ли такое утверждение при всех обстоятельствах? Это положение — «необходимое должно произойти» — мне хотелось бы пояснить вам с помощью сравнения. Допустим, здесь протекает река (рисует на

доске), а здесь высится гора, и допустим, что там, наверху, истоки вот этого ручейка. Мы исследуем русло ручейка в связи с формой горы и приходим к заключению, что ручеек неизбежно впадает в реку. Это со всей необходимостью определяется структурой горы, поэтому тезис: «ручеек впадает в эту реку» — по сути, выражение абсолютной необходимости. Но предположим теперь, что нам дано расширить свой кругозор во времени и мы знаем, что в силу каких-то причин воды ручья искусственно пущены по другому руслу и теперь он протекает не так. Тем самым необходимость предотвращена, необходимое не произойдет. Сравнение, конечно, хромает, но в реальной жизни происходит именно так: существует необходимость, но необходимое не всегда происходит в действительности. Нам надо разделять произошедшее и необходимое. Это два совершенно разных понятия.

Теперь нам придется кое-что припомнить. Припомним сначала то, что мы установили вчера: прошлое воздействует на настоящее и находит в нем как бы зеркальное отображение. Однако припомним и другое, неотделимо связанное с образом зеркала. Мы уже часто описывали механизм человеческого познания во время обычного дневного бодрствования. Своей познающей частью человек, по сути дела, всегда находится вне собственного тела с его физиологическими функциями. Эта часть, как многократно уже говорилось, пребывает в объектах внешнего мира. И процесс человеческого познания базируется на том, что пережитое в предметах внешнего мира отражается телом человека. Схематически это можно изобразить так: если это наше тело (рисует на доске), то этой своей познающей частью мы пребываем вне тела, а тело только отражает пережитое нами во внешних объектах.

Предположим, что мы воспринимаем синий цвет — допустим, смотрим на какой-нибудь синий цветок, например цветок цикория. Но мы осознаем его только благодаря отражению в нашем глазу. Глаз — это часть нашего зеркального аппарата. Мы воспринимаем цветок цикория только после того, как он отразится в нашем глазу. Точно так же происходит переживание звука. Само по себе переживание звука нами не осознается: осознание

происходит только благодаря тому, что звук отражается в инструменте нашего слуха. Весь наш познавательный организм — это зеркальный аппарат. (Как раз это я пытался обосновать на философском уровне во время последнего Философского конгресса в Болонье).

Таким образом, процесс познания базируется на зеркальном отражении, происходящем в нашем организме, — отражении переживаемого нами. И, принимая это понятие зеркального отражения (будь то отражение прошлого в настоящем либо же отражение переживаемого нами в настоящем при помощи нашего познавательного аппарата), — мы должны иметь в виду следующее: то, что в качестве зеркального отображения добавляется с нашей стороны к какому-нибудь феномену внешнего мира или к какому-либо внешнему событию, в высшей степени безразлично для самих этих феноменов. К самому феномену или событию это не имеет непосредственно никакого отношения. Вы можете с полным успехом принять зеркальное отображение за автономную реальность, не вникая в механизм его происхождения. Выходит, что зеркальное отображение как бы добавляется к тому, что оно изображает, как бы накладывается на воспринятую картину. Это особенно относится к процессу нашего познания. Отображению совершенно безразлично, заняты ли мы в данный момент процессом познания, или нет.

Представьте себе, что вы прогуливаетесь где-то на природе. Вы уверены, что без вашего личного присутствия, то есть не будучи отраженным вашим персональным переживанием, ландшафт утратит свою красоту или вообще потерпит какой-либо ущерб? Для самого ландшафта ваше личное переживание — это нечто привходящее, для ландшафта оно в высшей степени безразлично. Однако безразлично ли это для вас самих? Нет, для вас это не так. Ибо благодаря тому, что сегодня при помощи вашего внутреннего зеркального аппарата вы соприкоснулись с данным ландшафтом и отраженное этим аппаратом сделалось вашим внутренним переживанием, ваша душа в какой-то мере изменилась. Самому ландшафту совершенно безразлично пережитое вами, а для вас это может означать начало определенного внутреннего

обогащения, которое в дальнейшем способно возрастать.

Однако что же это, собственно, означает? Если вы прогуливаетесь на природе, в определенных пределах: от сих и до сих (рисует на доске) — это внешнее, как бы побочное событие. Ландшафт отражается в вашем внутреннем мире. Он трансформируется в дальнейшее переживание в вашей душе. Каков же механизм возникновения того, что продолжает затем возрастать и созидать в вашей душе? Он таков, что к процессу, происходившему в вашей душе до сих пор, прибавляется нечто совершенно новое и рождается оно поистине из ничего. Ведь по сравнению с происходившим до сих пор зеркальное отражение — просто ничто, самое натуральное ничто. А это значит, что вы базируетесь на чем-то постороннем, на чем никак нельзя базироваться. Вот к чему вы приходите. Вам приходится на событие, отмеченное печатью необходимости, проецировать, накладывать нечто живое и полнокровное, не обусловленное ранее происшедшим. В противном случае вы бы сами тоже оказались ни при чем — ведь тогда бы все, что происходило до момента отражения, не могло бы вступить в ваше сознание.

Взвесив все это, вы можете уловить понятие случайности. Оно коренится как раз здесь. И здесь же вы можете одновременно усмотреть, что случайное вполне реально соприкасается с живым существом или, если угодно, с чем-то сущностным. Из этого вы можете заключить, что случайное в мире возможно. Иначе стало бы невозможным упомянутое обогащение души, которое происходит вышеописанным образом.

В такой подаче понятие случайности уже становится чем-то вполне полноценным. Это нечто присутствующее в мировом свершении, нечто свидетельствующее о том, что на базе процесса зеркального отражения в этом мировом свершении могут быть созданы новые отправные пункты. Если бы в мировом свершении можно было присоединять одно звено к другому в обход процесса отражения, стало бы абсолютно невозможным то, что подразумевается под понятием «случайность». Если бы этот ландшафт был бы, как нитями, связан с условиями вашей прогулки и при этом в вашей душе не возникало зеркального отображения

(результат равнодушия ландшафта к вашему присутствию), а наоборот, ландшафт навязывал бы вам свою картину, то господствовало бы одно только закономерно необходимое бытие. Но в таком случае вообще нигде ничего не существовало бы в настоящем времени, хотя это трудно представить. Ничего не существовало бы в настоящем времени! Что же из этого следует? Существа, неспособные на наложение такого зеркально-виртуального элемента, были бы бессильны продолжать развитие; они должны были бы отступить, податься назад (рисует на доске). Ибо для дьявола или привидений существует закон: выход для них должен в точности совпадать со входом. Это встречается уже в «Фаусте». Им не дано привносить новизну — им надлежит отправляться туда, откуда они пришли. Однако же, в частности, и свобода возможна только благодаря тому, что в мировое свершение привносится новизна:

Чертям и призракам запрещено
Наружу выходить иной дорогой,
Чем внутрь вошли; закон на это строгий.

Надо сказать, что, за редкими исключениями, в наших познаниях отсутствует идеальное зеркальное отражение — его искажают разного рода побочные импульсы. Наши познания, коренящиеся в прошлом, не представляют собой чистых понятий. Если мы усваиваем чистое понятие, нам более не требуется просто вспоминать, — само понятие может всегда быть построено заново. Оно становится привычкой, но это именно привычка, не ограниченная прошлым, и она способна постоянно отражаться заново в понятии. Понятия, которые мы строим сами, — это чисто зеркальные отражения. Через нас они подступают к феноменам внешнего мира как бы с другой стороны. Вот почему, если уж искать в понятиях движущий импульс, понятие может как раз послужить импульсом, побуждением к свободе. Как раз это я старался подробно изложить в моей «Философии свободы». Ведь в ней проводится именно эта идея.

Но понятие свободы необходимым образом содержит в себе понятие случайности. В этом духе надлежит нам

усваивать строгие понятия, ибо они имеют глубокое значение и для практической жизни. Приведу один пример — мы часто его обсуждали, но как раз сейчас на него можно взглянуть с особой точки зрения. Допустим, перед нами больной. Никогда нельзя рассматривать заболевание с точки зрения груза прошлого, то есть подчеркивать принцип необходимости, — заболевание всегда следует рассматривать с позиции настоящего времени. Это значит, что надо живо откликаться на данную актуальную ситуацию, — помогать по мере сил. Только в случае летального исхода уместно вообще обратиться к понятию необходимости и понять, что иначе не могло произойти. Это непосредственно соприкасается с практической стороной жизни. Мы должны строго придерживаться следующей позиции: прошлому — необходимость, настоящему — актуальность жизненной ситуации. Такой подход к понятиям является наиболее плодотворным, и приведенный пример учит нас подобающему обращению с понятиями.

О понятии случайности может быть сказано многое, и мы постараемся со временем это сделать. Сначала мне хотелось бы придать четкость и обоснованность этому понятию. Самое простое — это когда человек, что-то слышавший о карме, говорит: «Все кармически необходимо, все обусловлено кармой». Если кто-то здесь (рисует на доске) проделал одну инкарнацию, а затем, пройдя жизнь между смертью и новым рождением, воплотился снова, он может сказать: «Вот плоды предыдущей инкарнации». Однако совсем не обязательно занимать такую позицию в нынешней инкарнации — в этом просто нет никакой необходимости; мы ведь можем принять в расчет и третью, то есть будущую, инкарнацию (рисует на доске). Ведь может произойти многое такое, что относится к карме уже нынешней инкарнации — что-то впервые могло произойти как раз в ней; иными словами, актуальная ситуация — при помощи зеркального отображения — может непосредственно создавать свою собственную карму. Самое главное — это что механика зеркально-виртуального отражения (благодаря присутствию живого начала) способна порождать определенные реалии. Тем самым в процессе становления

случайное трансформируется в необходимое. Случайное в прошлом становится впоследствии необходимым.

Необыкновенно прекрасно это выразил Гёте в «Изречении мудреца». Это написано им в трудную минуту жизни. Чеканные слова его «Мудреца» обращены к становлению рода человеческого: «Весь разумный мир похож на огромного бессмертного индивида, безудержно творящего необходимое». Иными словами, «разумный мир» занят созиданием, а затем все это созданное поглощается прошлым и становится необходимым — «вот почему высокая необходимость властвует даже над низкой случайностью». Превосходная медитативная формула! И весьма поучительно, что Гёте написал это в трудную минуту, когда все его чувства, вся душевная жизнь были охвачены горечью и страданием, побудившими его всмотреться в становление человечества и задаться вопросом: как же происходит это становление? И тогда его душа познала, что разумный мир — все человеческое множество — созидает необходимое и благодаря этому властвует над случайным, то есть случайное всегда поглощается необходимым.

Попутно хотелось бы заметить: такого рода откровение — поистине превосходная медитативная формула, ибо в ней заложено нечто необыкновенно емкое, и оно вливается в нас, когда мы над ней медитируем. Абстрактного понимания этой формулы, осенившей Гёте на склоне лет под грузом навалившихся страданий 1828 года, не достаточно. В этой формуле заключено слишком много пережитого. И вот что мне хотелось бы отметить попутно: на познание всегда надо смотреть как на дарованную нам благодать. И как раз тому, кто черпает познания из духовного — из сверхчувственного мира, хорошо известно, что познанное только тогда идет ему во благо, когда он к этому готов, когда лично пережитое встречается с потоком, вливающимся в него из мира духовного. Именно в отношении сверхчувственного познания постоянно убеждаешься, что требуется готовность, а ее приходится ждать: ты далеко не всегда способен обрести определенные познания из духовного мира.

В связи с нашей проблематикой уместно будет коснуться следующей темы. Вы знаете, сколько иллюзий и

заблуждений бытует по поводу того, как плодотворно распространять свехчувственные познания. Сколько раз мне задавали — можно сказать, «с потолка» — вопрос о том и о сем, лежащий далеко за пределами интересов вопрошающего, с надеждой на ответ. Причем от меня ждут самых надежных и проверенных данных. Ибо господствует всеобщее убеждение, что исследователь высших миров знает все про эти миры и может в любой момент по желанию рассказать все, что попросят. И если нет особых оснований увильнуть от ответа, то чаще всего приходится довольствоваться стандартной отговоркой: для спрашивающего не обязательно знать ответ, он легко обойдется без него, или что-то в этом роде. Грубо говоря, между душой исследователя и свехчувственным миром происходит своеобразная «переписка», а это предполагает осознанную «готовность к истине» — вот что в первую очередь необходимо для непосредственного восприятия истин из духовного мира. Всяческие недоразумения на этот счет должны быть постепенно устранены. Разумеется, люди, пока еще далекие от сферы истин духовного мира, могут начинать спрашивать обо всем на свете. Им, конечно, можно отвечать по памяти, опираясь на запас уже исследованного в прошлом. Однако нельзя вот так с наскока вытягивать из духоиспытателя самые запредельные истины, надо понимать, что это словно резать по живому — заставлять его давать ответ из доселе не разведанной им области.

Все, что со стороны человека обращается к духовному миру, подчинено определенным закономерностям. И эти закономерности постепенно должны быть усвоены людьми во избежание недоразумений, касающихся вхождения духовных истин в физический мир. Только благодаря стремлению освободиться от всяческого эгоизма, от познавательных предпочтений и вкусовщины мы закладываем здоровые основания для нашего духовного движения в соответствии с нашими идеалами. Ведь определенным духовным истинам попросту надлежит прийти в современный мир. И не надо противодействовать им, прибегая к застарелому, отжившему свое консерватизму и замшелым обычаям, — ведь этого достаточно, чтобы угробить все новое. Чаще всего

духовные движения гибли из-за того, что люди не желали приспособить свой жизненный уклад и привычки к требованиям духовного мира, а наоборот, стремились протащить их в полной неприкосновенности к источнику духовных истин. Такое произошло, когда в XVIII веке было основано тайное общество, инспирированное духовным течением, влившимся в европейскую духовную жизнь благодаря Якобу Бёме. В наше время стало известно (и это установлено со всей достоверностью), что сначала в этом обществе состояло какое-то количество людей, а затем остался один-единственный участник — и то сам основатель общества! Со своей стороны, я не теряю надежды, что нас будет больше. Но в те времена при попытке основать закрытое общество дело обстояло именно так. Говорят, большинство участников и приверженцев этого течения со временем сделались весьма своеобразными личностями (не стану здесь пересказывать того, что говорилось об участниках этого тайного общества XVIII века)*.

* Вероятно, речь идет о тайном обществе, основанном Луи Клодом Сен-Мартеном.

Чем больше вживаешься в духовный мир (это относится и к усвоению Духовной Науки), тем сильнее бывает чувство приобщения к духовному миру. И если ты постигаешь окружающий мир при помощи отточенных, отшлифованных понятий, то тем самым подготавливаешь себя к правильному восхождению к высшим мирам. Если избегать остро очерченных понятий необходимости и случайности, нелегко будет возвыситься до понятия предвидения. Ибо, знаете ли, у окружающих нас духовных деятелей можно в этой связи многому поучиться. Ведь современная духовная культура во многом несет печать богооставленности — я уже пытался вам это продемонстрировать на примере цитат из Фрица Маутнера. Мне хотелось бы добавить еще один курьезнейший образчик из Маутнера, чтобы вы удостоверились, к чему приходит честный человек, который не просто признает в общем и целом достижения расхожей науки, повторяя вслед за ее приверженцами: «Есть только научное знание, теперь мы знаем такое, что и не снилось нашим примитивным предкам, и наконец-то мы стряхнули с себя

их невежество». Маутнер, честно принимая распространенный в наши дни взгляд на природу вещей, приходит в одной из отраслей знания к весьма примечательным выводам. Мне уже случалось говорить вам, что Фриц Маутнер переплюнул — «перекантовал» — самого Канта. Он написал не просто «Критику чистого разума», а «Критику языка». Во всем он отталкивается от слов. И он создал специальную терминологию, относящуюся к феномену перекочевывания слов из одной области языка в другую. Я намеренно привожу вам один ложный (но с точки зрения Маутнера, правильный) пример из его «Философского словаря». В области древнелатинской культуры существовало слово *veritas* — «истина». Согласно Маутнеру, слово *veritas* перекочевало в новую немецкую культуру, было попросту имплантировано в нее — так возникло немецкое слово *Wahrheit* (истина). Такой процесс Маутнер называет «имплантацией» и с предельной проницательностью и совестью прослеживает его во многих культурах. Он прослеживает перекочевывание слов и их «трансплантацию». Из всех сил он копает вглубь слов. Потребности созерцать «движущие силы и зародыши» он не испытывает, зато вглубь слов копает со всем усердием. Кроме того, он пытается сделать следующее. Допустим, какому-то народу свойствен определенный взгляд на вещи. Из всего этого Маутнер извлекает только слова, ибо, по его мнению, мышление заключается в манипуляции словами. И тогда он говорит, что у какого-то народа имеются определенные слова и мы можем обнаружить их у другого народа. Последний перенял их у первого, это своего рода пересадка, трансплантация слов. И Маутнер уже готов к следующему умозаключению. Мне надо привести вам пример, ибо он прекрасно иллюстрирует, к чему ведет своих приверженцев современный способ мышления. В высшей степени важно не упустить этого из виду. Итак, Маутнер прослеживает различные трансплантации слов, то есть изучает преобразование слов при переходе из одной области в другую, в частности, следующее: «Kaffee — слово-имплантант, так и оставшееся чужеродным немецкому языку; по крайней мере, оно не прижилось ни в правописании, ни в произношении. Английское *Patate* —

имплантант, заимствованный из какого-нибудь языка индейцев; Kartoffel — тоже пересаженное слово (нередко оно заменяется каким-нибудь незаконнорожденным словообразованием на основе описания вида и особенностей предмета, например „земляное яблоко” и тому подобное). Римляне переняли у греков обычай награждать победителя согопа — венком — во время спортивных соревнований или на пиру. Цветочные венки кое-где тоже охотно употреблялись. Однако только во времена Ренессанса вновь стали применяться существительные и глаголы — были „поэтические короны” и „коронованные поэты”, причем слово „корона”, как и на латыни, означало „венок”. Даже набор растений, типичный для Греции — по крайней мере, в исторические времена, — импортировался и на деле, и на лингвистическом уровне. Lorbeer — лавр — (по-английски все-таки laurus, а не Beere; bassalaureus, в свою очередь, в символическом смысле относился к определенному титулу, к Bassalaureat, — bachelier по-французски, — чтобы в английском bachelor опять-таки обрести новое значение), по забавному определению Шпайделя, — это „овощ славы”; и коронованных поэтов — от Петрарки до Теинисона — величали poeta laureatus. В силу своей дешевизны лавр не нуждался в замене. Мирт, который где-то на Востоке — из-за небрежного наблюдения или еще более сомнительной народной этимологии — сделался символом сексуальных отношений, а затем вдруг и символом непорочности, в Германии скорее воспринимался как овощ, нежели как цветок, и вот наши немецкие невесты носят миртовый венок или корону из настоящих листьев и ложных цветов. У нас общепринято на Пасху заменять пальмовые ветви единственным распускающимся в это время года растением — вербой; и поскольку слово „пальма”, означающее вполне натуральное для Востока растительное украшение, стало эпитетом в таких словосочетаниях, обозначающих именно этот праздник как Пальмовое воскресенье, Пальмовая неделя и тому подобное, то и подменяющие ее распутившиеся ветки вербы стали величать пальмовыми ветвями».

Как видите, Маутнер прослеживает трансплантации слов от области, заселенной одним народом, к области,

заселенной другим. К этому он присовокупляет следующее: «Переход христианства к западным народностям — неисчерпаемый клад подобной реальных имплантаций, в том числе и на вербальном уровне. При желании можно и в этой книге найти материалы касательно блуждающих реалий христианского культа и христианских идей (сравни статью „Христианство“»).

Что ж, открываем статью «Христианство» и там находим прелестный пассаж: «Мне не хотелось бы здесь ничего дальше говорить и доказывать насчет того, во что под влиянием германских и германороманских народов превратилось христианство, продолжающее до сих пор главенствовать в западной культуре своими формами, словами и взглядами, кроме одного: все христианство — невиданная за всю историю трансплантация слов или, вернее, набор имплантаций».

Итак, что же такое христианство, согласно Маутнеру? Сумма имплантированных слов! Это надо понимать так: там, где возникло христианство, имели хождение определенные слова. И если мы теперь перенесемся в Европу, нам надлежит искать определенные слова-имплантанты! Эти-то слова, и ничто другое, и составляют христианство, утверждает Маутнер. Если бы по воле случая был перенят другой набор слов, наша культура приняла бы совершенно другое направление. Главное, что это служит предпосылкой тех честных выводов, к которым приходит современная наука. Это вполне честные и добросовестные выводы, и тот, кто их не делает, попросту не столь честен, как Фриц Маутнер. Как раз тот, кто разделяет позицию современной науки, должен сказать: «Для меня все христианство — не что иное, как набор „имплантированных слов!“ Можно элементарно возразить, что Маутнер доказал всего лишь генезис слова «kaffee» в нашем языке — отнюдь не учитывая, откуда вообще появился кофе в Европе. Так что можно спросить: а как этот набор слов-имплантантов, именуемый христианством, перекочевал в Европу? Об этом ему вообще нечего сказать. Нет смысла продолжать полемику, достаточно сознавать: если придерживаться современного научного направления мысли, так ничего и не узнаешь об интересующем тебя

предмете. Сам же отрезаешь себя от этого предмета. Так-то вот.

Нимало не удивляет, что такой человек, являющийся, помимо сказанного мною о нем, вдобавок еще и высокообразованным, и просвещенным, говорит следующее: «Я не захожу так далеко, как Уильям Джемс, который считает невозможным какое бы то ни было улучшение памяти; нет препятствий для искусственного увеличения работоспособности и памяти по образцу укрепления мускулатуры при помощи физической нагрузки. В любом случае школьная педагогика, стремящаяся бессмысленными упражнениями улучшить память школьников, базируется на устарелой ассоциативной психологии, сторонники которой считают, что сила памяти влияет на жизнь представлений так же, как энергия одного тела может воздействовать на другое. Однако, если память не представляет собой чего-то автономного и независимого от ее активных проявлений (так же, как душа не признается чем-то отдельным от душевных переживаний и независимым от них), то отсутствует сам объект, подлежащий укреплению. Железная воля, противодействующая забыванию нужной информации (а без напряжения воли тут не обойтись), — это уже проблема человеческого характера, и в этом смысле память столь же мало поддается изменению, как сам характер данного индивида. Но даже оставляя все это в стороне, следует заметить, что бессмысленные упражнения, предлагаемые нашим школьникам, столь же бесполезны, как бесцельное наращивание мускулатуры ради воображаемых нужд. Кто в юности не научился ничему, кроме умения ходить на руках, тому впоследствии не останется ничего другого, как работать в цирке».

Он хочет сказать, что школьная муштра понуждает наших детей неправильно использовать мозги, как бывает, когда учат только ходить на руках, то есть тому, чего не потребуются в жизни. Но кроме того, чтобы правильно указать на это, ему нечего поставить на это место. Я уже имел случай пояснить вам, насколько и в этом отношении важно то, чего мы добиваемся при помощи эвритмии. Между тем Маутнер продолжает: «Ходить на руках вниз головой — вот первоочередное упражнение для наших

школьников. А ведь заучивание библейских изречений (в начальной школе), зубрежка названий всех притоков какой-то чужеземной реки (в средней школе), разные таблицы и профессиональные сведения из справочных пособий (в университете) как раз и являются теми мнемоническими упражнениями, которые гарантируют подобающую силу моей памяти. Во время госэкзамена по истории права от меня требовалось (и ведь пришлось!) перечислить 13 привилегий кардинала, положенных ему в силу его иерархического ранга, а также особые привилегии монахинь данного конкретного монастыря.

Школа должна ограничиться выработкой характера учащегося, привить ему трудолюбие и умение кратчайшим, экономным и наиболее плодотворным путем выбирать нужное в море информации». И теперь следовало бы ожидать, что автор предложит что-то вместо сложившегося положения вещей! Неблагополучие современной духовной культуры — вот что предстает взору человека, более чем образованного. И ждешь, что он что-то предложит взамен. Но статья не приходит ни к каким выводам! Автору так и не удалось поймать себя за собственную косу. И почти в каждой статье этого «Словаря» автор гонится за собственной косой и никак не может ее ухватить.

Когда вникаешь в суть и доводишь до ума смысл понятий необходимости и случайности, когда пытаешься рассматривать человеческий мир как «бессмертного индивида», вечно творящего необходимое — источник власти над случайным, — и намереваешься увязать это с понятием, которое должно наличествовать, если хочешь уразуметь, каким образом духовный мир вливается в душу человека, то постепенно приближаешься к тому, что возвышается над необходимостью и случайностью, — к понятию предвидения. Подступая к понятию предвидения, обретаешь его уже в окружающем мире. Я часто обращал ваше внимание на то, что простое созерцание мира еще ничего не говорит нам о движущих силах этого мира. Полезно было бы для правильной настройки на вышесказанное не уходить по примеру Маутнера вглубь слов, а обратиться к Гению языка, стоящему за словами. Да и у самого Маутнера найдется для этого немало

поводов. Ибо тот, кто способен видеть деятельную активность Гения языка, может заметить у того же Маутнера огромные промахи, несмотря на все необычайное прилежание и старание. Уже Гений языка подводит нас к вживанию в царство чувств, возносящих нас над необходимостью и случайностью. Ибо, когда мы говорим, вокруг нас и при нашем участии происходит многое, о чем мы даже не догадываемся, потому что не можем этого осознать. А это и есть духовный мир, который нас деятельно окружает. И когда мы говорим (это, разумеется, всего лишь частный случай), в этот миг глаголют также духовные миры. И нам надо попытаться убедиться в этом самостоятельно.

Попытаемся сделать для этого что-то совсем предварительное и элементарное. Мы увязали прошлое с необходимостью, а настоящее в непосредственную жизнь — со случайностью. Ибо, если бы во всем господствовала необходимость, не могло бы возникнуть ничего нового, то есть не могло быть никакого жизненного развития. Значит, нас с нашей отдельной жизнью, вписанной в становление мира, со всех сторон объемлет необходимость, то есть отражение прошлого, а вместе с ней также и то, что называется случайностью, — жизнь настоящего. Одно проникает в другое. Перед нами как бы два потока: жизнь настоящего, которую только и называют случайностью, и некий глубинный поток — отражение прошлого, необходимость. То, что принято считать истинным на физическом плане, может быть, в сущности, соотнесено (если под истинным понимать соответствие уже существующему) исключительно с прошлым, то есть отнесено к области необходимого. Истинным должно быть минувшее, необходимое; а то, чем является живое становление, мы должны постоянно творить сами. Мы должны жить внутри создаваемого нами. И как раз тогда мы можем выходить за пределы необходимого, можем усваивать живые понятия, соответствующие живому и актуальному окружению. В этом случае мы можем не просто созерцать извне то, чему соответствуют понятия, а можем жить в самих этих понятиях. Вот почему мы, погружаясь своей жизнью в поток жизненного становления, можем уберечь прошлое, несомое этим

потоком, и превратить прошлое (в его отражении в нас) в настоящее. Мы можем трансформировать прошлое в самое актуальное настоящее.

Одна из человеческих добродетелей может состоять в том, чтобы вдохнуть жизнь в прошлое — в эту окаменевшую необходимость, — то есть пустить в ход зеркальное отражение, сохранившееся внутри человека, и тем самым продолжить существование прошлого. Какая же из добродетелей дарует прошлому дальнейшую жизнь? Верность (Treue). В жизни верность — это добродетель, связанная с прошлым, а любовь — добродетель, связанная настоящим, с текущей жизнью. И тут мы подходим к тому, что я собирался сказать относительно Гения речи и необходимости самостоятельного исследования. Видите ли, в немецком языке существует отзвук прошлого, то есть необходимости, и это обычное слово Wahrheit (истина). Ибо слово Wahrheit совершенно не связано с латинским veritas, а связано с глаголом Bewahren (хранить), с тем, что bewahrt (хранится), что надо wahrt (беречь), с тем, что продолжается, что приходит из прошлого. В английском языке также присутствует осязаемый отзвук того, что в немецком языке понимается под словом Treue (верность), а это связано, в свою очередь, с wahr (верное): это английское true*. Это следы деятельности Гения речи. И они сохранились в словоупотреблении немецкого языка. Когда хотят удостовериться, что кто-то сказал правду и ему можно доверять (т.е. приняты во внимание обе стороны феномена — объективная и субъективная), до сих пор еще вместо «с верой и правдой» говорят «с верностью и верой». Такова деятельность Гения речи, который мудрее любой человеческой.

* Ср. в русском языке: «верность» — «верное» (правильное, истинное).

И когда от верности через любовь восходят к тому, что зовется благодатью (я говорил уже об этом) — к тому, чего следует дожидаться, — то приходят к понятию предвидения, т.е. вступают в мир, где царит предвидение. Фриц Маутнер, анализируя слово «предвидение», ищет происхождение этого имплантата, его связь с «видением», с «увиденным до времени» и так далее. Но стремящийся к чему-то реальному станет искать

указанный нами мир, где нет ни необходимости, ни случайности, но царит соединение той и другой. И это мир, в котором вообще не существует прошлого в принятом смысле слова.

Я многократно говорил: когда взираешь в духовный мир, когда обзираешь прошлое, оно в тот миг как бы застывает. Оно все еще продолжает существовать. Время становится пространством. Прошлое перестает быть чем-то миновавшим. И понятие необходимости утрачивает свой смысл. Существует не прошлое, настоящее и будущее, а одно непрерывно продолжающееся. Люцифер — по крайней мере, во времена старой Луны — застыл на месте, как застывает тот, кто сопровождал кого-то и остался стоять, тогда как первый продолжает идти; допустим, второй поранил ногу, и ему лучше не двигаться. И как оставшийся уже не имеет отношения к месту прибытия первого, так и Люцифер напрямую не связан с нашим земным бытием. Он как бы застыл на ступени старой Луны. Там он и остается до сих пор. В отношении духовного мира невозможно говорить о прошлом — только о непрерывно пребывающем. Люцифер таков, каким он был тогда. И, взирая в духовный мир, мы видим, как меняются все представления о необходимом и случайном — там царит одно предвидение.

Мне хотелось для начала несколько очертить ту область, где нам предстоит искать то, что обозначается понятиями необходимости, случайности и предвидения. Это только самое начало. И после этого обсуждения разных побочных обстоятельств мы снова вернемся к нашему предмету, о котором предварительно следует сказать то, что отдельным «мистически» настроенным натурам может показаться излишним в рамках нашего движения, а мне представляется весьма нужным, ибо я убежден, что и настоящим мистикам не вредно время от времени воздавать должное мышлению.

6 лекция

4 сентября 1915 г.

Если вернуться к появлению «блаженных младенцев»

в заключительной сцене «Фауста» Гёте, вспоминаются следующие строчки:

Вы, родившись в полночь,
вскоре Взяты маленькими в рай,
Для родителей на горе,
К радости крылатых стай.

Я обращал ваше внимание на множество неисчерпаемых глубин, содержащихся в этой заключительной сцене «Фауста». И они превышают все сказанное мною тогда (если вообще возможно что-либо успеть подробно проанализировать в столь ограниченный промежуток времени)*.

* См. лекции от 14,15 и 16/08/1915 г. в GA 272 («Духовно-научные комментарии к „Фаусту“ Гёте»).

Приведенное четверостишие станет как бы лейтмотивом углубленных духовно-научных рассматриваний, намеченных нами на сегодня, завтра и на понедельник.

Сегодня мне хотелось бы предварительно обратить ваше внимание на то, как можно в сугубо духовно-научном смысле углубить уже сказанное мною о характере сна и бодрствования и других вещах. Я говорил о том, что надо постоянно пытаться рассматривать мировые явления под правильным углом зрения (и к этому особенно предрасположена Духовная Наука, можно сказать, по всему своему «складу»), Я также обращал ваше внимание на то, что эта правильная точка зрения может быть найдена, только если ищешь ее по образцу того, как мы исследовали смену состояний сна и бодрствования. Мы тогда пытались понять разницу в работе сознания в случае сна и в случае бодрствования. Но нам может открыться и многое другое, если исследовать механизм работы сознания — будь то человеческое сознание, либо сознание других существ. В частности, ведь и гётевское четверостишие:

Вы, родившись в полночь, вскоре
Взяты маленькими в рай,
Для родителей на горе,
К радости крылатых стай,

— указывает на состояние сознания, изначально человеческой природы, в котором пребывали души из числа «рожденных в полночь», «родителям на горе», то есть умершие сразу после рождения. Но при этом подчеркивается: «к радости крылатых стай», то есть эти души — находка для ангелов. Последнее станет нам понятным, если проникнуть в состояние сознания тех существ, которых причисляют к ангелам, к *Angeloì*. Однако чтобы сделать понятнее то, что может привести нас к более основательному постижению духовного мира, необходимо усвоить несколько предварительных представлений.

Вы знаете из различных духовно-научных рассматриваний, насколько реальность далеко отстоит от того, что в обычной жизни называется познанием, поиском истины, насколько реальность оторвана от мира представлений, которыми мы располагаем на физическом плане. Многие даже испытывают радостное удовлетворение от того, что познание — мир представлений, которые мы составляем на физическом плане, — ничего не прибавляет к действительности. Признак «верности» (адекватности) процесса познания они усматривают в «неприкрашенной истине» — в том, чтобы не приносить в объекты познания вызываемые ими душевные переживания. Оцените только, с какой тщательностью современная наука следит за тем, чтобы душевный элемент не проник в исследование мира явлений: все должно быть строгим отображением происходящего вовне. Оцените также, как те, кто стремятся слепить мировоззрение из разных химер, стараются показать, что источником их фантазмагорий служат не они сами, а что все продиктовано какой-то реальной внешней инстанцией. Ссылаются на источники «оккультных познаний» той или иной значимости, от лица которых вещает эта публика. По сути, те, кто стремятся к оккультным познаниям здесь, на физическом плане, озабочены только тем, чтобы избежать самостоятельных усилий, направленных на развитие собственных представлений. Как они гордятся возможностью возвестить: мне явилось то или иное существо, то или иное

было мне «продиктовано», то или иное непостижимым образом было вложено в мое духовное ухо! Они довольны: они чувствуют, что к их представлениям не примешано никакой отсебятины, — все сплошная копия реальности. Для этой публики «верность» познания все равно что пятое колесо в телеге. Познание не должно иметь ничего общего с существующими реалиями, тогда оно признается особенно верным, особенно правильным.

Однако правильное представление о соотношении познания и действительности можно приобрести только тогда, когда от обычного познания физического мира восходишь к высшим видам познания. Вам известно, что ближайшей ступенью высшего познания является познание имагинативное. Но только его не следует приобретать, находясь внутри физического тела, иначе рискуешь утратить какую-либо связь с реальностью. Приобретение подлинного имагинативного познания предполагает тотальную обособленность от физического тела. В поисках имагинативного познания в качестве инструмента используется уже тело эфирное. Чтобы имагинации представляли для нас что-то осязательно-предметное и присутствовали реально, необходимо на ступени имагинативного познания использовать наше эфирное тело, как мы используем тело физическое в целях восприятия на физическом плане. И когда на пути ясновидческого познания мы продвинулись настолько, что как бы вырвали свое душевное начало из пут физического тела и в качестве инструмента познания используем тело эфирное, тут-то и обнаруживается, что наше представление о познании в физическом мире, наша принципиальная установка на то, чтобы ничего не привносить от себя в исследуемый объект, — все это должно остаться на физическом плане. К примеру, все то, к чему стремится современная наука, должно остаться позади, должно быть сброшено как балласт на физическом плане, когда оставляешь его, чтобы подняться в мир имагинаций. Ничего из представлений современного естествоиспытателя или натурфилософа о мире взаимодействующих атомов не уцелеет (я не раз уже говорил, что это искусственная картина мира, не имеющая ничего общего с подлинной действительностью). Вся

сложившаяся картина мира в корне разрушается: покидая физический план, убеждаешься, что отброшенные представления о мире взаимодействующих атомов были химерой. Равным образом ничего из познанного на физическом плане невозможно напрямую перенести в достигнутый мир имагинаций. Запомните хорошенько: напрямую непригодно ровным счетом ничего. В дальнейшем мы еще внесем коррективы в описание положения дел, но к этому надо продвигаться постепенно.

На предыдущих лекциях я вам уже говорил, что духовная сила, лежащая в основе мышления, претерпевает трансформацию, когда ясновидческое познание высвобождается из пут физического тела как инструмента познания. Мышление как бы становится чем-то живым, мы как бы покидаем мир пассивного мышления, свойственного нам на физическом плане, мышление обретает признаки самостоятельной жизни; когда мы пребываем в имагинативном мире, складывается впечатление, что все начинает, если можно так выразиться, как бы «копошиться». Однажды я уже приводил несколько утрированное сравнение (в первый раз в Мюнхене): вступая в мир имагинаций, испытываешь чувство, будто мышление, которое ты привык до сих пор воспринимать как совершенно пассивную деятельность, командуя своими мыслями и направляя их туда-сюда, преображается так, будто ты сунул голову в муравейник или осиное гнездо: мысли обретают самостоятельное существование, жужжат и копошатся, и каждая живет собственной жизнью! И это надо уметь выдержать, не утратить независимости, когда тебя вытесняет самостоятельная жизнь твоих мыслей.

Постепенно тебе открывается, что познания, приобретенные тобой на физическом плане, представления, являющиеся всего лишь слепком с внешней действительности, стекают с тебя наподобие дождя, наподобие капель воды, возвращающихся на Землю, и ни одна из них не проникает в имагинативный мир. Все эти познания, все эти представления отпадают — они остаются позади, в физическом мире. И оставшееся в физическом мире предстает нам лишь как воспоминание.

Итак, В цикле лекций «Тайны порога» (GA 147, 3 лекц.). можно оглядываться на все, приобретенное силой мысли и оставленное в физическом мире, но это именно оставшееся позади. Это нечто уже сложившееся — оно уже не в нашей власти, у нас нет сил его изменить. Схематически это выглядит так: Здесь представлено физическое тело, а человек выступает за его пределы; и тогда он видит, как его физическое познание каплями стекает с него в физический мир. Стало быть, физическое познание остаётся там, вовне. Это в высшей степени занятно и любопытно. Значит, когда мы проникаем в близлежащий — имагинативный — духовный мир, наши мысли как бы стекают с нас дождем, и мы видим: мысле-формы становятся существами, поначалу производящими странное впечатление, если действительно видишь их. Когда видишь стекающие с нас мысли, сразу же создается впечатление: это нечто оторванное от тебя, нечто имеющее значение только для физического плана. В высшей мере трудно составить себе точное представление о том, что отрывается, что стекает с тебя долу, когда ты восходишь в высшие миры. Тут правильному познанию может помочь только подходящее сравнение, и ничто другое. Сначала надо попытаться найти какую-то аналогию этим мыслям, стекающим на физический план дождевыми потоками. Эти мысли становятся чем-то в высшей степени живым, живоносным, и самое забавное — эти мысли, которые ты видишь оставшимися на физическом плане, выделывают разные танцевальные движения, они форменным образом заняты своеобразной эвритмией. Вряд ли удастся их застать в полном покое и неподвижности. Повторяю, они заняты своеобразной эвритмией. Это, конечно, не та эвритмия, которой занимаемся мы. Однако это своего рода упорядоченные движения. Этим мыслям присуще нечто в высшей мере своеобразное: отрываясь от нас, они начинают жить собственной жизнью. И вот эта их самостоятельная внутренняя жизнь и превращает их в деле самопознания в ценных помощников в глазах того, кто ради поднялся на первую ступень подлинного ясновидения.

Когда вам случается в реальной жизни сморозить какую-нибудь глупость, ляпнуть какую-то несусветную

чушь, вы стараетесь поскорее отделаться от нее, если понимаете, что попали впросак. Большинство предпочитает увернуться от собственных глупостей. Они высмеивают свою сорвавшуюся с языка глупость, и чем больше глупость, тем сильнее поднимают ее на смех. Аналогичным образом обстоит дело и с оставшимися позади мыслями: те начинают проявлять признаки самостоятельной жизни, они кривляются перед нами и корчат рожицы, и мы убеждаемся, что невозможно даже сморозить глупость без того, чтобы она каким-то образом не увековечилась. Говоря об этих своеобразных мысле-формах, начинающих жить самостоятельной жизнью, мы не сможем обойтись без сравнения. И мы тут же нащупаем его, как только сможем описанным образом взглянуть на свои собственные мысле-формы. Если у нас получится это, значит, мы способны и на другое, о чем мне хотелось бы сказать. Для сравнения нам потребуется обратиться к обширному миру гномов, к вездесущему роду-племени гномов, властвующему над всей внешней природой Земли. Весь этот мир гномов, ареной которого служит неорганическая природа нашей планеты (так же, как ареной других элементарных существ являются стихия воды и растения, огня и воздуха), имеет по своему внутреннему существу тот же характер, что и эти мысле-формы. Можно сказать, что гномы относятся к тому же разряду явлений, что и наши мысле-формы. Только наши мысле-формы передают представления, относящиеся к физическому плану.

Итак, теперь мы знаем, что с чем сравнивать. Между нашими приобретенными на физическом плане мыслями и миром гномов имеется внутреннее сродство. Но мир гномов имеет известное сродство и с нашим отношением к познанию физического мира. Ведь я уже говорил, что люди стремятся к «верному» восприятию мира, к описательной науке, а само познание для них все равно что пятое колесо в телеге.

Аналогичным образом относятся и гномы к тому миру, в котором пребывают. Поистине, когда разговариваешь с гномом (разумеется, это не более чем фигуральное выражение, но оно вполне приемлемо, ибо отражает суть дела), тебе передается та глубочайшая грусть, с которой

гном взирает на свой мир. Ибо он, гном, имеет мало что общего с собственным окружающим миром. Он оказывает на этот мир не больше влияния, чем люди с их внешними познаниями влияют на окружающий физический мир. Окружающему нас физическому миру совершенно безразлично, что мы думаем о нем, используя наше выработанное на физическом плане мышление. Дерево не станет расти ни быстрее, ни медленнее от того, что мы о нем размышляем в пределах наших познаний физического плана, либо же просто проходим мимо него, ни о чем не думая. Только мы сами что-то приобретаем от наших размышлений о дереве. А самому дереву наши помыслы совершенно безразличны.

Сходным образом и племя гномов относится к миру, к которому внешне принадлежат. Хотелось бы подчеркнуть: мир гномов относится как раз к тому, что мы называем земным, то есть к твердому; однако, рассматривая мир твердого, можно не принимать во внимание мир гномов так же, как, изучая устройство часового механизма, можно упустить из виду самого часовщика, создавшего этот механизм. Важно правильно понять это сравнение мироустройства с часовым механизмом. Когда сегодня хочешь понять устройство часового механизма, руководствуешься принципами механики, и было бы бессмысленно утверждать, что стрелками движут скрытые в них маленькие демоны. Там нет таких демонов. Но если бы кто-то захотел утверждать, что не было никакого часовщика, придумавшего часовой механизм, поскольку принципы его работы можно напрямую извлечь из его устройства, это было бы настоящей глупостью. Равным образом возможность постигать мир без привлечения внеположных ему категорий, базируясь исключительно на открытых наукой законах природы, еще не доказывает отсутствия духовной подосновы мироздания. Ведь и в часовом механизме действуют законы, автономно управляющие его работой. Поэтому утверждать, что природой заправляют одни только природные закономерности, а значит, Божественного присутствия в мире не требуется, так же бессмысленно, как отрицать творца часового механизма на основании того, что работу часов можно объяснить, изучив их внутреннее устройство.

Гномам нечего делать в непроницаемо замкнутом причинно-следственном мире. Иначе они сами уподобятся пятому колесу в телеге. Они представляют собой что-то вроде эскорта окружающего их мира, но деятельного участия в нем не принимают. Я попросил бы вас не упускать из виду внутреннее сродство мира гномов с нашим миром физических представлений и идей, тогда вы обнаружите, что мир гномов начинает приоткрываться, когда рассматриваешь определенное состояние сознания. Тогда надо задать вопрос: как мы узнаем о физическом мире? Ответ таков: мы узнаем о нем, создавая себе его зеркальное отражение. И как зеркальное отражение существует автономно от отраженного предмета, так и наше физическое познание оторвано от своего источника. Оно ничего не созидает в физической плоскости. Если положение дел, связанных с физическим познанием, когда зеркальное отражение приоритетно по сравнению с самим предметом (надо только как следует это осознать), принять за отдельное состояние сознания, то начинаешь постигать настроение, распространенное в мире гномов. Таков их душевный настрой. Гномы не могут взять в толк, как можно иначе взаимодействовать с миром, кроме как по возможности избегая этого взаимодействия.

Когда человек, нормально реагирующий на чужую боль и страдание при том или ином событии на физическом плане, становится ясновидящим и может воспринимать мир гномов, ему открывается, что гномы не постигают собственного страдания. Они понимают, что можно пребывать в своего рода беспредметном состоянии скорби, в некоторого рода депрессивном состоянии, но для них непостижимо, что можно зависеть от физического бытия, этого они не могут взять в толк, они смеются над этим. Можно сказать: многое из того, что нам представляется ценным на физическом плане, мы сразу же перестаем ценить, как только соприкасаемся с миром гномов, — они попросту гомерическим хохотом отзываются на наши физические ценности!

Итак, душевное состояние гномов становится понятным, когда постигаешь наше физическое состояние сознания с присущей ему прямой зависимостью между познавательными представлениями о мире и самим миром,

который они отображают. Иначе обстоит дело с теми элементарными существами, которые пребывают во внутренней связи с элементом воды, а не земли, — с элементом текучей консистенции; их можно называть ундинами или как-либо еще. Ведь и цветок невозможно постигнуть, просто глядя на него со стороны и создавая в душе его отображение, — это может быть искусственный цветок, а не настоящий; реальный образ цветка может отсутствовать. Ровно так обстоит дело и с названными существами. Настоящий образ растения получаешь, если знаешь, что сначала оно было корнем, потом пустило росток, потом стебель, потом листья и бутон, затем бутон увядает, растение приносит плоды и так далее. В своем прекрасном стихотворении о метаморфозе растений Гёте говорит, что растение надо рассматривать в становлении. Но в самом растении также присутствуют и элементарные существа, в нем живут подвижные элементарные духи, внутренне родственные самостийно восходящему и нисходящему кругообороту воды.

Надо знать, что имагинативный мир, в который мы вживаемся, оторвавшись от мира физического, внутренне настолько подвижен, что сопоставим с вечно изменчивым миром облаков, где все течет и изменяется. Самому имагинативному миру присуще нечто переменчивое и текучее. Стало быть, когда на первом подступе к духовному миру ты противопоставлен собственным физическим мыслям и созерцаешь их со стороны, а если повезет, то и противостоишь при этом элементарному миру гномов, — именно тогда ты живешь и внутри мира высоких элементарных существ, как капля воды в океане (ведь капля — тоже частица воды и принадлежит всему массиву вод); так и ты живешь внутри целого.

Само собой разумеется, трудно описать существующее положение вещей, однако и в этом случае вам придется потрудиться и проникнуть в вышеописанное состояние сознания. Тогда вам станет ясно, что все наше мышление при этом начинает становиться живым, нас влекут мысли, ставшие живыми, как если бы наши теперешние мысли (они же — имагинации) стали жить собственной самостоятельной жизнью. Вот здесь остаются наши прежние, чисто физические мысли. Покинутый мир! И

тогда мы можем сказать: в том мире, в котором пребывают оставленные нами мысли, живут также и гномы. Но сами мы теперь живем внутри мира ундин, они пребывают в том же самом элементе, внутри которого сейчас находимся мы сами.

Рассмотрим происходящее более подробно: мы выходим из нашего физического тела, покидаем его и начинаем вести внутренне подвижное существование, как бы вздымаясь и опускаясь на волнах океана. Все становится внутренне живым, раз мы ощущаем себя в своем эфирном теле. Примерно так же — только в другом масштабе — чувствует себя в своем эфирном теле умерший непосредственно после наступления смерти.

Такое переживание имагинативного мира всего лишь высшая ступень того, что изначально было пережито человеком на старой Луне. Но только тогда он переживал сновидческий имагинативный мир, мир сновидческих образов. А на Юпитере он будет переживать мир образов со всей полнотой сознания. И к этому движешься, когда описанным образом оставляешь физическое тело: меркнет мир внешних восприятий, глаза перестают видеть, а уши слышать. Эмоциональный мир тоже умолкает. Мысли, относящиеся к миру внешних чувств, отодвигаются в сторону; человек как бы произносит: «Я передаю мои физические мысли вам, гномам, в расчете на вашу дружескую поддержку. Займитесь до времени моими физическими мыслями!» А взамен наступает активная внутренняя жизнь, сопереживание всего, что волнообразно вздымается и опускается на Земле, как это присуще существующей текучей стихии воды; это земное переживание, но одновременно и реликт времен старой Луны. Начинается нечто весьма примечательное: наряду с пониманием того, что человек живет в мире элементарных существ, связанных с растительным миром и текучей стихией воды, мы узнаем и нечто особенное, весьма своеобразное. Мы узнаем, что подчинены определенному ритму и этот ритм связан с внутренним ритмом Земли, но одновременно и с ритмом дыхания самого человека. И человек начинает сознавать, что ритм нашего дыхания имеет внутреннее сродство с определенным ритмическим процессом нашей планеты. Короче говоря, человек

начинает замечать, что становится составной частью всего организма Земли и реально ощущает свою принадлежность к нему. Человек как бы вписан в организм Земли.

Как говорил Гёте Эккерману 11/04/1827г.: «Земля с ее атмосферой представляется мне огромным живым существом, явленным нам в своем извечном вдохе и выдохе». А человек ощущает себя как бы внутри этого процесса вдоха-выдоха, он вступает в своеобразный симбиоз с планетарным существом.

Мне хотелось бы указать на одно важное обстоятельство, которое лишней раз покажет вам на примере выдающихся личностей, что духовная наука способна весьма плодотворно освещать научные данные; все прекрасно согласуется с этими данными. Я напому вам, как однажды Архимед, древнегреческий философ, купаясь в ванне, произнес свою всемирно известную фразу: «Эврика! Я открыл!» Что же такое он открыл? Находясь в ванне, он высунул ногу из воды, а затем снова опустил в воду и тогда заметил: нога, погруженная в воду, кажется более легкой, чем когда она находится вне воды. И он открыл важный научный принцип: каждое твердое тело, погруженное в воду, теряет ровно столько своего веса, сколько весит вытесненная этим твердым телом вода. На этом основывается и подъемная сила воздушного шара, который теряет в весе пропорционально весу вытесненного воздуха. Точно так же и когда твердое тело погружено в жидкость, оно теряет внутри нее ровно столько веса, сколько весит вода, заполняющая пространство, прежде занятое этим телом. Ясно, что эта потеря веса происходит только внутри водного пространства; когда тело просто лежит на земле, оно не теряет своего веса, но внутри воды теряет его. Таков всеобщий природный принцип, всеобъемлющая природная закономерность. И это очень важный принцип, ибо, надо знать, с этим принципом связано нечто необычайно важное в устройстве самого человека.

Вы знаете, человеческий мозг в среднем весит 1350 граммов (разброс составляет примерно полкило). А ниже расположены весьма delicate органы. Если взгромоздить на них килограмм веса, они сразу же будут раздавлены — такому весу они не могут противостоять.

Ваш мозг всегда мог бы своим весом раздавить расположенные под ним органы. Однако он давит не своим килограммовым весом — давление на основание мозга не превышает 20 граммов! Почему так? Потому, что весь мозг плавает в мозговой жидкости, и по этой причине его вес фактически снижается до 20 граммов; имеется в виду не его отдельно взятый вес, а то давление, которое мозг непосредственно оказывает своим весом. Он давит на основание черепа всего лишь весом в 20 граммов. Правильно было бы представлять себе положение дел следующим образом: вот это мозг (рисует на доске) и он плавает в мозговой жидкости, причем эта жидкость проходит дальше через позвоночный столб.

Но представьте себе, что столб мозговой жидкости ритмически поднимается и опускается. Как диафрагма в процессе дыхания поднимается и опускается (и как вообще происходит вдох и выдох), так и мозговая жидкость, в которой плавает мозг, приводится в ритмическое движение и по-своему повторяет процесс дыхания. Весь мыслительный процесс — в той мере, в какой он использует мозг в качестве своего инструмента, — тем самым получает физическую связь с процессом дыхания. Благодаря этому мозг одновременно становится тонким органом восприятия того, что действует на Земле в качестве всеобщей движущей силы.

Гёте, глубоко проникавший в суть таких явлений, к примеру, резко отрицательно относился к тому, что современная ему метеорология, с ее грубыми методами наблюдения, сосредоточена только на локальном падении и повышении столбика барометра, отражающего одни лишь колебания веса воздушного столба, то есть повышение и понижение воздушного давления. Гёте потратил бесконечно много времени, заботливо фиксируя состояние барометра в различных краях Земли; он попытался документально зафиксировать закономерности повышения и понижения столбика барометра по всей Земле, увязывая их с внутренней циклической активностью сил нашей планеты и уподобляя их вдоху и выдоху Земли. А из этого уже вытекают все регулярные и нерегулярные метеорологические явления. Не следует — несмотря на то, что во вдохе - выдохе Земли господствует

регулярность, — удивляться переменчивости показаний барометра; ведь в конечном счете и сам человек, несмотря на циклическую регулярность своего процесса дыхания, тоже может подхватить насморк и прочие простуды, а это, как барометр, указывает на некоторое нарушение порядка в организме.

Но на подсознательном уровне человек воспринимает эти удивительные циклические колебания веса планеты, внутреннюю жизнь Земли. И как через зрение и слух человек воспринимает окружающий мир, так через непрестанные приливы и отливы мозговой жидкости он воспринимает внутренние процессы «зверя по имени Земля», о котором Гёте говорил: «Земля с ее атмосферой представляется мне огромным живым существом, явленным нам в своем извечном вдохе и выдохе». Человеку доступно такое сопереживание происходящего с Землей, но оно остается в подсознании. Однако когда органом восприятия становится эфирное тело, человек начинает воспринимать эту планетарную жизнь и участвовать в ней, ибо человек — составная часть этого огромного «зверя по имени Земля». Можно сказать, только в наше время стало возможным полное безрассудство по этой части. Еще Кеплер, до сих пор кумир тех, кто в наше время стремится без остатка искоренить всякое спиритуальное познание, говорил: «Наша Земля с ее зависящими от времени дня океанскими приливами и отливами, как рыба-кит, то погружается в сон, то пробуждается». Человек переживает все это в глубоком подсознании; переживание еще находит выражение в определенном физическом процессе, но и тот проходит мимо сознания.

Теперь вас больше не должны удивлять результаты ясновидческого исследования, подтверждающие, что на старой Луне, где человек пребывал в состоянии сновидческого ясновидения, тон задавало нечто внешнее в строении нашего организма, — то, что в наше время отступило внутрь него: эта своеобразная взаимосвязь между атмосферным воздухом и процессами нашего мышления, осуществляемая на окольном пути через кровообращение, а также восходящее и нисходящее движение мозговой жидкости. В те прадревние времена снаружи находилась подвижная атмосфера, а сам человек

был чем-то вроде завихрения, воронки в водовороте материи старой Луны, ведь он еще не достиг земной консистенции, а состоял из жидкой материи, которая была чуть плотнее воды. И в такого рода завихрении или воронке обитало то, что воспринимало эту материю, что плавало как ее сгусток в круговороте вод, — лунный человек, обитатель старой Луны. Реликт этой старой Луны мы носим внутри себя. И когда изучаешь функционирование мозга в мозговой жидкости, увязывая это с процессом дыхания, убеждаешься: да это же, собственно, наследие старой Луны, только оно переместилось внутрь организма. Ты сам присутствуешь здесь в качестве мозга, который вздымается и опускается на волнах мозговой жидкости.

В этом процессе можно усмотреть отражение того физического состояния, какое было свойственно человеку старой Луны, — быть игрушкой волн океана старой Луны. Теперь на все это сверху как бы наброшено покрывало мира внешних восприятий, результат активности органов внешних чувств и нервной системы. Но под этим покровом так и осталось наследие старой Луны.

Так удивительно сходятся концы с концами. И пока зрение и слух человека обращены вовне, он вообще ничего не знает об этих взаимосвязях, — для этого требуется внутреннее познание. Но в то мгновение, когда ты перестаешь пользоваться органами внешних чувств и отвращаешь свои помыслы от внешнего мира, когда пребываешь на уровне «эфирной» жизни (той же самой жизни, в которую человек окунается сразу после сбрасывания физического тела и перехода в состояние того, что зовется смертью), тогда ты ощущаешь свое единство с планетарной жизнью, а также осознаешь благодаря своему внутреннему устройству свое единение с тяжестью Земли.

7 лекция

5 сентября 1915 г.

Я уже не раз упоминал, что мы только тогда правильно

воспринимаем требования Духовной Науки, когда пытаемся постоянно оттачивать конкретное и беспристрастное понимание фактического материала, связанного с теми существами, о которых нам сообщает духовная наука. Я также упоминал, что в первую очередь необходимо усвоить: человеческое существо состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела и так далее. Надо понимать, каким образом эти составные части человека относятся друг к другу, хотя бы чисто внешне. Но если хочешь и в дальнейшем соответствовать требованиям Духовной Науки, то недостаточно этих столь абстрактных положений, надо на деле изучать мировые взаимосвязи, которые увязывают части человеческого состава с общей картиной мирового становления.

Благодаря нашему физическому телу мы вписаны в физический мир, существуем на физическом плане. Именно наше физическое тело, подчиненное законам наследственности, придает нам сходство с нашими родителями, родителями наших родителей и так далее. Это происходит потому, что предпосылки такого сходства заложены в самом теле. И многими другими нитями наше физическое тело связывает нас с физическим миром. Вчера мы обратили внимание на то, как человек постепенно восходит к ясновидческому познанию, когда в своем отношении к окружающему миру преодолевает зависимость от инструмента, именуемого физическим телом.

На следующей ступени развития человек научится взаимодействовать с внешним миром, используя в качестве непосредственного инструмента не физическое тело, а тело эфирное, и вместо зависимости от тех представлений и познаний, которые мы приобретаем при помощи физического тела, то есть органов внешних чувств и связанного с ними мозга, получит доступ к имажинативному познанию. И я попытался вчера наглядно описать, насколько изменившейся чувствует себя душа, когда от использования тела физического переходит к использованию тела эфирного. Само собой разумеется, человек, если он в данный момент не спит, пускает в ход свое эфирное тело, но делает это таким образом, что ареной деятельности его эфирного тела служит тело

физическое, то есть в состоянии бодрствования оба тела используются на физическом плане одновременно. Однако познать специфику эфирного тела можно только вне его связи с телом физическим, используя его как автономный инструмент отдельно от физического тела. Мы знаем, что естественным образом такое происходит сразу после смерти, когда слагается физическое тело и в ход идет, хотя бы на короткий промежуток времени, тело эфирное, которое затем, в свою очередь, также слагается.

Итак, нам надлежит различать два явления, связанные со смертью: освобождение от физического тела и вскорости следующее за ним освобождение от тела эфирного. Физическое тело как бы привязывает нас ко всему исходящему из физического мира. А с чем связывает нас тело эфирное? Оно связывает нас со всем тем, что составляет наше отношение к Космосу, то есть внеземному, в противовес тому, что непосредственно вытекает из взаимосвязей физического мира. Допустим, кто-то страдает наследственным дефектом органа слуха, значит, музыкантом ему не быть. Это, конечно, крайний случай, но он ясно передает нашу зависимость от процесса наследственности. Однако надо от предрасположенностей физического тела перейти к предрасположенностям тела эфирного. Это выражается скорее в душевных наклонностях. Только дураку не ясно, что в душевном отношении люди одарены по-разному. Тупого материалиста не слишком интересуют различия людей на душевном уровне, ему важны только внешние формы явлений. Но любому настоящему наблюдателю жизни бросается в глаза, насколько индивидуален каждый человек, насколько он отличается от всех других.

Приверженцы теософских представлений довольствуются таким объяснением: не удивительно, что люди различны, ибо это результат реинкарнации, то есть повторных земных жизней, ведь предпосылки индивидуальных различий мы приносим из предыдущих жизней. Само собой разумеется, все это совершенно верно, однако этого недостаточно для понимания мироустройства. Представьте себе, что кто-то от рождения наделен тонким музыкальным слухом, но музыкальное образование ему недоступно, тогда его музыкальные

задатки пропадают втуне. Музыкальное образование должно сопутствовать музыкальному слуху; должны быть созданы надлежащие условия: соответствующая музыкальная среда и внешние средства получения музыкального образования. Некоторых удовлетворяет одностороннее освещение жизненных явлений, они, как кошки, которые всегда падают на все четыре лапы, неизменно твердят: «Все творит высшее „Я“ человека, или высшая самость. Высшая самость — это целый мир». Мы этого не отрицаем, но этого мало для исчерпывающего объяснения мировых явлений. Разумеется, верно, что наша внутренняя карма создает разную предрасположенность. Различие человеческих индивидуальностей зависит от развития, пройденного нами в предыдущих жизнях, это совершенно верно; однако недостаточно знать, что человек проходит через различные земные жизни и строит свою индивидуальность, надо понимать, от чего зависит возможность подлинной реализации обретенной нами индивидуальности.

Обратимся к жизни между смертью и новым рождением. Подробности вы можете узнать из цикла лекций «Между смертью и новым рождением»¹, который недавно вышел из печати. В частности, вы можете узнать, что в жизни между смертью и новым рождением, ради подготовки к новому воплощению в физическом теле, должны сложиться воедино самые разнообразные явления. Значит, в духовном мире должно присутствовать все необходимое для выработки индивидуальных склонностей человека. Однако можно себе представить и другой случай: в какой-то земной жизни человек создал определенные предпосылки для следующей, но между смертью и новым рождением не сумел изыскать возможностей для подлинного раскрытия этих предпосылок. В зародыше растения может быть заложено многое, но если его не посадить в благоприятную почву, оно не сможет как следует развиваться. Наша индивидуальность может многое в себе содержать, однако если мы, пребывая в духовном мире между смертью и новым рождением, не сможем изыскать условий, которые станут для нас тем же самым, что питательная почва для зародыша растения, то не сможем реализовать

заложенные в нас предпосылки нашей будущей инкарнации.

Мы предчувствуем глубокие тайны мира, которые постепенно открываются нам, когда мы с помощью Духовной Науки освещаем конкретные, фактические жизненные взаимосвязи. Среди различных крикливых теорий найдется парочка своего рода «шлягеров», напирających на то, что человек проходит через различные земные жизни и проносит через них свою индивидуальность; однако этого недостаточно — ведь это в конечном счете мало касается того, что предстает нам как загадка жизни. Как я уже подчеркивал, надо во всем искать правильную точку зрения. И мало что затрагивает нас в такой степени, как глубокая загадка жизни, которая хотя бы отчасти раскрывается нам, когда мы чувствуем себя не беспомощными пешками — не теми, кто пасует перед жизненными загадками — а подлинными борцами.

Одну загадку я выдвинул бы на передний план по причине того, что духовное исследование устанавливает ее связь с созданием условий для развития нашей индивидуальности. К этому вопросу мы еще вернемся. С этим загадочным вопросом мы сталкиваемся в жизни, когда видим, что люди умирают в самом разном возрасте. Кто-то (и тут нет вопроса) умирает в преклонном возрасте, а кто-то совсем молодым. Люди умирают в любом возрасте. Об этом можно даже не задумываться. И нет желания усматривать в этом что-то загадочное, поскольку это явление встречается на каждом шагу. Но как раз в таких повседневных явлениях и дают о себе знать величайшие загадки жизни. Если мы немного всмотримся в отношение эфирного тела человека к окружающему миру в целом, то сможем приблизиться к разгадке этого явления. Каждый знает, ибо это факт внешней жизни, что наше физическое тело стареет. Со временем мы все больше стареем. И каждому знакомы признаки старения. Но в отношении эфирного тела происходит прямо противоположное: мы становимся моложе, мы поистине молодеем! И на старости лет мы состарились только в отношении своего физического тела — в отношении эфирного тела мы помолодели. Многим это уже известно из моих лекций, но сегодня мне хотелось бы поговорить об этом в другой

связи. В ходе земной жизни наше эфирное тело должно быть нами развито таким образом, чтобы на склоне лет в нем обрело опору наше астральное тело, это нужно для надлежащего перехода в следующую земную жизнь. Можно сказать: когда человек становится старым, седым и морщинистым, его эфирное тело расцветает и пышет здоровьем; ибо его астральному телу надлежит привыкнуть к обитанию в эфирном теле, как зародышу в питательной почве. И от жизни астрального тела в помолодевшем теле эфирном будет зависеть характер активности этого астрального тела в физическом теле ребенка в следующей инкарнации. Примечательно, что Гений речи нередко является хранителем глубоких тайн жизни. Я уже имел возможность обратить ваше внимание* на то, что в «Фаусте» Гёте употреблено одно прекрасное выражение вместо слова «родиться». В «Фаусте» говорится:

Кто сызмальства привык к борьбе,
На старости по новой молодеет.**

* См. 4 лекц. в цикле «Строительство судьбы и жизнь после смерти» (GA 157a).

** Слова Гомункула из сцены «Лаборатория в средневековом духе» (Гёте И.В. Фауст. Часть 2, сцена 2). Мефистофель говорит, что многочисленные гражданские войны, которые велись во имя свободы, приводили в конечном счете к замене одного диктатора другим; Гомункул, приверженец борьбы за личную свободу, возражает ему: Оставь людей, их мятежи и вспышки. Себя стараясь в детстве отстоять, Становятся мужчинами мальчишки... (т.е. становятся настоящими мужчинами)

В сокровищнице русской поэзии юношеский боевой задор в зрелом возрасте воспет С. Есениным в его знаменитом стихотворении: «...Как тогда я отважный и гордый, / Только новью дышит мой шаг. / Если раньше мне били в морду, / То теперь вся в крови душа. // И уже говорю я не маме, / А в чужой и хохочущий сброд: / „Ничего! Я споткнулся о камень, / Это к завтраму все заживет”». — Примеч. пер.

Заметьте, не «обретают вторую молодость», как

принято обычно говорить, а именно «молодеют» — антоним слова «стареют». Иными словами, состариться — значит как бы снова «помолодеть».

В основе этого, разумеется, заложено представление о том, что детству предшествует предсуществование души*. Но силы, необходимые душе для работы над телом ребенка, должны быть почерпнуты ею из эфирного тела, которое в предыдущей жизни помолодело вслед за физическим старением человека. Материалисты усматривают наглядное подтверждение своих теорий в том, что многие гениальные или признаваемые за таковых люди в старости нередко страдают слабоумием. Особенно им нравится козырять казусом Канта, который в старости сделался слабоумным. Но эта публика никак не может взять в толк, что на физическом плане душа не может проявиться иначе, как через органы тела. Мозг Канта больше не мог служить построившим его душевным силам. Вот почему на закате жизни он казался слабоумным. На самом деле его душа приготавливалась к построению нового физического тела, но свое нынешнее тело уже не могла использовать как подходящий инструмент. В свете сказанного вам станет очевидной огромная разница между смертью в глубокой старости и смертью в молодости или в детском возрасте. Ибо, если человек умирает в молодости, его эфирное тело помолодело еще недостаточно. О физическом теле человека можно сказать: оно стареет; а вот о теле эфирном — оно молодеет. Это весьма точный термин. Хорошо бы взять его на вооружение в обиходе!

* В начале того же стихотворения С.Есенина (см. предыдущую сноску): «Все живое особою метой / Отмечается с ранних пор. / Если не был бы я поэтом, / Верно, был бы мошенник и вор». — Примеч. пер.

Итак, эфирное тело молодеет, но оно недостаточно молодо, если человек умирает в юности. Как-то раньше я уже говорил, что эфирное тело умершего в юности или в детстве осталось без употребления. Ведь его сил хватило бы на всю оставшуюся жизнь. С этим эфирным телом можно было дожить и до 60 — 70 лет, если бы не ранняя смерть. Но как во внешнем физическом мире действует закон сохранения энергии, так и силы эфирного тела не могут быть утрачены. Они сохраняются. Надо только

поточнее всмотреться в специфические свойства этих сил.

Если кто-то доживает до «нормальной» старости, то есть 70 — 80 лет, его эфирное тело сильно молодеет. И в этом помолодевшем эфирном теле содержится, можно сказать, итог всей жизни человека, в нем находит выражение весь его жизненный опыт, и этим как раз завладевает астральное тело. Ведь происходит вот что: человек слагает свое физическое тело, эфирное тело покидает физическое. Находясь в физическом теле, оно не может развивать того, что приобретено им в жизни собственными силами, так как этому препятствует физическое тело. Предположим, в предыдущей земной жизни мы приобрели те или иные способности. Значит, наше физическое тело, равно как и эти способности, — наследие нашей предшествующей инкарнации. А нажитое нами в нынешней инкарнации еще не обрело органических структур, их еще только предстоит построить как предпосылку для следующей инкарнации. Но все это уже присутствует в нашем эфирном теле, которое эластичнее и податливее тела физического, однако не может свободно развиваться, пока эфирное тело находится внутри физического. И как только физическое тело отмирает — эфирное становится свободным. И это эфирное тело, как только мы проходим врата смерти, в первую очередь является носителем итога всей нашей жизни, всего нашего жизненного опыта. Вот откуда берется панорама, охватывающая всю прошедшую жизнь; она просуществовала считанные дни, но даст нам возможность извлечь из нее и усвоить все нажитое в минувшей жизни. Это происходит именно в течение какой-то пары суток — в период обзора панорамы нашей жизни.

Каждое утро, когда в момент пробуждения наше астральное тело возвращается в наши физическое и эфирное тела, оно вынуждено приспособливаться к их состоянию, сложившемуся в результате предыдущей инкарнации, оно имеет дело с чем-то давно устоявшимся. Астральное тело не может служить тому, что впервые образовалось в эфирном теле во время нынешней инкарнации, — это происходит только после смерти человека. Астральное тело связано с эфирным таким образом, что как бы идет по его следам, воспринимая и

переживая итог, результат минувшей жизни. И когда через считанные дни астральное тело отделяется от эфирного, оно уже несет в себе весь итог минувшей жизни, оно успевает за этот короткий срок пребывания в эфирном теле впитать в себя все. Чтобы пережить в освободившемся от физического тела теле эфирном результат всей минувшей жизни, достаточно какой-то пары суток. Гораздо более продолжительное время займет переработка этого результата, необходимая для подготовки нового земного существования.

Как видите, строительство новой земной жизни требует многих слагающих. И если такое строительство непосредственно доверить исключительно человеческому разумению, ничего путного не получится. Предположим, вам надо исключительно по собственному разумению сконструировать весь инструмент физического тела человека. Для этого надо кое в чем разбираться, не так ли? Однако достаточно беглого знакомства с нашим научным багажом, чтобы убедиться, что наука ничего не смыслит в строении человеческого организма! А вот между смертью и новым рождением человек умеет формировать свое будущее физическое тело так, чтобы вплоть до мельчайших деталей оно служило выражением достигнутого в предыдущем воплощении.

Спросите кого-нибудь: какой вид должна иметь данная конкретная извилина мозга, чтобы соответствовать приобретенному мной в предыдущем воплощении? Вы бы провалились на экзамене, если бы вас стали спрашивать, в какую сторону надо закрутить вот эту извилину, чтобы воплотить тот факт, что в предыдущей инкарнации вы были хорошим оратором. Как ответить на такой вопрос с нашим земным разумением? А между смертью и новым рождением приходится находить ответ, ибо человеку надлежит выгравировать в новом эфирном теле тончайший абрис своих грядущих телесных органов. Без этого невозможно обойтись. То, что для этого требуется, легко выразить одним-единственным словом, но мне хотелось бы, чтобы вы его прочувствовали, и это слово «Мудрость»! Мудрость должна реально присутствовать в человеке.

Вот и душа Канта (иными словами, его астральное тело, пребывавшее в его обновленном теле эфирном)

оставалась мудрой, когда он на старости лет впал в слабоумие, — она несла эту мудрость в себе, но только кантовское «Я» не могло осознавать ее при помощи мозга. Мудрости его души надлежало раскрыться между смертью и новым рождением и со всей силой проявиться в грядущем воплощении Канта. Кант состарился. Но чем старше становится физическое тело человека, тем сильнее запечатлевается в нем нажитая мудрость.

С теми же, кто умер в молодости, дело обстоит иначе — эфирное тело у них не успевает «помолодеть» в должной мере, и в результате в их эфирном теле скапливается меньше земной мудрости, мудрости, которая приобретается здесь, на Земле. Но зато там присутствует другое: в старом, еще не помолодевшем эфирном теле преждевременно умершего преобладает стихия воли — чисто волевой элемент и созидательный элемент любви. Именно в этом заключается различие между эфирным телом старика, преимущественно окрашенным мудростью, и эфирным телом умершего в молодости: оно проникнуто волевым элементом. Эфирное тело умершего в молодости источает теплое чувство любви, теплый эфирный элемент любви. Эфирная аура старика изливает начало мудрости, излучает светоносный элемент. И теперь, опираясь на данные Духовной Науки, мы можем получить ответ на интересующий нас вопрос о том, что же произойдет, если все без исключения будут умирать в глубокой старости, — в возрасте 80 — 90 лет, а в молодости вообще перестанут умирать. Тогда все эфирные тела, покинутые душами, будут пропитаны благожелательной мудростью. Тогда земное человечество в своем историческом развитии получит возможность с большей мудростью строить человеческое тело — ведь в физической жизни между рождением и смертью на Земле можно многому научиться. Люди станут рождаться похожими друг на друга, но смогут многому научиться на физическом плане. Можно сказать, они будут обладать изысканно мудрым устройством и смогут здесь, на физическом плане, многому научиться. Но в любом случае такая обучаемость будет связана с необычайной неуравновешенностью конституции человека. И, будучи носителями столь изысканно утонченной телесной организации, можно сказать,

автоматической мудрости, люди станут пребывать в состоянии неустойчивого психического равновесия, из которого их легко будет вывести. Человек сделается натуральным эрудитом, но при этом с легкостью станет терять уравновешенность. Его эрудиция непомерно возрастет, но он сделается страшно «нервным», как выражаются в наш «нервный век». Он будет постоянно дергаться и терять равновесие; весьма одаренный по части обучаемости здесь, на физическом плане, это будет человек с совершенно расшатанными нервами. Лучше говорить «дерганый», чем «нервный». Терминология должна быть точной. Ибо, видите ли, еще пару столетий назад «нервным» по всей Европе называли человека с железными нервами, человека, способного выдержать любую нервную нагрузку. Но поскольку такие люди перестали теперь задавать тон в жизни, слово «нервный» превратилось в свою прямую противоположность. Однако душевное различие, которое мы приносим с собой из духовного мира в процессе земного воплощения, попросту будет утрачено, если все смогут достигать глубокой старости и никто не станет умирать в молодости. Душевная одаренность, дар духовного мира, выветрится напрочь. Люди будут в высшей степени похожи друг на друга, и станут отличаться только тем, что будут находиться на физическом плане в различных ситуациях и, значит, по-разному обучаться; но во всех отношениях они будут совершенно равноценными. Карма будет ставить их в подходящие условия на основе физически унаследованных особенностей. Однако в мире будет недоставать как раз того, что вытекает из особой одаренности избранных душ. Будет отсутствовать внутренний мир человека со всем его разнообразием и дистанцией между людьми.

Но в этом мире ничто не должно базироваться на односторонности — как уже было сказано, все крайности должны быть уравновешены. И жизнь человека должна, с одной стороны, основываться на том, что в его физический организм вливается мудрость, аккумулируемая в его эфирном теле с юных лет на всю оставшуюся жизнь; с другой — требуются волевые импульсы, посылаемые теми, кто рано умер. Я демонстрировал вам уже на

многочисленных примерах, как умершие дети оставляют свое эфирное тело совершенно неиспользованным. Да и мы сами, как я уже недавно говорил, находясь здесь, в этом здании, погружены в ауру одного эфирного тела, из которого исходят определенные побуждения к художественному подходу в строительстве нашего здания. Я рассказывал, как один ребенок, причастный к нашему зданию, оставил на этом месте свое эфирное тело, которое образует ту ауру, в которую встроено наше здание. И если уметь воспринимать импульсы, исходящие из этого эфирного тела, они могут послужить опорой для тех художественных начинаний, которые воплощаются в нашем строительстве 1. То же самое относится к эфирным телам рано умерших вообще; они возвращаются обратно: они еще не настолько помолодели, чтобы элемент воли полностью ослаб: воля и созидательная сила любви возвращаются с ними в духовный мир. И должен происходить непрерывный взаимообмен между совершенно помолодевшими эфирными телами и недостаточно помолодевшими. В духовном мире действуют взаимопомощь и обоюдная поддержка между тем, что земной опыт принес эфирным телам стариков, и эфирными телами рано умерших (разумеется, средний возраст также принимает участие). И когда умирают грудные дети (в «Фаусте» они названы «рожденными в полуночный час»), их эфирные тела совершенно старообразны, но сильны волей. И такие эфирные тела могут с особой силой воздействовать на эфирные тела стариков, за плечами которых лежит долгая прожитая жизнь.

Оцените всю гениальность замысла Гёте, когда возносящийся на небо Фауст, достигший столетнего возраста, выступает в окружении эфирных тел младенцев — «рожденных в полуночный час», — выступает, следуя необходимости такого обоюдного обмена! И такой двусторонний обмен происходит постоянно. Можно сказать, что там, в духовном мире, пребывают эфирные тела людей, успевших физически состариться, и с этими эфирными телами происходит многое, а здесь находятся эфирные тела умерших в молодости, и с ними тоже многое происходит. И там осуществляется взаимодействие, некий обоюдный обмен. И происходящее в жизни между

смертью и новым рождением мы познаем на Земле по результатам этого двустороннего обмена между эфирными телами умерших в молодости и умерших в старости. Нам требуется этот обмен. Развитие всего человечества на Земле не пошло бы в правильном направлении, не будь в духовном мире этого обоюдного обмена между эфирными телами тех, кто умер в молодости, и тех, кто умер в старости.

Управителей этими процессами следует искать в сфере Иерархии Ангелов, так что реальность этого взаимодействия между одним видом эфирных тел и другим мы должны искать в непосредственно прилежащем к нам духовном мире. Это взаимодействие напоминает слияние двух рек. И, слившись, они подлежат руководству и направленному воздействию со стороны существ Иерархии Ангелов. Но эти существа призваны решать и иную задачу. Возможность прихода в мир индивидуальности с особыми задатками обусловлена не только тем, что в физических телах ради нужд жизни между смертью и новым рождением запечатлевается материалистическая премудрость, почерпнутая на Земле, но и утилизацией того, что осталось недоразвитым в земных условиях — эфирных тел рано умерших, едва затронутых их душами, — оно может присутствовать в виде незримых сил и влияний на становление и развитие человеческих талантов и способностей.

Как видите, при подлинном проникновении в тайны Духовной Науки могут быть затронуты живые чувства и ощущения. Духовная Наука позволяет нам проникнуть в духовную составляющую таинства смерти старого человека. Ибо мы знаем: люди старятся ради того, чтобы развитие человечества — в той мере, насколько оно нуждается в телесном инструменте, — шло в правильном направлении. При смерти старого человека мы всякий раз предчувствуем, предвосхищаем плоды земного развития. Но в поисках прозрения в грядущее надо считаться и с тем, что на пути развития человечества в любое время и в любую эпоху должны присутствовать люди особой одаренности; каждый проявляет склонность к тому или к этому, чувствует то или иное призвание, и так до самых

вершин лестницы, — до гениев рода человеческого с их особым предназначением. А этого никогда не было бы, если бы не существовало рано умерших! И когда мы взираем на великих людей, нам следует знать, что своей гениальностью они обязаны наличию в мире тех людей, которые умирают в юном возрасте. И мы проникаем в таинство смерти молодых, понимая, что смерть молодых мудро вплетена во всеобщую ткань бытия. Ибо душевная одаренность людей, в которых нуждается развитие всего человечества, исходит от умерших в молодости.

Как только от эгоистического восприятия смерти мы обращаемся к нуждам всего человечества, мы улавливаем мудрость мироустройства, в котором предусмотрены смерти молодых и смерти стариков. И важно, что честно и добросовестно изучаемая Духовная Наука не просто снабжает нас чисто теоретическими знаниями, но и сами эти знания обязательно переходят в чувства и ощущения, позволяющие нам вести более гармоничное существование, чем это было бы без Духовной Науки. Она нужна нам, чтобы мы, наталкиваясь в жизни на невыносимые диссонансы, имели возможность возвращаться к всеобщей гармонии вещей, открытой более проницательному взору.

Духовная Наука открывает нам и смысл жертв, которые мы приносим в жизни. Мы понимаем смысл страдания, зная, что на нем держится вся мудрость Вселенной. Надо возвыситься до предощущения, что не было бы ни Гомера, ни Шекспира, ни Гёте, ни Микеланджело, ни Рафаэля, ни многих сотен других светочей человеческого развития, которое невозможно без участия гениальных личностей, если бы почвой для этого не служила возможность смерти и в юном возрасте.

Дело не в личных судьбах — каждый, кто умирает в молодости, приносит в жертву Космосу свое эфирное тело, питая плодородную почву, на которой созревают внутренние душевные задатки людей. Когда мы воспринимаем Духовную Науку не как набор абстракций, а как поиск импульсов, примиряющих нас с окружающей действительностью, проникающих в нашу душу и наполняющих ее сердечной теплотой, проникающих в нее столь глубоко, что и страдание видится нам оправданным

в контексте мировой гармонии, мы как бы вырастаем в миропорядок и мироустройство.

Следуя указанным путем, мы должны осознавать, как нелегко бывает отвлечь свой взор от отдельных человеческих судеб и направить его на всеобщие жизненные цели. Но, преодолевая трудности, мы умножаем наши силы; и, когда через страдание мы обретаем ощущение своей причастности к полноте мироустройства, это ощущение будет только возрастать по мере его проникновения в самые потаенные глубины нашей души. Через это мы приуготовляемся к личному участию в миропорядке, взыскуемом богами.

8 лекция 6 сентября 1915 г.

Когда пытаешься описать переход от созерцания внешнего физического мира к созерцанию близлежащего к нам элементарного мира, надо считаться с тем, что миры, лежащие в основе нашего физического мира, — источники всего происходящего в нем, — весьма отличаются от него. Материалист не то чтобы по убеждению, а скорее удобства ради сказал бы: «Какое мне дело до всех этих миров, о которых возвещает Духовная Наука? С меня хватает и того мира, в котором я живу; других миров может быть сколько угодно, однако мне-то что до них?»

Разговоры о том, что человеку и дела нет до Духовного Мира, в корне ошибочны. Как раз когда ты его отрицаешь или говоришь, что тебе не до него, ты в высшей степени и находишься под влиянием Духовного Мира. Невозможно даже произнести таких слов, не будучи ведомым ариманическими силами.

Черт рядом, а на то нет сметки,
Хоть прямо их хватай за глотки!

Эти слова Мефистофеля звучат иронично, но сказанное им — чистейшая правда. Отрицание духовных

миров отнюдь не избавляет от взаимодействия с ними, поэтому выход один: нужно познавать их. Надо лишь как следует считаться с тем, что нигилизм поселяется не только в наших понятиях и представлениях, но и в наших эмоциях и ощущениях на физическом плане. Но даже когда мы стремимся к духовному миру, мы испытываем подчас безотчетную потребность искать в этом мире что-то подобное миру физическому или, по крайней мере, втискивать его в привычные и устоявшиеся земные представления. Но я уже часто привлекал ваше внимание к тому, что представления, почерпнутые в физическом мире, не пригодны для характеристики духовных миров. Да и в нашей среде желательно — вернее, просто необходимо — применение новой терминологии, образец которой я приводил вчера: наряду со словом «стареть» употреблять в соответствующем контексте слово «молодеть», дабы уже на терминологическом уровне можно было выражать своеобразие духовного мира. Это прямо-таки необходимо.

Мне хотелось бы сразу обратить ваше внимание на одно явление, которое продемонстрирует вам, сколь необходима новая терминология, когда по-настоящему вживаешься в духовный мир. И многие легко убедятся, насколько быстрее они начнут воспринимать духовный мир, если только сбросят привычную зависимость от слов.

Вы знаете, что первое, с чем встречается человек, пройдя врата смерти, это факт отсутствия его физического тела. И мы знаем, что это физическое тело каким-то образом растворяется в стихиях Земли (не будем сейчас касаться различных видов погребения).

Итак, физическое тело растворяется в стихиях Земли. Этот процесс можно называть именно «растворением» — физическое тело как бы распадается на мельчайшие части, которые физически сливаются с остальной материей Земли. Это физический факт. Если учесть все, что нам известно о материи и веществе, то вполне правомерно говорить о растворении человеческого тела в земной материи. Но мы знаем, что это растворение представляет собой также и духовный процесс. Однако не будем сейчас в это углубляться. В настоящий момент нас занимает то, что доступно физическому восприятию.

В высшей степени важно уяснить себе, что

растворение физического тела представляет собой процесс, выходящий по своему значению за рамки доступного физическому инструментарию человека. Чтобы составить себе адекватное представление об этом процессе, необходимо рассмотреть следующее.

От рождения до смерти астральное тело и «Я» человека — когда он бодрствует — пребывает в его физическом теле. Если физическое тело изобразить в форме сосуда — можно и по другому, не в этом дело, — то его астральное тело и «Я» бодрствующего человека пребывают внутри этого сосуда.

Запомним как следует, что своим «Я» и астральным телом мы пребываем внутри физического тела (также и внутри тела эфирного, но главное — внутри физического). Во время сна, как я часто уже описывал, мы уже не находимся внутри. Но тогда обычно мы утрачиваем наше самосознание, сознание нашего «Я», и даже сознание астрального тела. И мы обретаем самосознание, когда бываем опять «замурованы» в физическом теле, и этот факт позволяет нам от рождения до смерти ощущать себя на душевном уровне в качестве «Я»; можно также сказать, что мы чувствуем себя душой, проникнутой сознанием «Я».

После смерти физическое тело растворяется в материи Земли. Это существенный момент. Когда мы спим, в нас постоянно живет желание (я часто об этом упоминал) снова вернуться к нашему физическому телу. Это желание владеет нами от засыпания до пробуждения — мы как бы томимся по возвращению в физическое тело. Но когда после смерти оно сброшено, мы не можем по нему томиться: невозможно опять быть в нем замурованным. А из этого следует, что тогда мы не можем и поддерживать желание вернуться в физическое тело. То, к чему мы стремимся от засыпания до пробуждения, теперь отпадает. Но вместо этого желания наступает нечто иное. Вместо него в нашем астральном теле, и особенно в нашем «Я», вспыхивает идея нашего физического тела. Мы созерцаем наше физическое тело. Оно живет в нашем сознании, составляет его содержание. И растворение нашего физического тела является фактором, понуждающим нас

пронести идею нашего физического тела через весь период времени от смерти до нового рождения. В результате весь период времени от смерти до нового рождения мы, как бы вспоминая свое физическое тело, сознаем себя в качестве «Я».

Итак, вместо обладания физическим телом мы располагаем знанием о нем. Обладание замещается феноменом сознания. Ощущение физического тела, которое нам свойственно от рождения до смерти, после смерти заменяется неким состоянием, позволяющим нам сознавать свое физическое тело. И благодаря этому сознанию, то есть чисто духовному состоянию, мы продолжаем и впредь в достаточной мере сохранять связь с земной жизнью.

Вы знаете, что второе, с чем мы встречаемся после смерти, — это сложение эфирного тела, отмежевание от него. Как было сказано вчера, благодаря эфирному телу мы связаны со всем внеземным космосом; как физическое тело связывает нас с миром Земли, так эфирное тело связывает нас с миром, пролегающим за пределами нашей планеты.

Когда эфирное тело отделяется от нас, оно переходит в эфирный мир (этот феномен мы много раз обсуждали с разных сторон). Физическое тело передается физическому миру Земли, а эфирное — переходит в эфирный мир. Однако было бы совершенно неверно представлять себе этот переход эфирного тела в эфирный мир по образцу растворения физического тела в физической материи Земли. Это ни в коем случае не растворение: все, что человеком вписано в эфирное тело, там и остается; просто эфирное тело увеличивается в размерах. Конечно, в особых случаях, например в случае умерших в юности (мы об этом еще поговорим в ходе лекции), могут преследоваться специальные цели; но в целом можно сказать: эфирное тело переходит в эфирный мир, принося с собой пережитое от рождения до смерти, а значит, обогащая этот мир. Переданное нами эфирному телу обогащает эфирный мир после нашей смерти. Стало быть, нельзя говорить о растворении эфирного тела в эфире, необходимо помыслить другой процесс в отличие от возможного в физическом мире. И хорошо бы для этого

подобрать обозначение, терминологически не отвечающее какому-либо определенному физическому процессу. Я много думал об этом, и мне кажется, что для обозначения способа вхождения эфирного тела в эфирный мир лучшего термина, чем слово «скрепка» (Inbindung), не подберешь.

Итак, физическое тело подвержено растворению, а эфирное — скреплению. Сие означает, что переданное нами эфирному телу скрепляется со всеобщим эфирным миром, привязывается к нему; скрепление — противоположность растворению. Так что не помешало бы попытаться подыскать каждому феномену, лежащему за пределами физического мира, свое обозначение, отражающее суть явления и вместе с тем выходящее за рамки терминологии физических процессов.

Можно говорить «скрепка», скрепление, и мы увидим это на следующем примере. Предположим, кто-то в течение жизни сообщил своему эфирному телу то или иное. Эфирное тело, как я уже говорил, связано со всем сверхземным. И, поскольку в течение жизни человек воспринимает нечто сверхземное (это делает каждый, в том числе и материалист, хотя и не ведает о том), которое живет внутри его эфирного тела, то и теперь, после смерти, оно скрепляется с эфирным миром, привязывается к нему. И когда ясновидящий созерцает сложное человеком эфирное тело, он получает ответы на вопросы о том, какое приобретение для небес (под словом «небеса» я подразумеваю сумму всего сверхземного) представляет собой прожитая данным индивидом жизнь и какая от нее польза. Это радикально отличается от того, что предстает физическому взору здесь, на Земле. Бренные останки человека с физической точки зрения — это прах, совершенно неотличимый от прочей земной материи. И человек предполагает (хотя это не совсем верно), что Земле безразлично, будет ли в ее состав включена эта кучка праха. Считается не важным то обстоятельство, что при жизни человека какое-то количество земной материи было оторвано от Земли, а теперь возвращается в нее обратно.

К другому выводу приходит тот, кто пытается осмыслить посмертное отношение эфирного тела к тому, что было мною названо «небесами». И вывод этот таков: на

все то, что человек в течение жизни думал, чувствовал и желал, на все его труды, на то, что он существовал, и на то, что выпавшее ему на долю он запечатлел в своем эфирном теле, — на все это небеса откликаются полной признательностью! И перед ясновидящим предстает покров благодарности, осеняющий сброшенное эфирное тело. Благодарность небес, можно сказать, — это нечто диаметрально противоположное благодарности Земли! Когда мы проходим по кладбищу, до нашего слуха не доносятся слова благодарности, исходящей от Земли, — благодарности за то, что ей вновь возвращена материя, затраченная на формирование человека. И, напротив, со стороны небес звучит благодарность за вклад человека в эфирное тело, сделанный им в течение жизни. Небеса принимают эфирное тело скрепленным изнутри. Это связано также с тем, о чем речь шла вчера: при правильном подходе к Духовной Науке каждое духовно-научное представление обретает в нашей душе моральную окраску, несет в себе некий этический обертон, одновременно согревая нас жизнетворным теплом.

Рассмотрим подробнее то, о чем уже шла речь в этих лекциях. Восходя в духовные миры (в частности, это неизбежно происходит после смерти), человек обретает принципиально иной вид сознания, совершенно другую форму созерцания. Я обращал ваше внимание на то, насколько внутренне подвижным тогда становится мышление. По мере дальнейшего восхождения в миры духа (а это происходит вскоре после смерти, когда человек слагает свое эфирное тело) устройство человеческого сознания уже кардинально отличается от его устройства в физическом мире. Здесь, в физическом мире, мы окружены разного рода внешними объектами, которые воспринимаем, сами находясь вне этих объектов. Но когда мы в указанной мере восходим в духовный мир, описанное противостояние внешним объектам прекращается: ведь внутренний душевный мир людей и животных непроницаем только для нас на Земле, но он открыт взору обитателей высших миров. Однако и мы сами принимаем участие в душевной жизни существ высших миров. Не мир объектов простирается тогда перед нами — не внешний предметный мир, — мы окружены живыми существами.

Это самое главное. Ведь когда на физическом плане мы стоим поодаль друг от друга — один здесь, а другой там, а между нами стол, — мы оба воспринимаем некий объект, некий предмет. Но теперь нам надо очистить поле восприятия от всего предметного. Надо представить, что вы находитесь в некоем мире душ и коммуницируете с ними исключительно внутренним образом, как здесь, на физическом плане, коммуницируете со своими собственными мыслями и чувствами. Постарайтесь это представить. Вы входите в контакт с существом из Иерархии Ангелов благодаря тому, что коммуницируете с ним, как здесь, на Земле, со своими мыслями и чувствами, а вовсе не потому, что держите его за руку. Я часто подчеркивал: эти существа проникают в наши мысли и чувства. Поэтому правильно будет говорить: эти существа живут в нас. Сказанное вы можете найти также в моей книге «Очерк тайноведения». В ней уже достаточно сказано о том, что после смерти мы находимся в тесном общении с другими существами, которые также продолжают посмертное существование. Это общение гораздо более тесное, чем с людьми на Земле, ибо мы с другими умершими коммуницируем, как с нашими мыслями и ощущениями. В этой книге также говорится, что здесь, на Земле, мы на душевном уровне приближаемся к миру умерших, когда изучаем материалы лекций и тому подобное. Такой штудиум требуется, чтобы правильно, то есть на душевном уровне, осознавать, каким образом умершие реально проникают в наш мир. Нам надлежит приблизиться к внутреннему сосуществованию с ними, как мы сосуществуем с нашими собственными мыслями и чувствами.

Насколько мало люди проявляют склонность вникать в такие возвышенные представления о внутренней реальности, лучше всего доказывает практика спиритов-материалистов. Такое определение может произвести комическое впечатление, и, тем не менее, спириты своим материалистическим настроением превосходят материалистов среднего уровня! Обычно материалисты утверждают, что не существует ничего духовного, и материю так и называют «материей». А вот большинство спиритов в их стремлении узреть духовное пытаются осуществить это

материальным образом, гоняясь за световыми явлениями (что вполне материально) или тактильными феноменами. Спиритическое общение с миром духов допускает ведь различные нюансы. Но это обязательно материализация духовного мира во всех его проявлениях. Людям пора признать возможность существования иной реальности, помимо той, которая внешним образом раскрывается перед нами через наши органы чувственного восприятия. Спириты-материалисты, или, если угодно, материалистические спириты, доходят прямо-таки до абсурда, когда хотят видеть умершего с физическими глазами, даже не допуская мысли, что умерший после смерти уже не имеет никаких физических глаз. Умершего надо видеть таким, каким и выглядит умерший, то есть точно без физических глаз, и это самоочевидно.

Говоря о том, что сознание человека, вступающего в духовный мир, радикальным образом отличается от обыденного сознания, мы обычно формулируем это следующим образом: физический мир воспринимают объективно, а духовный — субъективно. Иными словами, воспринимать духовное — значит охватить духовный мир расширенным субъективным переживанием. По интенсивности созерцание духовного мира сильно превосходит физическое зрение; однако это именно субъективное восприятие, субъективное видение, внутренняя связь с тем, что воспринимаешь. В Новое время только отдельные люди предчувствовали, что именно так надо говорить о духовном мире. Да и то редко кто выходил за пределы слов. А один из тех, кто пытался каким-то образом выразить положение человека в отношении к духовному миру, зашел слишком далеко; я имею в виду епископа Беркли. Он открыл для себя, что человек даже в процессе восприятия так называемого внешнего материального мира не имеет права говорить: «По ту сторону воспринятого содержится нечто автономное»; он может только констатировать: «Когда я смотрю своими глазами, то вижу краски и так далее, когда слушаю ушами — слышу звуки и так далее; однако, не считая субъективного содержания восприятия, невозможно утверждать, что объективно существует что-то еще». Иное представление о мире Беркли считал

абсурдным. «Бытие тождественно восприятию; не существует вообще никакого автономного бытия за пределами субъективного восприятия» — так говорил Беркли. Он прав и не прав — все сразу. Он прав в том смысле, что постулировать наличие какого-то автономного мира, наличие какой-то материи по ту сторону мира восприятия — значит орудовать топорным представлением, ибо то, что мы воспринимаем, и есть мир. Бытие — это воспринятое, а значит, вообще существуют только души и их восприятия. В глазах епископа Беркли, выражаясь радикально, дело обстояло так: здесь присутствует столько-то людей; когда мы судим с точки зрения обычной, тривиальной жизни, то говорим, что здесь сидят один, два, три, четыре человека и так далее, и каждый из них имеет собственное тело и так далее; однако это неверно, сказал бы Беркли, в действительности имеются только души; а тела — это только то, что воспринимается душами. Тела — это только обманчивая видимость, субъективные образы, сновидения души! Сие означает, что каждая присутствующая душа воспринимает как бы внешний сновидческий образ окружающих в виде тел: к примеру, г-же М. не следует думать, что г-жа К. присутствует в реальном теле, — просто в душе г-жи М. вспыхивает образ г-жи К, а в душе г-жи К., в свою очередь, вспыхивает образ г-жи М. Все остальное — чистейшая фикция, имеются только души. Существовать — значит быть воспринятым. В каком-то смысле епископ Беркли прав, но он не был исследователем духа и потому не мог уяснить себе того, что я лучше всего объясню вам следующим образом.

Предположим, в данный момент г-жа К. занята не созерцанием г-жи М., а размышляет о случившемся пять дней тому назад — как раз это ей сейчас пришло в голову. А содержание случившегося — никакая не посторонняя душа, не дух, а просто бытовое происшествие: пять дней назад она случайно разбила кувшин. Допустим, именно это сейчас пришло ей в голову, картина того, как кувшин выскользнул у нее из рук, как он упал и разлетелся на сотни осколков. Со всей определенностью можно сказать, что это происшествие не имеет ничего общего с какой-нибудь посторонней душой. Ибо если принять во внимание

общую конфигурацию души, то процесс, происходящий с г-жой К. в настоящий момент, мог бы в определенном отношении быть воспринят столь же объективно, как воспринимается любой внешний предмет; разница не принципиальная и заключается только в том, что в одном случае предмет напрямую воспринимается глазом, а в другом — осознается прошлое происшествие. Ведь это происшествие тоже отсутствовало в душе вплоть до данного момента, а затем опять всплыло в ней; в противном случае пришлось бы допустить, что г-жа К. пять суток напролет не спала, ежеминутно думая о разбитом кувшине. Но, по счастью, эта картина отсутствовала в кругозоре ее души и только в данный момент всплыла снова. Она находилась за пределами душевного кругозора, как это может быть только с чем-то посторонним. Сначала эта картина присутствовала в душе, а затем покинула ее. И это никакой не дух и не душа, ибо разбитый кувшин не может быть ни тем, ни другим; однако вторичное появление картины в душе есть нечто объективное.

Присовокупим к этому то, о чем уже шла речь в лекциях, а именно, что внешний мир — по сути дела, прошлое — это нечто давно забытое. И тогда вы сможете наглядно представить себе, чем, собственно, является внешний мир, особенно в том случае, когда мы воспринимаем его предметный ряд, а не содержание сознания посторонней души. Схематически это можно изобразить следующим образом:

Перед нами душа, содержащая на данный момент что-то из ранее происшедшего, допустим, происшествие с разбитым кувшином; где-то рядом в ней присутствуют другие происшествия, но не будем отклоняться от нашей темы. Горизонт того, что непосредственно присутствует в сознании, обозначен этим кружочком. Присутствие разбитого кувшина в памяти в настоящий момент предполагает, что он ранее был вытеснен из сознания, а теперь всего лишь возвращен обратно благодаря работе механизма памяти. Это объективизировавшийся душевный процесс. Представьте себе только, с какой силой этот

объективизировавшийся процесс — воспоминание о разбитом кувшине — кому-то хотелось бы вспоминать как можно реже, а лучше вообще не впускать в сознание! Случившееся однажды все более тяготеет к объективизации. А при полном вытеснении случившееся вообще живет вне горизонта сознания. Все окружающие нас явления и процессы были продуманы высшими существами еще в период старой Луны и старого Солнца, а затем оттеснены в объективное, где и пребывают до сих пор. Все, что нас окружает, некогда содержалось в мыслях и чувствах и присутствовало в сознании высших существ, а затем было вытеснено из него. Можно сказать: объективный мир — это то, что было продумано, а затем забыто богами, как бы исторгнуто ими.

С другой стороны, Беркли очевидно не прав, утверждая, что нет никакого внешнего мира, а существуют только души. Ибо внешний мир — это как раз и есть некогда забытое. Разумеется, ваши тела — это не что-то забытое каждой присутствующей здесь конкретной душой. Первые зачатки тел образовались, когда присутствовали в помыслах высших духов на старом Сатурне, а затем объективизировались и так далее. Вот что нам следует уяснить себе: все существующее там, вовне, сначала было вытеснено из сознания наподобие того, как в работе памяти мы можем наблюдать первую ступень объективизации. В какой-нибудь нынешней конкретной душе такой процесс объективизации не заходит дальше разбитого кувшина. Но у существ, которые управляли поступательным развитием мира в периоды старого Сатурна, старого Солнца и старой Луны, такой процесс дошел до того, что некогда продуманные ими помыслы мы встречаем окаменевшими в скалистых образованиях наших горных массивов. Но мы сами связаны со всем духовным миром, поэтому и воспринимаем то, что присутствовало в помыслах богов в оные времена.

Принимая это во внимание, вы сможете также оценить важность того, что объективный мир — это вытесненное из мира субъективного. Сколько раз я подчеркивал: чтобы наше «Я» оставалось в целостности и сохранности, наша память должна быть невредимой; так и богам требовалось сотворить мироздание из себя самих. Как мы сохраняем

богатство нашей памяти, начиная с того момента, которого она достигает, так и боги сотворили из самих себя все мироздание, чтобы их сознание опиралось на сотворенный ими мир. Так и человек отмежевывается от физического и эфирного тел, чтобы таким способом обрести высшее сознание.

Когда смерть (я уже неоднократно это подчёркивал с другой точки зрения) рассматривают исключительно в физическом разрезе она выглядит чем — то ужасающе, а глядя из духовного мира, в который мы сразу же попадаем после смерти, убеждаешься, что смерть — это отправной пункт всего последующего развития сознания! Ретроспективный взгляд на момент смерти наделяет нас тем сознанием, которое нам присуще между смертью и новым рождением. Здесь, в физическом мире, невозможно узреть момент собственного рождения, а после смерти мы непрестанно оглядываемся на величавый миг минувшей смерти. Такое впечатление, что, исследуя посмертное существование человека, в конечном счёте всегда наталкиваешься на момент смерти, и образ смерти, на который мы постоянно оглядываемся и который непрерывно маячит перед нами в ретроспективе времени, он-то и одаряет нас сознанием «Я» — устойчивым посмертным самосознанием, представляющим собой в то же время зеркальное отражение факта смерти.

Так, пройдя через врата смерти, мы преодолеваем узость взгляда, направленного исключительно на предметы физического мира, и дорастаем до чувства того, что духовные существа начинают все больше принимать нас к себе, мы все больше сближаемся с другими духовными существами. Пока мы пребываем здесь в своем теле, наши мысли, чувства и волевые импульсы сосредоточены вокруг нашей персоны и не допускают постороннего вмешательства. А после смерти в мир наших мыслей, чувств и волевых импульсов проникают другие духовные существа, они живут внутри нас. Наше сознание расширяется. Единство трансформируется во множество, и множество открывается в нас, принимая под свою сень свойственное нам единство.

Итак, вхождение человека в духовный мир означает

врастание в мир тех существ, которых мы привыкли называть иерархическими. Здесь, на Земле, человек говорит о предметном мире и связанных с ним переживаниях, а умерший говорит исключительно о существах и о том, что эти существа сообщают ему о взаимодействии с другими существами, о большей или меньшей близости с ними и так далее.

Составить себе мало-мальски адекватное представление о врастании в духовный мир можно только медленно и постепенно. И после того, как мы попытались составить себе более или менее точное представление о природе этого врастания, вернемся снова к тому, о чем говорилось во вчерашней лекции, — к смерти в молодом и в старом возрасте.

Умерший в молодости проходит через врата смерти; его физическое тело растворяется, зато скрепляется тело эфирное. И когда смерть происходит в ранней юности или вообще в детстве, умерший приносит с собой особо устойчивое представление о чудесном внутреннем устройстве того, что мы ощущаем в качестве нашего физического тела. Самое захватывающее внутреннее переживание умершего в юности как раз и заключается в том, что он проносит через врата смерти осознанное устойчивое переживание удивительного устройства физического тела. И правда, трудно вообразить что-либо устроенное более величественно, чем физическое тело человека, — это величавое произведение искусства, это чудо из чудес. Об этом я часто говорил. И как раз этим переполнена душа умершего в юности.

Это представление — вернее, внутренняя переполненность им — в первую очередь приводит умершего в юности к связи с существами, относящимися к иерархии Духов Форм, его душа тесно срастается с ними. Вот почему Духи Форм встречают умерших в юности с особой милостью и благорасположением. Кроме того, такие души внутренне срастаются с Духами Воли. Можно сказать, Духи Воли и Духи Форм в своей космической роли как бы постоянно возвещают, обращаясь к тем, кто вхож в их таинства: «Рано оставившие земную жизнь принадлежат нам, ибо они приносят с собой важную составляющую того, что требуется нам для созидания

процесса становления человечества». Умершие в старости уже менее проникнуты в душе чудом устройства человеческого тела, их больше потрясает чудесное устройство всего Космоса, чудо самого мироздания. Мысли и чувства умерших в старости больше направлены на внешнее мироустройство, они легко и быстро срастаются с теми духами, которых мы называем Духами Мудрости. Именно они принимают умерших в старости с милостью и благорасположением. Подробности того, как человек в своем посмертном существовании живет в окружении высших духовных существ, производят потрясающее впечатление на духовного исследователя. И когда с любовью вникаешь в результаты духовного исследования, то выносишь для себя отнюдь не пустые абстракции, не размытые разглагольствования о духе и вхождении в некий духовный мир, но вполне конкретные указания на то, что одни души вступают в общение с Духами Движения, Духами Мудрости, а другие — с Духами Форм и Духами Воли. И тогда получаешь представление о том, что, по существу, все происходящее, осмысленное с высшей точки зрения, направлено ко благу, ибо непостижимое с позиции физического мира на духовных высях выглядит прозрачным и правомерным. Ибо духи высших иерархий могут приступить к созидательной деятельности не только в сотрудничестве с умершими в старости, но в первую очередь с умершими в юности. Никто не жил зря! И весь процесс становления человечества не мог бы состояться, не произойди в мире всего того, что однажды уже произошло*...

* Окончание лекции, посвященное демонстрации того, что «в наше богооставленное время материалистом по убеждению может быть только тот, кто не мыслит вообще и даже не хочет мыслить», в настоящем издании — в целях сохранения энергичности текста и его композиционной целостности — опущено. К затронутой в цикле проблематике Р.Шт. возвращается в другом цикле лекций, прочитанном в январе — феврале 16 г. — «Необходимость и свобода в мировых событиях и человеческих деяниях» (GA 166). — Примеч. пер.

Приложение

1 лекция

Эльберфельд, 13/07/15 г.

GA 159.

Внешнее физическое тело человека непрерывно стареет. С эфирным телом происходит другое. Трудно понять, но это совершенно другое: эфирное тело молодеет в той же мере, в какой стареет тело физическое; поэтому эфирное тело достигает своего «детского» состояния к тому моменту, когда человек естественным образом умирает в старости. Другими словами, когда через врата рождения мы вступаем в земное существование, эфирное тело, соединенное с нашим физическим телом, является сравнительно старым и постоянно молодеет в течение жизни, достигая к моменту нашей физической смерти своей детской ступени развития. Стало быть, эфирное тело человека, умершего в молодости, еще не успело достаточно помолодеть и отмечено признаками старости. Что же это означает практически? Я должен привести здесь поучительный пример, уже известный кое-кому из вас, — недавний конкретный случай, лично затронувший некоторых из наших друзей.

Случай связан с судьбой одного малыша — сынишки наших антропософских друзей. Дело было как раз после окончания вечерней лекции в Дорнахе, когда внезапно разнеслась весть, что семилетний ребенок из семьи наших друзей Фаисс бесследно исчез. И сразу же стало ясно, что стряслось что-то ужасное. Как раз в этот день в послеобеденное время вблизи дорнахского здания проезжал мебельный фургон, причем поразительно, что в этих местах давным-давно — а лучше сказать, вообще никогда — не проезжали никакие мебельные фургоны, их не было видно и после этого случая. А этот мебельный фургон опрокинулся в определенном месте. Это случилось ближе к вечеру, свидетелей не было, но ребенок исчез. Вместе с нашими друзьями мы с десяти часов вечера до полуночи прилагали все усилия, чтобы помочь поднять этот фургон, так как владельцам фургона в одиночку это было не под силу (попытку пришлось повторить и на

следующий день, потому что фургон опрокинулся очень неудачно и к тому же был очень тяжел). Когда наконец удалось его поднять, выяснилось, что ребенок, маленький Теодор Фаисс, проходил мимо как раз в тот самый момент, когда опрокинулся фургон. Так что фургон упал на ребенка. Этот ребенок — ему едва исполнилось семь лет — был необычайно привлекательным существом, необыкновенно одаренным.

Дабы представить такого рода факт в свете нашей Духовной Науки, необходимо припомнить одно логическое соображение, которое я часто приводил в нашем кругу. Я говорил, как люди из-за поверхностного, неотшлифованного мышления путают причину и следствие; такая путаница, и правда, случается очень часто. Я пытался это проиллюстрировать на примере, который должен послужить только аналогией. Предположим, вы видите в отдалении человека, идущего по берегу реки. Вы видите, что он падает в реку, стараетесь подойти поближе и видите, что как раз на том месте, где человек упал в воду, лежит камень. Вы пытаетесь вытащить человека из реки и убеждаетесь, что он мертв. Самое простое — сказать: человек споткнулся о камень, упал в реку и утонул. Но совсем не обязательно, чтобы случилось именно это, и при элементарном осмотре тела можно установить, что как раз в то мгновение, когда человек приблизился к этому месту, его настиг сердечный удар, и он-то и стал причиной падения человека в воду. Так что истинной причиной падения в воду стал сердечный удар, но если не постараться выяснить истинную причину, можно было бы решить, что причиной смерти явилось падение в воду. И тогда выходит, что правильным было бы признано нечто прямо противоположное видимому положению вещей.

Сложнее разобраться в причинно-следственной цепочке, когда случай связан с духовным миром. Когда, как в нашем случае, смерть настигает ребенка при чрезвычайных обстоятельствах (а им сопутствовало множество других неординарных вещей), то с высшей точки зрения не приходится думать, что проезжавший мебельный фургон опрокинулся и случайно задавил ребенка. Правильнее с позиций Духовной Науки будет

предположить, что в данном случае карма ребенка была исчерпана и что, по существу, фургон потому только и опрокинулся, что ребенку надлежало умереть; значит, фургон только создал внешние обстоятельства, чтобы кармически предначертанная смерть настигла ребенка. Звучит тривиально, и все же: высшее «Я» ребенка стремилось пройти через врата смерти, оно-то и сотворило всю ситуацию, подготовило это происшествие. Само собой, человеку, мыслящему в современном духе, такое объяснение представляется совершенно безумным. Однако духовная наука призвана доказать, что кажущееся современному материалисту безумным как раз соответствует истине.

В нашем случае особенно важно, что эфирное тело семилетнего ребенка отделилось от его индивидуальности, то есть от того, что вкупе с «Я» и астральным телом проходит затем через духовный мир. В мою задачу не входит говорить сейчас о дальнейшей судьбе индивидуальности маленького Теодора Фаисса, мне скорее хотелось бы обратить ваше внимание на то, что в данном случае эфирное тело относится к разряду тех, которые только в продолжение семи лет наделяли физическое тело жизненными силами, хотя несли в себе запас сил, рассчитанный на длительное физическое существование от рождения до смерти. Эти силы сохраняются в эфирном теле. И самое главное, что тот, кто усматривает духовную связь Теодора Фаисса с момента его смерти с тем зданием, которое мы возводим в Дорнахе как центр Духовной Науки, отныне может знать, чем сделалось эфирное тело маленького Теодора Фаисса. Ведь при этом строительстве требуется так много разного! Мы сразу же поговорим о том, что сегодня можно еще почерпнуть по части инспираций из духовного мира. А для этого необходимы вспомогательные силы, дабы все, что должно быть почерпнуто из духовного мира, реально низошло к нам. И тогда обнаруживается, что с момента смерти маленького Теодора Фаисса наше дорнахское строение в очень широком охвате как бы окутано аурическим покровом разросшегося эфирного тела этого ребенка. Можно четко указать границы этого покрова.

Если вы взглянете на дорнахское строение (те, кто его

уже видели, знают об этом), то увидите, что оно представляет собой круглое здание с двумя куполами. Вот здесь дом Хайца, построенный в особом архитектурном стиле, а здесь находится другой дом, где изготавливаются витражи для нашего строения. Попутно замечу, что вот здесь находится так называемая вилла Ханзи — дом, в котором живу я с Марией фон Сиверс. Примечательно, что вплоть до леса, а затем, не затрагивая дома Хайца, попутно обходя стороной стекольную мастерскую и минуя виллу Ханзи, тоже не затрагивая ее, аура маленького Теодора Фаисса обволакивает целиком всё строение. Получается, что вступая в наше строение, практически вступаешь в зону этой разросшейся эфирной ауры.

Я уже обращал ваше внимание на то, что эфирное тело, освобождаясь от тела физического, увеличивается в размерах. Поэтому не приходится удивляться, что и в нашем случае оно приобретает такие размеры. Это эфирное тело является носителем тех посреднических сил, которые нужны нам, дабы обратить их в формы и художественные особенности нашего строения. И тот, кто трудился на строительстве нашего здания, знает, чем он обязан этой ауры. Я всегда готов признать, что после смерти маленького Теодора Фаисса работа над зданием могла быть продолжена только благодаря тому, что со стороны распростертого надо всем строением эфирного тела этого ребенка исходили посреднические инспиративные силы. Проще было бы вообще об этом не упоминать. Ведь можно бахвалиться, что не испытываешь нужды в такого рода посреднических силах. Но истина дороже.

Вдумываясь в описанные факты, получаешь впечатление от того, что происходит с эфирным телом, которому надлежит отделиться от тела физического в случае, когда жизнь человека обречена оборваться в детском возрасте. Важно заметить, что эфирное тело человека не есть какое-то облачное образование, погруженное в тело физическое. Ведь и физическое тело человека мы определяем не просто как сгусток мускулов и костей, а признаем его своеобразным храмом божества, своего рода микрокосмом. Мы правильно определяем физическое тело только тогда, когда осознаем, что формы,

которые ему приданы, действительно нисходят из всей Вселенной, что человек в отношении своего физического тела представляет собой космическое чудо. Если прочувствовать то, что сказано в первом диалоге моей второй драмы-мистерии «Испытание души», можно составить представление о том, каким образом конкретный человек с его физическим телом вписывается в свое физическое существование трудами самых разных иерархий; как весь мир богов ставит своей целью вписать человека в физическое существование. И мы правильно оцениваем значение физического тела только в том случае, когда хотя бы в какой-то степени учитываем результаты ясновидческого исследования.

Ведь ясновидческое познание возможно только потому, что человек извлекает свое духовно-душевное начало из физически-телесного и затем может сохранить это восприятие вне своего тела в духовно-душевной сфере. Так что чисто внешне, по существу, нет никакого различия между соотношением тел у человека в ясновидческом состоянии и у спящего человека, который так же извлекает свое душевно-духовное начало из физически-телесного. Однако ясновидчески воспринятое вне физического тела позволяет нам составить представление о том, что происходит с человеком, когда тот пребывает в состоянии сна. Для наглядности это можно изобразить следующим образом. Допустим, это телесно-физическое, а это душевно-духовное начало спящего человека. У бодрствующего человека, естественно, духовно-душевное начало находится внутри телесно-физического.

Итак, представим себе человека в состоянии сна. Физическое и эфирное тела находятся в постели, они не содержат астрального тела и «Я», как это бывает в бодрственном состоянии. Однако надо сказать, что активность астрального тела и «Я», проявляющаяся в физическом теле во время бодрствования, не полностью проявляется в состоянии сна. Бодрственное сознание воспринимает спящего человека как бы лишенным души. Но ясновидящий воспринимает его иначе. Ясновидящий должен сказать относительно этого спящего физического и эфирного человека нечто другое. Он должен сказать: «Весь день то место, где находился спящий, освещалось

Солнцем. Теперь наступила ночь». Я говорю о нормальном распорядке дня, когда по ночам спят, а днем бодрствуют, то есть не о том, что происходит в современных больших городах. Ночная тьма сменяет в данном месте солнечное время суток. И вот что поразительно: существо Земли начинает размышлять, причем органом мышления Земли и являются тела этих спящих людей.

Как люди мыслят при помощи мозга, так и Земля мыслит при помощи тел спящих людей. Днем она непрерывно отдается процессу восприятия (и это восприятие состоит в становлении, озаряемом приходящими со стороны Космоса солнечными лучами), а ночью перерабатывает воспринятое в мысли. Ясновидящий утверждает, что Земля мыслит и опирается в своем мышлении на тела спящих людей. Каждый спящий представляет собой как бы клеточку мозга нашей планеты. Наш физический мозг устроен так, что, когда мы не используем его сами, он может послужить мыслительному процессу всей планеты. Однако Земля не только мыслит при помощи физического тела — она предается и процессу имагинации (вам ведь известно, что такое имагинативное познание). Имагинации Земли распространяются на все то, что на самой Земле еще не сделалось земным, но приходит к ней из космоса. Этот процесс имагинации происходит в эфирном теле. В физическом теле спящего человека можно распознать молекулу мозга Земли, а в эфирном теле спящего можно распознать имагинации пока что внеземной Вселенной. В удивительных образах в эфирном теле разыгрывается все то, что должно в виде сил притекать к Земле из эфирного мира, дабы происходящие на ней события могли осуществиться. Как верно то, что физический человек принадлежит Земле, так верно и то, что эфирный человек принадлежит небесам. И мы можем использовать физический мозг как персональный орган мышления только потому, что он предназначен для мышления и, так сказать, предоставлен Землей в наше пользование во время бодрствования. Равным образом эфирное тело служит нам поставщиком жизненных сил потому, что небеса предоставляют его в наше пользование во время бодрствования, а также потому, что во время

бодрствования силы небесных имагинаций должны быть преобразованы нами в жизненные силы. Так что не приходится говорить об эфирном теле как о каком-то туманном образовании — это зеркальное отражение небес, микрокосмическая структура.

При нашем рождении нам передается эфирное тело особо совершенной формации, оно изнутри блистает и сияет чистейшими имагинациями, принесенными им из великой Вселенной. Это величавое зеркальное отражение Космоса. И все достижения целой жизни вплоть до глубокой старости — воспитание, эрудиция, жизненный опыт и напористость — извлекаются из эфирного тела. От рождения до смерти космические, небесные силы передают нам все необходимое для этого. И в качестве обитателей эфирного мира — по истечении нормального срока жизни от рождения до смерти — мы заново молодеем, ибо уже успеваем к тому моменту извлечь все необходимое из эфирного тела. Но когда через врата смерти проходит эфирное тело молодого человека, оно еще содержит огромное количество неиспользованного небесного света. Вот почему оно становится проводником тех сил, о которых у нас шла речь. Не вдаваясь в подробности судеб конкретной души, вроде той, о которой мы говорили, можно сказать: такое эфирное тело — это подарок небес, дар духовного мира. А значит, такое эфирное тело может служить источником инспирации в указанном направлении.

Нас далеко бы завело, если бы мы стали здесь разбирать кармическое своеобразие душ, способных на такое самопожертвование. Такая жертва не бывает произвольной, ибо она связана с общим кармическим призванием души сыграть определенную роль в глобальном процессе становления человечества; такая жертва была принесена и для нашего дорнахского здания, венца наших духовных устремлений.

А теперь подумайте о том, что сейчас царят такие времена, когда огромное число эфирных тел людей, умерших пусть и не в детском, но в юношеском возрасте, пребывает в духовной атмосфере нашей планеты. Прошедшие через врата смерти на кровавых полях войны умерли иначе, нежели те, кто умер в собственной постели

или в результате несчастного случая. Они прошли через врата смерти, рискуя жизнью; их астральное тело — более или менее подсознательно — считалось со смертельным риском. И в этом случае всегда можно говорить о жертвенном служении. Все эфирные тела молодых людей, вступивших описанным образом в духовный мир, несли неиспользованные силы. Нам предстоит такой период развития человечества, когда люди смогут в полном сознании взирать в духовный мир и тогда заговорят о том, что в недавнем прошлом огромное число неиспользованных эфирных тел было послано в духовный мир. Эти тела несли с собой силы, значение которых для развития человечества Духовная Наука может оценить уже в наши дни.

Необходимо подчеркнуть, что сказанное относится не ко всем войнам, известным нам из истории. В духовном разрезе все обстоит не так просто, как представляется современной науке. Принципиально другой характер войн исторического прошлого взывает к качественно иному освещению. Сказанное мною относится к нынешнему судьбоносному времени. Я никогда не упускал возможности подчеркнуть, что современная Духовная Наука возникла не из произвола, что ее появление заложено в самом процессе развития человечества, — она постепенно должна стать доступной людям. Мы знаем, что каждая эпоха развития человечества имеет собственную задачу; это вытекает из многих прочитанных нами циклов лекций. И мы можем убедиться, что процветание человечества и благо его грядущего развития начиная с ближайшего времени реально зависит от того, станут ли откровения Духовной Науки духовным достоянием постоянно возрастающего числа человеческих душ.